А. Анисимова

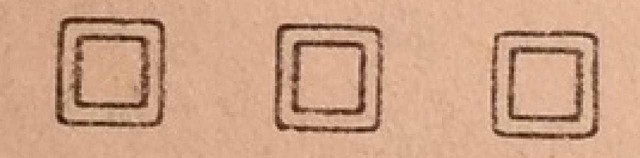

На память Ибатуллину,
Юре от Палаева Жени,
15 декабря 1952 года

А. АНИСИМОВА

СКАЗКИ

Пензенское
областное издательство
1952

СОДЕРЖАНИЕ

ДВЕ СЕСТРИЦЫ

За горами, за долами, за синими морями жил-был могучий старик Светозар. И было у Светозара две дочери, красотою равные, а обликом разные. Старшая дочь весёлая, на речах приветливая, белая-румяная, очи голубые, косы золотые. Как она появится, так словно рассветает. За то и имя ей дали — Светлана. А младшая дочь лицом тёмная, косы у неё черным-черны, а глаза и того чернее. И характером она тихая да молчаливая, всегда задумчивая. За то и имя ей было — Смугляна.

Светозар дочерей любил равно, а обращался с ними поразному—старшую Светлану берёг да баловал, от себя на шаг не отпускал, а младшую Смугляну ни в чём не стеснял— где хочешь, там и ходи, что хочешь, то и делай.

Однажды вздумал Светозар дочерей порадовать, подарил он Светлане ленту алую и светлое зеркальце, а Смугляне нитку старинных алмазных бус—самому-то от бабушек-прабабушек досталось. Светлана подарку обрадовалась, перевязала алой лентой свои косы золотые и стала в зеркальце глядеться. А Смугляна поклонилась отцу и тихо сказала:

— Спасибо, батюшка, на подарке.

Глядит на неё Светозар и не поймёт — рада она подарку или не рада. И спрашивает он её:

— По душе ли тебе, дочка, подарок мой?

Смугляна отвечает:

— По душе, батюшка.

Светозар спрашивает:

— Может быть, тебе ещё что подарить? Проси, чего хочешь, я всё для тебя сделаю.

Смугляна отвечает:

— Нет, батюшка, ничего больше не надо. Только позволь за ворота выйти, по лесам, по лугам погулять.

Светозар подумал и согласился:

— Ну, что же, — говорит, — поди, дочка, погуляй. Я тебе не запрещаю.

Надела Смугляна на шею светлые бусы и отправилась погулять. Ходит красавица по лесам, по лугам, по долинам широким, по оврагам глубоким. А кругом стало темным-темно, на лугах трава стоит не шелохнется, в лесу листики не дрожат, не шумят. Только раздаётся в тишине песня соловьиная. И всё Смугляне любо и всё ей мило.

Шла она тёмным лесом, нечаянно задела за веточку, думала шаль каймой зацепилась, ан нет—зацепилось ожерелье, оборвалась ниточка, и рассыпались светлые бусы по сырой земле, по густой траве. А Смугляна того не заметила, и уж только, когда домой пришла, хватилась—нет бус... Ну, нет и нет. Потеряла.

Увидала старшая сестра Светлана, что младшая сестра что-то припечалилась, и стала её спрашивать:

—Ты что, сестрица, такая невесёлая?

Вздохнула Смугляна и говорит:

— Я сестрица, бусы потеряла. Не столь дороги бусы, сколь дорого́ — батюшкин подарок. Как я ему теперь скажу?

Погоревали сёстры, подумали—как быть? Светлана посоветовала:

— Погоди, сестрица, отцу сказывать. А пройди по тем местам, может быть, найдёшь бусы.

Сказано — сделано. Пошла красавица Смугляна по тому пути, каким шла. Прошла лугами, прошла долинами — нет бус. Пришла в тёмный лес, и тут нет. Идёт она дальше, глядит по низу—бусы ищет. А с того места, где она за ветку задела, отошёл какой-то молодец и встал невдалеке за дерево. Смугляна этого и не заметила. Идёт она мимо, а молодец её красотой любуется, а сам думает: «Чего эта красавица ищет?

Уж не те ли бусы, которые я тут подобрал? Сейчас ей бусы отдать или погодить? Лучше погожу, сначала узнаю, где живёт и кто она такая».

Идёт Смугляна к дому всё ближе, а голову клонит всё ниже — бусы ищет. А молодец за ней назерком следует. Вот вошла Смугляна в ворота, а молодец неподалёчку остановился. Остановился он и от удивления даже руками развёл: «Так вот, — думает, — кто она такая! Ворота-то светозаровы, значит она и есть та самая светозарова дочь, красоте которой весь мир дивуется. На такую мне заглядываться нечего. Я ничем не примечательный и светозаровой дочери я не пара».

Пришла домой Смугляна ни с чем. Говорит сестре:

— Не нашла бусы. Невозможно их отыскать — там везде темным-темно, ничего не видно.

Светлана подумала-подумала и говорит:

— Не печалься, сестрица. Оставайся дома, а я схожу поищу твои бусы.

Сказано—сделано. Выходит красавица Светлана за ворота и видит—недалеко от дороги стоит какой-то молодец. И так он глубоко задумался, что и не заметил, как Светлана мимо прошла и скрылась в лесу. Только он и видел — будто алая ленточка за деревьями мелькнула.

Долго ходила красавица Светлана по лесам, по лугам, по долинам, ни с чем домой воротилась. Говорит Смугляне:

— Не нашла, сестрица, твои бусы. Да и как их там сыскать — кругом светлым-светло, трава стоит высокая, цветы цветут разноцветные. А бусы маленькие, разве их углядишь среди такой красоты? Придётся, верно, отцу сказать.

— Нет, — говорит Смугляна,—погодим отцу сказывать. Я ещё схожу поищу. Теперь пойду прямо к тому месту, где за ветку задела. Бусы должны быть там.

Вышла красавица Смугляна за ворота и пошла скорым шагом. Вот пришла она, наклонилась низко и стала руками шарить по сырой земле, по густой траве. И вдруг слышит голос:

— Какую пропажу, красавица, ищешь? Вот нашёл я бусинку, не ты ли обронила?

Смугляна взяла бусину и говорит:

— Спасибо тебе, добрый молодец. Это я обронила. Только не одну бусину, а всё ожерелье рассыпала.

Молодец говорит:

— Не горюй, красавица. Хотя и не сразу, а все твои бусины я отыщу. Приходи завтра об эту пору на это же место.

— Ладно, — говорит Смугляна, — приду.

Сказано — сделано. Пообещала и пришла. Молодец ей ещё одну бусину отдал. Так и повелось—придёт Смугляна в тёмный лес, и каждый раз молодец ей по одной бусинке отдаёт. И вот однажды он её спрашивает:

— Скажи, красавица, ведь ты светозарова дочь?

Смугляна ему отвечает:

— Да. Я светозарова дочь.

Он спрашивает:

— А ты видишь, что я по тебе сохну и весь извелся?

Смугляна отвечает:

— Да, вижу. И, конечно, жалею тебя.

Вздохнул молодец и говорит:

— Вот ведь беда-то какая—ты светозарова дочь, а я перед Светозаром никто и ничто. Не отдаст тебя Светозар за меня. А уж лучше возвращу я тебе сейчас все до единой бусины, и больше ты меня не увидишь?

— Нет, — говорит Смугляна, — я этого не хочу.

Обрадовался молодец.

— Значит тебе бусы не дороже меня? Если так, то попроси Светозара, чтобы он принял меня на какую-нибудь службу. Буду делать всё, что прикажет, а дослужусь до того, что согласится он выдать тебя за меня.

— Хорошо, — говорит Смугляна, — я попрошу отца. А ты приходи к воротам и жди.

И вот собралась Смугляна идти к отцу с просьбой. Пришла она, поздоровалась. Не успела слова сказать, как Светозар сам заговорил:

— Что это, дочка, не вижу я на тебе бус алмазных? Почему не носишь мой подарок?

Задрожала Смугляна, как листочек на осинке, и едва выговорила:

— Прости меня, батюшка, я твой подарок потеряла.

— Как так потеряла? Где потеряла?

— Сама не знаю, как и где, а потеряла.

Сильно разгневался Светозар и приказал дочери:

— Иди в светлицу и больше не смей никуда со двора выходить.

Пришла Смугляна в светлицу вся в слезах. Светлана её спрашивает:

— Ты что, сестрица, плачешь? Какое на тебя горе?

Рассказала Смугляна старшей сестре, как призналась отцу, что алмазные бусы потеряла, и про то сказала, с какой просьбой хотела к отцу подойти. Пожурила Светлана сестру за скрытность.

— Давно бы, — говорит, — всё мне рассказала, дело-то лучше повернулось бы. Ну, ладно, — говорит, — тебе нельзя теперь отца просить, так я попрошу. Где он этот твой молодец-то?

Смугляна говорит:

— Он у ворот стоит.

Пошла Светлана к отцу и говорит:

— Батюшка, там у ворот какой-то молодец стоит, нескладный и неладный. Хочет просить тебя, чтобы ты его на какую-нибудь службу принял, да не осмелится войти. Тебе, батюшка, одному трудно, возьми его на какую-нибудь работу. Всё-таки тебе помощь будет.

Светозар говорит:

— Верно, дочка, одному мне трудно, за всем не углядишь. А за добрый твой совет спасибо. Ладно, посмотрю, что за молодец.

Вышел Светозар на крыльцо и крикнул:

—Эй, кто там со мной говорить хочет? Подходи смелее.

Подошёл к нему добрый молодец, поклонился низко, речь повёл и умно и скромно. Понравился молодец Светозару. И сказал ему Светозар:

— Принимаю тебя на службу — будешь охранять земли и воды. Служи хорошенько, что заработаешь, получишь.

Поступил молодец к Светозару на службу, работает, старается. А Светозар к нему приглядывается — всем молодец хорош, на такого положиться можно.

Прошло сколько-то времени, позвал Светозар молодца к себе и за хорошую службу дал ему золочёный лук и серебряные стрелы. А отпуская его, в шутку или не в шутку сказал:

— Старайся, добрый молодец, служи так, чтобы за честь мне было за тебя дочку отдать. Если уж она за тебя просила, значит от неё ты отказа не получишь.

Добрый молодец обрадовался, что Светозар сам о его доле заговорил и что теперь—ни просить, ни кланяться, а только служить честно. И вот ходит молодец радостный, золочёный лук натягивает, серебряными стрелами постреливает. Красавицу Смугляну он хотя и не видит, но теперь своей невестой считает. А того не знает, что Смугляна у отца в немилости и ей за ворота выйти нельзя.

Прошло ещё сколько-то времени. Жалко Светозару и дочь Смугляну, жалко и потерянное ожерелье. И надумал он пропажу найти и тогда простить дочь. Позвал он молодца и говорит ему:

— В нашей семье случилась пропажа — потеряны дорогие алмазные бусы. Их надо найти, где бы они ни были. Сможешь это сделать?

Добрый молодец отвечает:

— Смогу найти бусы. Даю слово.

Светозар засмеялся и говорит:

— Ладно. Ты даёшь слово и я даю слово: найдёшь алмазы, отдаю за тебя дочь.

Отворил Светозар дверь в светланину горницу и позвал:

— Дочка, выдь-ка сюда.

Выходит из горницы красавица Светлана, нарядная, весёлая, очи голубые, косы золотые. Увидел её добрый молодец, побелел белее белого и говорит:

— Это не моя невеста. Жениться на ней не могу.

Золочёный лук у него из рук выпал, серебряные стрелы рассыпались. А Светозар весь затрясся от гнева и закричал:

— Как ты смел такое слово сказать? Моя дочь тебе не невеста? Ты забыл, кто ты и кто я?

Молодец наклонился поднять лук и стрелы, и тут у него из-за пазухи посыпались светлые смуглянины бусины и одна за другой покатились по полу.

— Вор! Вор! — закричал Светозар. — Значит алмазы не потеряны, а ты их украл. Сгинь с моих глаз, чтобы я больше тебя не видел!

Светлана собрала с полу рассыпанные бусы, а в это время вышла из своей горницы красавица Смугляна — косы чёрные, очи и того чернее, а сама тихая и печальная. Светлана подала ей бусы и говорит:

— Возьми, сестрица, свои бусы.

Добрый молодец поднял золочёный лук, собрал серебряные стрелы, выпрямился и сказал Светозару:

— Пусть будет по-твоему — я с твоих глаз сгину и больше ты меня не увидишь. Но ты не увидишь больше и свою дочь, а мою невесту Смугляну. Она уходит со мной.

Взял он за руку красавицу Смугляну и пошли они вон из светозарова светлого дома. Красавица Смугляна на пороге оглянулась и сказала:

— Прощай, батюшка, я ухожу с ним. Бусы беру с собой— буду вспоминать тот добрый час, когда ты мне их подарил.

Когда они вышли за ворота, Светозар мало-помалу пришёл в себя. Говорит он Светлане:

— Нехорошо я накричал. А разве я злой какой? Нет, я для всех добрый. Ах, как нехорошо. Какое я пятно на себя положил...

Светлана стала отца успокаивать:

— Ничего, батюшка, всё пройдёт. Ведь как люди-то говорят: « и на солнце бывают пятна». А сестрицу Смугляну не жалей, она с этим бродягой будет счастливее, чем с нами.

Долго Светозар с дочерью Светланой смотрели с крыльца, как по дороге, всё в гору, в гору идут красавица Смугляна и добрый молодец с золочёным луком в руке. Как вышли они на высоту и вокруг стало темным-темно, раскинула красавица Смугляна по синему пологу свои алмазные бусы, и засияли они ясными звёздами над полями, над лугами, над лесами тёмными, над долинами широкими.

Вздохнул Светозар и говорит:

— Нехорошо я сделал — прогнал дочь из дому. Пойдём их догоним и назад воротим.

И пошли они догонять Смугляну и доброго молодца. И с тех пор так и идут за ними вокруг светозарова светлого дома, и никак догнать не могут. Когда проходит тёмная Смугляна, то с ней появляется и её спутник — то впереди, то позади неё поблескивает в темноте его золочёный лук. А когда вслед за ними идёт этим же путём светлая Светлана, то с нею рядом, шаг в шаг, шествует и старый добрый Светозар. Махнёт Светлана своей лентой алой, и вокруг станет светлым-светло — день белый.

Так и идут вековечной чередой одна за другой две сестрицы — тёмная ночь Смугляна и светлый день Светлана.

ЦАРИЦА ЛЕДЯНИЦА

Было в некотором царстве, в очень дальнем государстве, за лесами, за горами, за холодными морями, — там жила-была царица Ледяная Ледяница.

В белоснежном во дворце, на узорчатом крыльце, в белой шубке меховой и в короне ледяной, ходит гордая царица и на белый свет дивится:

— Как прекрасно! Как бело! Всё снегами замело! И куда ни кину взоры, вижу дивные узоры!

И зовёт она подругу, свою песенницу Вьюгу:

— Расскажи — кто этот мастер, кто дворец мой так украсил? Кто ковал кристаллы эти, выводил узоров сети?

Отвечает ей подруга:

— Знает наша вся округа, чьи затейливые руки это делали от скуки, — твой, царица, воин грозный, молодой Мороз Морозный.

Залилась царица смехом:

— Нет конца его потехам! Я Мороза уважаю. Наградить его желаю — серебра даю два воза. Позови ко мне Мороза.

Вот Мороз пред ней явился, низко-низко поклонился:

— Ты звала меня, царица?

Отвечает Ледяница:

— За узорные ограды удостоен ты награды. Я прошу — поставь мне трон. Выше гор пусть будет он, чтоб могла увидеть я, велика ль страна моя.

И Мороз ответил ей:

— Будет трон среди морей. С ледяной высокой кручи, через горы, через тучи, сможешь видеть ты, царица, где страны твоей граница.

* * *

Трон построен в семь недель. На пятидесятый день вёл Мороз свою царицу Ледяную Ледяницу на серебряный балкон, где стоял узорный трон. И на трон царица села, ясным взором оглядела все владения свои:

— Там застывшие струи образуют грот кристальный... Слышен льдинок звон хрустальный... Эти снежные просторы, ледяные эти горы и морей оледененье — вот оно — моё владенье!

И царица Ледяница видит царств своих границу:

— Это что вдали синеет — там вода не леденеет?

И Мороз ответил:

— Да. Там в морях теплей вода. Если хочешь знать, царица, что за этою границей, вот подзорная труба, погляди ещё туда.

И глядит в трубу царица и не может надивиться:

— Что за странное явленье — речек вольное теченье... Зелень... Яркие цветы... Никакой нет красоты! Всё так пёстро! Всё так грубо!

И царица сжала губы.

— Так оставить невозможно! А скажи, Мороз Морозный, можно ль там всё сделать белым и цветы засыпать снегом? Можно ль край тот покорить, весь его оледенить?

Молодой Мороз вздыхает и царице отвечает:

— Не могу сказать, царица, не бывал я за границей. Пусть расскажет Буйный Ветер — он гулял везде на свете. Я ж могу сказать одно — мне там воли не дано.

Стала спрашивать царица:

— Кто царит за той границей? Расскажи нам, Буйный Ветер, что там видел, что там встретил? В этом царстве иностранном всё так ярко, всё так странно...

Буйный Ветер подлетает и царице отвечает:

— В тёплом крае я бывал, розы нежные качал. Видел там дворец зелёный, весь садами окружённый, в нём живёт царевна Мая. Там страна — совсем иная! Там про наши холода

не слыхали никогда. Мая там цветёт, как роза, знать-не знает про Мороза. А царица Леденица Мае даже и не снится! Там в степях, в лугах привольных сочных трав стадам довольно. Реки там текут, играют, ледяных оков не знают. Звери водятся в лесах. Соловьи поют в кустах — в дивных песнях славят Маю. Вот, царица, всё, что знаю.

Ледяница брови хмурит:

— Где мой храбрый воин Буря? Где отчаянный Буран, своевольный атаман? Где боярин Холод Лютый? Всех созвать в одну минуту! Пусть и Стужа и Пурга тоже явятся сюда. Ну, а ты, Мороз Морозный, самый сильный, самый грозный, ты войска мои веди. Ветер будет впереди — он укажет, где дорога до царевнина порога.

Так сказала Ледяница, царства снежного царица, и пошла она войной на далёкий край иной, — край, где всё ей непонятно, странно, дико, неприятно.

* * *

А в привольном тёплом крае хорошо царевне Мае в зеленеющих дубровах слушать гомон птиц весёлых, песни петь в лугах росистых и гулять в садах тенистых.

С женихом гуляет Мая, никакой беды не зная. А жених, её лаская, говорит:

— Простимся, Мая. Я уеду в дальний путь, ты меня не позабудь. Правда — будет путь далёк, но полгода — малый срок, я вернусь к тебе, и снова погуляем по дубровам. Помни, Мая, — ты моя. Не грусти и жди меня.

В дальний путь жених уехал. Но у Маи есть утеха: на лугах цветы сажает, в роще птенчиков ласкает, звонко песни распевает и печальной не бывает.

Так бегут, бегут недели.

* * *

Уж в садах плоды поспели. Над лесной тропой калина кисти красные склонила.

Буйный Ветер лес качает. Мая всё беды не чает. Буйный Ветер вихрем вьётся. Мая шутит и смеётся:

— Что ты мечешься по степи — или ты сорвался с цепи?

Буйный Ветер свищет, воет. И у Маи сердце ноет:

— Ветер! Брось! Плохая шутка — злую песню слушать жутко. Ты и раньше здесь бывал, розы алые качал, был ты буйный, но не злился. Что ж теперь так изменился?

Ветер бьёт, листы срывает. Мая плачет и рыдает:

— Что мне делать, как мне быть — чем злой Ветер утишить?

Едет мимо Холод Лютый—важный, чванный, как надутый. Он дохнул — и всё вокруг зябнет, стынет, вянет вдруг. В роще листья пожелтели. Птицы стаей полетели. Мая смотрит птицам вслед:

— Птицы, птицы, вы куда?

Птицы ей кричат в ответ:

— Где не веют холода!

Травы шепчут, увядая.

— Пропадёшь, царевна Мая, — Ледяницы войско злое на тебя идёт войною...

Вот явилась к Мае Осень:

— Мы тебя, царевна, просим: поживи ты в нашей роще, там тебе укрыться проще. Пусть Мороз и Холод рыщут, а у нас тебя не сыщут. Чтобы ты не застывала, как пуховым одеялом, жёлтым листом принакроем, от беды тебя укроем.

И едва-едва живая из дворца царевна Мая в рощу с Осенью уходит, там приют себе находит.

* * *

Мая спит, беды не чует. А в дворце — Мороз ночует. Утром, только рассветало, он прошёл по тихим залам, на стекле навёл узоры, словно тюлевые шторы, и замерзшие цветы побросал с окна в кусты. Приказал Мороз Метели снеговые стлать постели, а меньшой её сестре — снег рассыпать на дворе:

— Чтобы всё здесь стало бело, как царица повелела!

Вот в степях, в лугах и в роще снеговой покров наброшен. Белоснежные ковры покрывают все дворы. Тихий сад, крыльцо и дом — всё покрыто серебром.

Звёзды в небе засверкали.

А Мороз в дворцовом зале ходит твёрдыми шагами, снег скрипит под сапогами. Ждёт Мороз свою царицу Ледяную

Ледяницу. Ждёт, и ходит, и вздыхает. А вокруг всё застывает...

Вдруг завыло, загудело. Вьюга бешено запела. Налетел Буран набегом, путь осыпал мягким снегом.

В белоснежной колеснице мчится белая царица.

Во дворец царица входит и прекрасным всё находит:

— Ах! Не может быть белей! Друг Мороз, ты — чародей! Где ж сама царевна Мая — почему нас не встречает? Иль она совсем застыла? Прикажи, чтоб нам служила.

Говорит Мороз Морозный:

— Нет, царица, невозможно — обыскали все пути, не могли её найти.

Ледяница смотрит гневно:

— Как! Ты не нашёл царевну?

— Да, царица, не нашёл. Но я всю страну прошёл, всё застыло и, наверно, уже нет в живых царевны.

Долго гневалась царица, но пришлось с тем примириться, и она сказала:

— Что же, — быть живой она не может, значит — здесь царица я. Значит — вся страна моя!

И живёт в дворце царица, всем довольна, веселится:

— Друг Мороз, ведь мы с тобою победили здесь без бою!

Молодой Мороз вздыхает и царице отвечает:

— Нет, царица, погоди, — будут битвы впереди.

* * *

Вот уже прошло полгода.

Из далёкого похода, в золотых чеканных латах, на своём коне крылатом, в маин край летит стрелой Солнце — витязь молодой. Он спешит к своей невесте, хочет снова быть с ней вместе:

— Мая! Ждёшь ли ты меня?

Оставляет он коня и поспешными шагами входит в рощу, где гуляли.

Всё бело... Всё заснежёно... И, как громом поражённый, восклицает богатырь:

— Это что же за пустырь?! И какая злая сила здесь снегами всё покрыла?

Тишина. Но где-то тут дятел носом:

— Тук, тук, тук...

— Дятел, дятел! Будь приятель, расскажи, что было тут?

И повёл рассказ свой дятел:

— Да. Я был тебе приятель. И твоя царевна Мая всем была здесь, как родная. Но случилось злое дело — Ледяница налетела и затеяла войну, покорила всю страну. Где прошёл Мороз сердитый, — всё замёрзло, всё убито...

— Где моя царевна Мая? Неужели не живая?

— А твоя царевна Мая, я так думаю, живая, и в каком-нибудь дупле Мая спит теперь в тепле. Вот заявится к нам Осень и тогда её мы спросим, где она укрыла Маю. Сам же я того не знаю.

Помутился Солнца свет:

— Дятел! Ты в уме иль нет! Ведь почти что через год Осень к нам теперь придёт.

— Это верно... Ну, придётся ждать, когда сама проснётся.

— Да! Теперь придётся ждать, и — с Морозом воевать!

И царевич-богатырь зашагал через пустырь прямо к маину дворцу, к побелевшему крыльцу.

Заглянул царевич Солнце в дверь — в замёрзлое оконце. Со стекла узор сбежал, и царевич смотрит в зал:

— Кто живёт теперь в дворце? Ледяница там, в венце... Вот и сам Мороз Морозный — воевода сильный, грозный... Тут и Буря и Пурга... Много силы у врага — всех пригнала Ледяница. Хорошо им будет биться... А вот мне-то каково... Ну, посмотрим — кто кого!

С крыши капнули капели... Богатырь ушёл от двери, и в единый миг Мороз на стекло узор нанёс.

* * *

Ночи долги. Дни короче.

Витязь Солнце ждать не хочет, на сугробы на крутые мечет стрелы золотые — в бой Мороза вызывает.

И Мороз бой принимает. Вот он едет на коне, весь в серебряной броне. Гордо белый конь шагает, снег копытами взрывает. А Буран сугробы грудит, огневые стрелы студит.

У Мороза крепок щит, — как гора Мороз стоит, отбивая булавой Солнца натиск огневой.

Так, отвагою горя, бьются два богатыря.

День проходит... Близко ночь... Биться витязю невмочь — витязь Солнце отступает...

А Мороз — ещё крепчает.

Звёзды смотрят с высоты. Не шелохнутся кусты. Богатырь могучий, грозный, молодой Мороз Морозный, весь в серебряной броне, тихо едет на коне. Снег скрипит и лёд трещит. Серебром сверкает щит.

* * *

Во дворце живёт царица, всем довольна, веселится:

— Витязь Солнце побеждён!

Смех, и шум, и стон, и звон, песни, пляски каждый вечер, лишь по залам дует ветер. Вот Метель с Бураном пляшет, покрывалом белым машет. Буйный Ветер ходит, свищет, он подругу-Вьюгу ищет. А старик-боярин Стужа в буйном танце Вьюгу кружит. И кричит боярин Холод:

— Эх бы, я бы был бы молод!

И хохочет Ледяница, царства снежного царица. Лишь один Мороз Морозный на пиру сидит серьёзный.

* * *

Дни становятся всё дольше, и у Солнца силы больше. В золотой своей броне, на крылатом на коне мчится витязь по снегам, мечет стрелы во врага. Рыжий конь сугробы пашет, золотою гривой машет. От следов его копыт тёплый пар столбом валит. Конь взвивается всё выше, громче ржёт, и жаром дышит. Витязь Солнце мечет стрелы, на Мороза мчится смело, хочет сбить его с коня.

Вот Морозова броня под ударом загремела... И рука отяжелела... И не стал ему защитой щит, стрелами весь пробитый...

С тем и бой пришёл к концу — повернул Мороз к дворцу. Он разбит. Он отступает...

В поле снег рыхлеет, тает...

По сугробам, без дороги, белый конь уносит ноги, а за ним летит в погонь рыжий ярый конь Огонь.

* * *

А царица Ледяница во дворце одна томится.

То ль в покоях стало жарко, то ли ей чего-то жалко, и царица горько плачет. А Мороз к воротам скачет. Вот Мороз вошёл в покои:

— Что, царица, что с тобою?

— Я устала... Я больна... Что за дикая страна! Почему течёт по крыше?

Но Мороз её не слышит. В отсыревшем белом зале он тяжёлыми шагами ходит мрачный и угрюмый, удручённый горькой думой. Говорит Мороз:

— Царица! Безрассудно с Солнцем биться. В царстве этой нежной Маи нас погибель ожидает. Здесь всё мокнет. Здесь всё тает. Больше силы нехватает!

— Воевода! Что я слышу! Заморозь... хотя бы крышу... Здесь так душно... Здесь так жарко... Ах! Тебе меня не жалко...

Тяжело Мороз вздыхает и царице отвечает:

— Крышу на ночь заморожу. Но, царица, не поможет, — завтра, только день настанет, снег на крыше вновь растает.

И дрожит царица:

— Ой! Что же делать нам с тобой?

И сказал Мороз Морозный:

— Уезжать, пока не поздно! В эту ночь! Пока я властен. Завтра будет путь опасен.

И Мороз решенья ждёт. С крыши льёт, и льёт, и льёт...

— В путь готовиться, царица?

— Да! — сказала Ледяница.

В ночь Буран с Пургой гуляли, снег взметали, расстилали вплоть до самой до границы — путь готовили царице.

В эту бурную полночь от дворца помчалась прочь в белоснежной колеснице царства снежного царица. А за нею на коне, весь в серебряной броне, ехал сумрачный и грозный богатырь Мороз Морозный.

* * *

Во владеньях юной Маи тает снег. Всё оживает. И грачи из дальних стран вновь летят к родным местам. Говорливые

потоки, устремляясь в путь далёкий, вперегонки и со звоном, быстро катятся по склонам.

День уже стал равен ночи. Мая больше спать не хочет. Под листвяным одеялом Мае даже жарко стало.

Мая встала, лист стряхнула, огляделась и вздохнула:

— Ах, как долго снился сон! И какой был страшный он: всё завяло... всё застыло... Или это так и было? И царевич мой прекрасный бился в битве той ужасной?

Где-то дятел:

— Тук, тук, тук...

— Дятел! Мой старинный друг! Расскажи мне, что здесь было? Был Мороз? Здесь Вьюга выла?

Отвечает Мае он:

— Правдой, Мая, был твой сон. Но теперь всё миновало, заживём здесь, как бывало. Вон и твой царевич бравый, победитель в битве славной! Он идёт тебя искать.

— Ах! А чем его встречать?

И царевна повелела:

— Распустись скорее, верба! Пусть твой нежный белый цвет будет первый мой привет: здравствуй, Солнце золотое, здравствуй, счастье молодое!

По долинам, по оврагам шёл царевич скорым шагом. Увидал царевич вербу:

— Верба! Признак самый верный: Мая, Мая, ты живая! Где же ты? Откликнись, Мая!

Вот царевич в рощу входит, в роще Маю он находит:

— Мая! Где же ты была?

— Я... под листьями спала! Осень здесь меня укрыла от морозной страшной силы. Ты пришёл, и вот я встала. Только здесь цветов не стало, их сгубил холодный Ветер. Я хотела, чтоб ты встретил здесь кругом-кругом цветы.

— Всех цветов прекрасней ты, мой цветок любимый, Мая!

Мая голову склоняет:

— Ой, царевич! Что за чудо! Посмотри, под снежной грудой распустился новый цветик. Раньше не был он на свете.

Витязь Солнце ей ответил:

— Это, Мая, дивный цветик, он таит большую силу. Ледяница не убила страшным холодом мертвящим нашу волю к

жизни, к счастью. В край снегов мы бросим смело золотые наши стрелы, и по этому пути будут цветики расти. Пусть узнает Ледяница, что под снегом — жизнь таится!

И куда ни глянет Мая, там подснежник расцветает.

— Раз, два, три, четыре, пять! Ой, да их не сосчитать! Пусть цветут. Пойдём домой — во дворец зелёный мой.

И пошли царевич с Маей. А вокруг всё расцветает, всё ликует, всё живёт, песни радости поёт, славит Солнце молодое с Маей, юною Весною.

* * *

В ледяном холодном крае Буря воет-завывает, снег Метелица метёт, а Буран в сугробы вьёт. Вьюга плачет, Вьюга стонет. Буйный ветер тучи гонит.

Вот царица Ледяница на узорный трон садится. Говорит она подруге, славной песеннице Вьюге:

— Я хочу устроить пир. Пир на весь наш снежный мир. Созови сюда скорей всех моих богатырей.

Вскоре гости все явились, в буйных танцах закружились. Лишь одна не веселится Ледяная Ледяница. Говорит она подруге, славной песеннице Вьюге:

— В эту дивную погоду что не вижу воеводу? Где Мороз? Что с ним такое — всё сидит в своём покое? Неужели не скучает?

Ей подруга отвечает:

— Возвратившись из похода, стал невесел воевода.

— Стал невесел? Не беда. Позови его сюда.

Вот Мороз пред ней явился, низко-низко поклонился:

— Ты звала меня, царица?

И спросила Ледяница:

— Воевода! Где ты был? Ты меня совсем забыл?

— Не забыл, царица. Нет! Без тебя — не светел свет. Но лишь вспомню наш поход, так тоска меня берёт. Стыдно, больно и обидно, — воевал я незавидно...

— Да. Всё вышло неудачно. Но зачем смотреть так мрачно? Всё же за моё спасенье ты достоин награжденья. Что желал бы ты в награду? Говори. Я всё дать рада. Серебра? Литые латы? Этим ты и так богатый...

Богатырь потупил взгляд:

— Да, царица, я богат. Да. Мне этого не надо. Я... иной хотел награды... Прогневить тебя боюсь, но скажу — не потаюсь. Подари своё кольцо!

— Что?

— С твоей руки кольцо!

— Ах! — царица весела. — Вот чего я не ждала!

Но кольцо с руки снимает, им задумчиво играет:

— От царицына кольца — путь до царского венца...

Богатырь сказал с поклоном:

— Не прельщался царским троном. Не мечтал я о венце. Я просил лишь о кольце, в том тебе и поклонился. Если я не дослужился... то — прости меня, царица...

И сказала Ледяница:

— Зная преданность твою, я кольцо тебе дарю — будь же ты, Мороз, царём. Мы сильней будем вдвоём! И — готовься — в этот год снова двинемся в поход!

Он ответил:

— Знай, царица, то, что было, повторится!

Ледяница грозно встала, властным голосом сказала:

— Всё равно! Но я желаю покорить царевну Маю!

И сияньем Долгой Ночи засверкали злые очи.

* * *

Много тысяч лет проходит. Каждый год в походы ходит царь Мороз с своей царицей своенравной Ледяницей. Каждый год Мороз лютует, ледяным дыханьем дует.

Но в привольном светлом крае, где живёт царевна Мая, перед силою морозной встанет Солнце — витязь грозный, на сугробы снеговые бросит стрелы огневые, и Мороз щит опускает, и опять он отступает, и опять свою царицу Ледяную Ледяницу мчит назад, в края снегов, в царство вечных холодов.

А в прекрасном крае Маи всё встаёт и расцветает, всё растёт, ликует, любит.

Никакой мороз не сгубит корни жизни бесконечной — есть она и будет вечно.

* * *

Золотому Солнцу — слава!
Бесконечной Жизни — слава!
И Весне прекрасной — слава!

СВЕТЛЫЙ МЕСЯЦ И ЕГО НЕВЕСТА

Неведомо когда, в стародавние годы, в небольшой деревушке, на самом краю, жила бездетная вдова. Трудилась она не ленилась, от своих рук кормилась — по летам в людях полола да жала, а по зимам белый лён пряла. За труды ей платили кто хлебом, кто зерном, а кто белым льном.

Прикопилось у вдовы ленку порядочно, опряла она его тонко-натонко, выткала холст плотный да ровный, выбелила его белей снега белого, налощила светлей светлого. Скатала она холст в большой каток, сидит над ним, плачет да приговаривает:

— Холст ты мой, холст,
Тонок не толст,
Мытый — толчёный,
Белый, лощёный.
Куда мне холст дети,
Кого мне одети?
Самой носить — жалко,
На торг нести — жарко,
Солнышком напалит,
Головушка заболит.
А была бы дочка,
Сшила бы одёжку —
Белую рубашку
С красной опояской,
С синей оторочкой,
С тонкою прострочкой.

Проплакала вдова до тёмной ночи, да и спохватилась — в избе воды ни капельки — ни тебе умыться, ни тебе напиться. Взяла вдова коромысло да вёдра, пошла за водой. Идёт она тропиночкой-бережком, а навстречу ей лесной старец с падожком. И говорит ей лесной старец:

— Вдовица, вдовица, не ходи в полночь за водицей, недоброе может приключиться.

Отвечает ему вдовица:

— А что же со мной, добрый старец, может случиться? Водяной дед в воду не утянет — у нас речка мелка. Да если что со мною и случится, плакать обо мне некому. Не боюся я ничего.

— Ну, час тебе добрый, — сказал старец и пошёл своей дорогой в лес, он там в землянке жил, травы собирал, людям от болезней помогал.

А вдова спустилась к речке, стоит на берегу на сыром песочке и любуется, как в воде Светлый Месяц играет. И вздумалось вдове со Светлым Месяцем пошутить — зачерпнуть его в ведро. Вошла она в воду и идёт к тому месту, где Месяц играет. Она к Месяцу, а он от неё дальше да дальше. Никак она Светлый Месяц не догонит. И думает вдова: «Хитрый ты, Месяц, ну, а я тебя похитрее. Всё равно изловлю». Вышла она на берег, глядит — Месяц опять на прежнем месте купается. Опять она пошла по воде, а Месяц опять от неё убегает. Она за ним не погналась, а зачерпнула воды и поставила ведро на то место, где Месяц в воде играл. А сама опять вышла на берег и смотрит. И видит она — вода в ведре колыхается, а в ней Месяц играет да купается. «Ну, — думает вдова, — теперь ты попался». Обошла она кругом, платком ведро накрыла, пояском завязала и скорёхонько на берег да домой.

Внесла вдова ведро с Месяцем в избу, на лавку поставила. Скинула с ведра платок, и вся изба ясным светом озарилась. Заговорил тут Светлый Месяц человеческим голосом:

— Вдовица, вдовица, выпусти меня из темницы. Так не отпустишь, бери с меня выкуп, хочешь золотом, хочешь серебром, хочешь нарядами да сладостями. Даю выкуп, чем только желаешь.

Вдова ему отвечает:

— Светлый ты мой Месяц, Месяц ты мой ясный! На что мне с тебя выкуп? Золота и серебра мне не надо, сладко есть я непривычна, а наряды мне и вовсе ни к чему — вон свой холст лежит, не знаю, куда деть. Не пущу я тебя, живи тут в избе, мне с тобой и посветлее и повеселее.

Опять накрыла она ведро платком, поясом завязала, а сама спать легла.

На другую ночь вдова опять платок с ведра сняла, и опять Месяц заговорил по-человечески:

— Вдовица, вдовица, выпусти меня из темницы, а то мне за долгую отлучку ответ держать придётся.

— А перед кем тебе ответ держать?

— Как же перед кем? Перед Пресветлым Красным Солнышком. Я у него на службе состою, землю караулю, а на небе ясным звёздочкам счёт веду, приглядываю за ними, когда они хороводы водят.

— А как ваши звёздочки хороводы водят?

— Так же наши звёздочки хороводы водят, как ваши девушки.

Вздохнула вдова и говорит:

— Хорошо у нас девушки хороводы водят — венки плетут, песни поют. Была бы у меня дочка, лучше всех я её нарядила бы да в хоровод проводила бы на весёлое весеннее гулянье.

Тут в дверь кто-то постучался. Вдова скорее ведро платком накрыла, пояском завязала и пошла дверь отпирать. Отперла. Входит к ней в избу богатого мужика хозяйка, поздоровалась и говорит:

— Вдовица, вдовица, пойдём, пособи мне брагу варить да стряпать. Мы новый дом поставили, хотим новоселье справить. Я тебе за труды молочка да маслица дам и пирога с рыбой отрежу.

— Ну, что же, — говорит вдова, — пособлю.

Собралась она и ушла.

Трое суток у богатого мужика новоселье справляли, а вдова помогала хозяйке варить да жарить, гостей встречать да провожать.

Вот идёт вдова с новоселья. Ночь тёмная-претёмная, хоть

глаз коли. И слышит вдова — мужики гурьбой идут, сердито разговаривают, топорами да вилами постукивают, побрякивают. Спрашивает их вдова:

— Добрые люди, далеко ли вы собрались? То ли от разбойников обороняться, то ли какого зверя ловить?

Отвечают ей мужики:

— Идём Светлого Месяца искать. Какой-то лиходей у нас Светлого Месяца украл. Найдём того лиходея, убьём. А Светлого Месяца на волю выпустим, пускай светит миру, как прежде светил.

Сказали они так и пошли из деревни вон, лиходея искать.

Напугалась вдова: «Вот, — думает, — нажила какую беду! Найдут они у меня Светлого Месяца и убьют меня». Пришла вдова домой, скорёхонько платок с ведра сняла. Глянула в ведро да так и ахнула:

— Месяц ты мой ясный! Свет ты мой прекрасный! Какой ты был круглый да полный, и что ж ты стал такой тонкий да бледный? Принесла я пирожка с рыбой, на-ка, я тебя покормлю.

Улыбнулся Месяц невесело и говорит:

— Эх, вдовица, вдовица! Мало ты знаешь и мало понимаешь. Земная пища мне ненадобна. А похудел я оттого, что в неволе тоскую. Отпусти меня, вдовица, из тёмной темницы, я тебе, взамен себя, одну звёздочку в дочки отдам.

Обрадовалась вдова. Думает: «Вот хорошо! И с бедой развяжусь и не одна останусь — мне с дочкой не скучно будет». И говорит она Месяцу:

— Ну, что ж, отпущу тебя на волю. Только ты сперва мне звёздочку предоставь.

— Об этом не беспокойся, — говорит Месяц, — иди в полночь на речку, зачерпни в ведро ту звёздочку, которая справа от моего места играет. Её себе возьмёшь, а меня в речку выплесни.

Взяла вдова ведро с Месяцем и ещё другое ведро прихватила и пошла на речку. Оставила она ведро с Месяцем на берегу, а с пустым пошла звёздочку ловить. Поставила она ведро в воду, как Месяц велел — справа от его места, вышла на берег и видит — в нём звёздочка играет и купается. А в

левой стороне другая звёздочка играет, ещё лучше, ещё краше этой. Вдова не долго думала, звёздочку из ведра выплеснула, а ту, другую, зачерпнула и выходит на берег. Месяц спрашивает:

— Ну, что? Поймала?

— Поймала, — говорит.

— Ну, давай отпускай меня на волю скорее. А придёшь домой, звёздочку в ведре не томи, вылей на решето.

Вдова выплеснула в речку из ведра воду вместе с Месяцем — выпустила его на волю.

— Гуляй, — говорит, — на доброе здоровье, свети для народа, как прежде светил.

Пришла вдова домой, вылила воду со звёздочкой на решето и видит — лежит на решете младенец прекрасный — девочка беленькая да полненькая с ясными синими глазками. Обрадовалась вдова:

— Ой, свет ты моя доченька! Звёздочка моя ясная, красавица распрекрасная!

Любуется вдова на свою дочку, а всё же думается ей: «А что теперь добрые люди говорить станут? Ославят меня, вдову горемычную, и глаза на свет показать нельзя будет. Скажу-ка я, что младенца мне подкинули». Вышла вдова за ворота и стала народ скликать:

— Люди добрые! Проснитеся, пробудитеся. Подите-ка, подивитеся — ведь мне дитё подкинули.

Поднялись люди ото сна, собрались со всего села у вдовицыной избёночки и стали судить и рядить — как быть?

— Куда дитё девать будем? Придётся всем миром кормить.

А один старик говорит:

— Зачем всем миром? Отдать дитё бедному мужику, у которого детей много, промеж других и это дитё вырастет.

Другие мужики спрашивают:

— Почему бедному отдать? А если богатому?

— Вот почему, — говорит старик, — если богатому отдать, то греха много будет — его дети обижаться станут, ведь из их доли какая-никакая часть на приёмыша пойдёт. А у бедного мужика делить нечего, никакого греха быть не может.

Не все остались довольны. Бедные кричат:

— Умно ты рассудил, а только не по совести.

Так ни к какому согласию и не могут прийти. Вдова слушала, слушала, да и говорит:

— Люди добрые! Ведь дитё-то мне подкинули, и беру я его себе в дети. Пускай растёт мне на утешение.

Мужики разом заговорили:

— Вот и на что лучше!

— И нам хлопот меньше.

— Час тебе добрый, живи семейно.

И стала вдова жить не одна, а с дочкой. И не может на неё надивиться — в избе от неё по ночам светло, без лучины шить можно. Никакой пищи она не принимает, а с тела не спадает. И надумала вдова сносить свою дочку к мудрому лесному старцу. Завернула её потеплее и пошла в лес старцеву землянку искать. Нашла землянку. Через порог ступила, низёхонько поклонилась и говорит:

— Добрый старец, мне дитё подкинули, взгляни-ка на него своими очами премудрыми.

Развернула она дитё, а от него в тёмной землянке светло стало.

Поглядел старец, покачал головой и говорит:

— Ой, вдовица, вдовица, говорил я тебе — не ходи в полночь за водицей, недоброе приключится. Вот оно и приключилось. Ведь это дитё не земное, а либо водяное, либо небесное. На земле оно тосковать будет.

Заплакала вдовица, стала просить:

— Добрый премудрый старец, помоги дитё сохранить.

— Ладно, — отвечает старец, — что смогу, то сделаю. Давай топить печку, лесные травы варить. Омоем дитё лесными травами и будет оно земное. Но только будет оно при тебе до шестнадцати лет. А как исполнится шестнадцать лет, выйдет оно из твоей воли, и тогда либо при тебе останется, либо отойдёт к тому, кто его тебе подкинул.

Омыл старец младенца лесными травами и сказал:

— Земное имя этой девушке будет Светлана, потому что от неё свет исходит, как от звезды вечерней.

Воротилась вдова с дочкой домой. Стала она её холить да

нежить. Режет ей на рубашки и на пелёнки от своего тонкого холста, а холст всё не убавляется.

На седьмые сутки постучал кто-то в дверь. Отворила вдова. Входит в избу молодой парень, такой статный да красивый, и говорит:

— Здорово, вдовица! Признаёшь ли меня?

Вдова поглядела и говорит:

— По обличью признать не могу, впервой тебя вижу. А по голосу вроде признаю. Не ты ли будешь Светлый Месяц?

— Я самый, — отвечает парень, — пришёл тебе попенять: нехорошо ты, вдовица, сделала, обманула меня — не ту звёздочку зачерпнула, какую я велел. Давай-ка разменяемся.

Поклонилась вдова Светлому Месяцу и говорит:

— Прости меня, Светлый Месяц, а разменяться нам теперь нельзя. Ведь я свою доченьку к лесному старцу носила, он её травами омывал и стала она теперь земная.

Тут Светлый Месяц побледнел, пошатнулся, к косяку прислонился и горько заплакал:

— Ох, вдовица, вдовица, что же ты наделала! Ведь эта звёздочка моя любимая подружка, я с ней триста лет гулял, своей невестой считал.

Стала вдова его утешать:

— Не плачь, Светлый Месяц. На небе звёздочек много, ты себе другую невесту найдёшь.

— Нет, — говорит Светлый Месяц, — другую мне не надо. Моя невеста — Звезда Вечерняя, и я с ней не расстанусь. Береги её до шестнадцати лет, а тогда я приду её сватать. А теперь прощай.

И Светлый Месяц скрылся.

Живёт вдова тихо-мирно. Растит девушку Светланушку себе и людям на утеху. Люди добрые на неё любуются и, хотя ничего не знают, а всё её ясной Звёздочкой называют.

Исполнилось девушке Светланушке семь лет. И тут на вдову беда пришла.

В одну тёмную-претёмную ночь наехали в село неведомые люди, и стали они выпытывать да выспрашивать — нет ли у кого подкинутых или найденных детей. И рассказали добрым людям:

— Назад тому семь годов народилась у нашего князя дочка. Только нянюшки да мамушки успели её прибрать да нарядить, и тут же она пропала, кто-то её украл. Послал князь гонцов во все концы искать девушку. И вот семь годов ездим мы по сёлам, деревням, по торговым местам, и нигде девушку не найдём. А без неё не велел нам князь домой заявляться.

Добрые люди между собой посоветовались и сказали княжьим посыльным:

— Живёт у нас здесь одна вдовица, так вот к ней семь годов назад дитё подкинули. Похоже это и будет вашего князя дочка — уж больно она бела да нежна, сразу видать, не простой мужицкой породы, а не иначе как княжеского роду.

Пошли ко вдове княжьи посыльные, и как только на девушку Светланушку глянули, так и сказали все разом:

— Это она — нашего князя дочка! Ну, теперь нам и домой ехать можно.

Как вдова ни просила, как ни молила, не поглядели княжеские посыльные на её слёзы, взяли девушку Светланушку и увезли с собой.

Не спит вдова ночи тёмные, льёт она слёзы горькие, а пожаловаться некому.

Но вот народился в небе молодой Светлый Месяц. Стоит он над лесом, как серп золотой, и ясным сиянием землю освещает. Глянула на него вдова и наголос заплакала:

— Месяц ты мой ясный,
Свет ты мой прекрасный,
Глянь-ка ты на слёзы
Вдовушки несчастной.
Горюшко великое
Ко мне прилучилося —
Доченьки Светланушки
Я, вдова, лишилася.
Ехали-наехали
Сторонние люди,

Отняли Светланушку
С моей белой груди.
Взяли мою звёздочку,
Ясную, прекрасную,
Сиротой оставили
Меня разнесчастную...

Услыхал эти причёты молодой Месяц, затуманился он, стал спускаться всё ниже и ниже и закатился за тёмный лес. А через малое время выходит из лесу статный парень, подходит скорым шагом ко вдове и спрашивает:

— Кто похитил мою Звёздочку? Говори скорее. Пойду искать.

Рассказала ему вдова всё, как было. Месяц говорит ей:

— Не плачь, вдовица, твою дочку, а мою невесту, разыщу, где бы она ни была. Надейся на меня. А пока прощай.

И Светлый Месяц скрылся.

Вдова ждёт. А время всё идёт. День ей кажется за неделю, а неделя кажется за год.

Наконец явился к ней Светлый Месяц. Пришёл он неясный, туманный, вздохнул и промолвил:

— Правду люди говорят: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Был я у князя. Наша Светлана там, но князь её не отдаёт.

И рассказал Месяц вдове всё, что узнал. А дело так было: привезли княжьи посыльные девушку Светланушку в княжеские хоромы, а другие посыльные из другого места привезли такую же девушку. Ни ту, ни другую княгиня за дочь не признала, говорит: «У нашей на левом плече родинка была, а у этих нет». Однако оставили князь с княгиней девушек при себе: «Будем растить их вместо дочери». Слышал всё это Светлый Месяц, и пошёл он по свету искать княжескую дочь с родинкой на плече. Нашёл её у другого князя, у которого этот князь невесту отбил и на ней женился. Искал обиженный убить обидчика, но не удалось. А когда у князя дочь народилась, то этот обиженный князь её украл, держал её при себе, растил в холе, а потом хотел за последнего холопа замуж отдать — «пускай де родители на свою дочку казнятся».

Нашёл Светлый Месяц эту девушку, навёл на неё княжьих посыльных, выманил девушку к ним, и они увезли её. Эту девушку княгиня за дочь признала. А всё же они с князем Светланушку не отпустили. Говорят: «Пускай обе девушки при нашей дочке живут, подружками ей будут, чтобы не было ей скучно».

Рассказал Месяц вдове всё, что узнал. Сидит он тихий и печальный. А вдова и того печальнее. И говорит вдова:

— Послушайка-ка, Светлый Месяц, что я тебе скажу. Пойдём сходим к лесному старцу.

Месяц усмехнулся:

— А что может сделать лесной старец? Князь сильнее его.

Вдова говорит:

— Князь сильнее, а наш лесной старец мудрее. Пойдём, сходим к нему. Он посоветует.

— Ну, пойдём, — говорит Месяц.

Вот пришли они в землянку к лесному старцу. Старец их встретил, послушал, что они рассказали, и говорит:

— Дело трудное, но выручить можно. Придётся теперь засушного лета ждать.

Вдова спрашивает:

— А когда засушное лето будет?

— Должно быть скоро, — говорит старец, — по приметам, этой весной наступит сильная засуха. Да вот спроси этого молодца, он должен не хуже меня знать, какие есть тому приметы.

Догадался Светлый Месяц, что лесной старец признал его — кто он такой есть. Говорит он:

— Верно, премудрый старец, есть такие приметы, — скоро будет засушная весна, а потом дожди прольют.

Лесной старец им посоветовал:

— Вот и ждите этого времени, когда засуха будет к концу подходить. Тогда и возьмёте девушку от князя. Ты, молодец, ко мне наведывайся, я тебе скажу, а ты вдовице передашь — когда ей за девушкой к князю идти.

Так и случилось, как приметы показывали, — пришла весна без единого дождичка. Палит солнышко землю зноем нещадным. Стали хлеба на полях пропадать от жары. Люди пришли

в великое смятение, молва пошла, что за чей-то грех Солнце Землю засухой покарало.

Князья и бояре, большие и малые, собрались на совет и стали думу думать — как быть? Кто-то надумал спросить лесного старца — за что Солнце на Землю прогневалось? Послали за старцем посыльных. Привезли мудреца в княжеской колымаге и на совет его под руки привели. Поклонились ему князья и бояре и спрашивают:

— Скажи нам, премудрый старец, за что Солнце на нас гнев держит, за что народ бедствие терпит?

Отвечает князьям и боярам премудрый старец:

— Одному Пресветлому Солнышку ведомо — за что оно Земле и людям кару посылает. Однако думается мне, что засуха тогда может быть, когда безвинный человек в заточении томится. Больше я вам, милостивые князья, ничего не могу сказать. Отпустите меня, старого, слабого, домой. А слово моё сами рассудите.

Приказал князь посыльным честь-честью доставить старца домой в его лесную землянку. И опять князья и бояре, большие и малые, думу думают — как найти безвинного человека в заточении? Сделали опрос, кто и за что в темнице сидит. Вроде нет безвинных, нашлись только трое под сомнением — то ли виновны, то ли нет. Отпустили их.

А засуха всё продолжается. Ходят по небу чёрные тучи да проходят мимо, не проливаются благодатным дождём. А в народе такой говор идёт, что не всех безвинных выпустили. Стали говорить: «Не всяк обвинённый виноват. Многие за правое дело в темницах томятся». Князь приказал всех из темниц выпустить.

Выпустили. А засухе всё конец не приходит. Сильнее палит Солнце, и туч на небе не видать... Так идёт день за днём.

Но вот по синему небу потянулись длинными косами белые полосы — будто гонит ветром по поднебесью нежный пух лебединый.

Вот в этот день и явился ко вдове Светлый Месяц. Говорит:

— Вдовица, вдовица, премудрый старец велел тебе скорее к князю идти, Светланушку выручать. Иди скорее.

Собралась она и отправилась в дальний путь. Шла она полями и лесами, днём при Солнышке, а ночью ей ясный Месяц путь освещал.

Вот пришла вдова к княжьим хоромам. Князь к ней на высокое крыльцо вышел, поклонилась она князю и стала просить:

— Милостивый князь, томится в твоих хоромах в горькой неволе моя доченька — девушка Светланушка. Отпусти её, милостивый князь.

Князь на вдову разгневался:

— Глупая ты, глупая баба! Живёт у меня Светлана не в неволе, а в холе. А ты это почитай за счастье. Не лучше ли ей в княжеских покоях жить, чем в твоей мужицкой избе?

— Милостивый князь, — говорит вдова, — или ты не знаешь, что воля всего дороже? Ты позови сюда девушку Светланушку и спроси её — где ей лучше, у тебя или у меня.

Князь даже рассмеялся:

— Ах, глупая баба! Ребёнок и тот поймёт, где лучше. Эй, слуги! Приведите сюда Светлану.

Вывели нянюшки девушку Светланушку, и стал князь её спрашивать:

— Вот, Светлана, эта тётка хочет тебя к себе в деревню взять. Хочешь ли ты жить в её бедной избёнке?

— Хочу, — отвечает девушка Светланушка. — Это не тётка, а моя матушка. Мне у неё было хорошо, а здесь скушно. У нас в деревне Солнышко не такое жаркое. А Светлый Месяц у нас весёлый, он в речку глядится. Отпусти меня, добрый князь, к моей матушке.

И девушка Светланушка горько заплакала.

Принахмурился князь, призадумался. Вспомнились ему старцевы слова: «Безвинный человек в неволе томится...» И думает он: «Неужто же я вместо доброго злое творю, что Светлану при себе удерживаю?» И говорит он вдове:

— Не хочу дитя неволить. Бери Светлану к себе, коли она сама того хочет.

Засмеялся тут в синем небе Светлый Месяц, засиял светом ясным, и опять за облачко спрятался.

Взяла вдова девушку Светланушку за руку, отошли они от княжеских хором и сели на берегу озера. А в том озере утка с утятами плавает. Вдова говорит:

— Далеко шла, ноги устали. Давай посидим тут, я отдохну, а потом и домой пойдём.

И стала вдова девушку Светланушку потешать да забавлять, стала ей песенку петь:

— Плывёт, плывёт утица,
Вода под ней мутится,
Волны колыхаются,
На берег плескаются.
Ветры подымаются,
Тучи собираются
Со громами сильными,
Со дождями, с ливнями.
Прольёт дождик с небушка,
Земля родит хлебушка.

А уж небо заволокло тучами. Загремели громы, засверкали молнии. И начал крупный дождик накрапывать.

Сошёл тут князь с высокого крыльца, приблизился ко вдове, шапку снял, поклонился и говорит:

— Прости меня, вдовица, что неласков к тебе был. Пойдёмте в мои покои, переждёте дождик, тогда и ступайте к себе домой.

Переночевали вдова со Светланушкой в княжьих покоях, а по утру отправились в путь-дорогу. Шли они лесами, шли полями. А кругом, после сильного дождя, земля ликовала, хлеба отдыхали после долгой засухи.

Воротилась вдова с дочкой в свою деревню и зажили они опять спокойно и радостно. Стала вдова девушку Светланушку всяким рукодельям учить — и прясть, и ткать, и шерстями расшивать. Наряжает вдова свою доченьку, режет ей от своего тонкого холста на рубашки, цветными шерстями те рубашки расшивает, на девичьи гулянья свою дочку провожает.

Пошёл девушке Светланушке шестнадцатый год, стали к ней женихи свататься. А вдова женихам отказывает:

— Просватана моя дочка.

Сколько было парней в деревне, все за неё сватались, и всем вдова отказала. И стали добрые люди спрашивать:

— Вдовица, вдовица, чем ты так гордишься, что за наших парней дочку не отдаёшь? Или ждёшь — её какой князь посватает?

А вдова отвечает:

— Князь, не князь, а что будет повыше.

— Уж не ждёшь ли ты заморского королевича?

— Королевича, не королевича, а что будет повыше. Придёт время, сами увидите.

Так люди ничего и не допытались.

А как исполнилось девушке Светланушке шестнадцать лет, явился Светлый Месяц, обручился с ней золотыми кольцами, взял её за руку и повёл в хоровод на весеннее гулянье. Тут только добрые люди увидали, что за жених у вдовицыной дочки. Стали они жениха спрашивать:

— Ты, паренёк, из каких же мест будешь? И как тебя звать по имени?

Жених им отвечает:

— Хотя я из мест дальних, а вы меня видите часто. По имени меня звать Светлый Месяц. А Светланушка, моя невеста, есть Звезда Вечерняя.

И тут жених с невестой стали для людей невидимыми. А в синем небе в этот час народился молодой Светлый Месяц и ярко засияла Звезда Вечерняя.

С той поры в деревне никто девушку Светланушку не видывал.

А вдова долго прожила на свете. В старости стали её добрые люди наведывать да спрашивать:

— Вдовица, вдовица, не принести ли тебе водицы? Сама-то дойти не можешь?

Вдова отвечает:

— Нет, люди добрые, ничего мне не надо. Моя Светланушка придёт, водицы принесёт и в избе приберёт.

И верно — вода в вёдрах у вдовы не переводилась, в избе всегда было чисто. По ночам видели люди добрые голубой свет во вдовицыном окне и говорили:

— Девушка Светланушка пришла свою матушку наведать.

Как померла вдова, никто не видал. Раз пришли люди добрые её наведать, а она лежит в гробу, в последний путь собранная и тонким белым холстом накрытая. Отнесли её люди добрые на кладбище, похоронили, а над могилой голубец поставили — столб высокий, а на нём крыша на два ската

Каждый год по весне, когда люди добрые приходят на кладбище своих родителей помянуть, слышат они — возле вдовицыной могилки ветер в высокой траве стонет, и говорят:

— Это девушка Светланушка по своей матушке плачет. Не забывает её.

А где Светланушкины слёзы на землю пали, там поутру цветы расцветают — белые роснянки, на звёздочки похожие.

СВИРЕЛЬ

Это было давно. Сколь столетий назад, — я того вам сказать не смогу.

Старый терем стоял там, где сосны шумят на высоком крутом берегу. Именитый боярин в том тереме жил, был он славен, почётен, богат. Никого не любил. Никого не щадил. Грозен был у боярина взгляд. Много слуг он имел, и на них он глядел, как холодная зимняя ночь. Тот боярин был вдов и уж много годов знать не знал, как живёт его дочь.

Из холопов один грозный взгляд выносил, — был тот парень и ловок и смел. Он в боярских лугах, скакуна обротав, обгонять буйный ветер умел.

* * *

На вечерней заре, когда яблонный цвет осыпался и падал, как снег, увидал молодец на росистой траве чуть приметный за теремом след. По зелёным лугам он пошёл по следам и пришёл он на берег крутой, видит — там у реки, где шумят тростники, плачет девушка с русой косой.

В прибережных кустах и в сухих тростниках парень долго чего-то искал. Он тростинку нашёл, дудку сделал ножом и на дудке он песню сыграл. Слышит девушка в ней:

— Не грусти, слёз не лей, я с тобой, дорогая моя...

Осыпался в саду белорозовый цвет. Да под кручей плескалась струя.

* * *

Много раз с той поры над рекой у горы ждал боярскую дочку холоп. Не сверкала слеза в её синих глазах, — полюбились ей песни без слов. И боярская дочь в одну летнюю ночь поклялась парня век не забыть.

Клятвы были — навек. Но лихой человек в ту же ночь их сумел разлучить, — старый раб всё узнал и отцу рассказал. И боярин стал тучи грозней — он кричал, он стучал:

— Бить плетьми! — приказал. — Бить плетьми и прогнать прочь с очей.

Только парень не ждал, за реку он сбежал, не отведав боярских плетей, и на том берегу громко песню сыграл на чудесной свирели своей.

Вот закат отпылал. И белесый туман скрыл тот берег, и терем, и сад.

Парень тяжко вздохнул, головою тряхнул и пошёл — куда очи глядят...

* * *

Шёл он лесом густым. Шёл он полем пустым. Долго шёл. И дошёл наконец до высоких хором. Под узорным крыльцом сел на камень усталый беглец и на дудке сыграл. Так он песню слагал, что наслушаться все не могли. У хоромных ворот дивовался народ:

— Верно он не из нашей земли!

Вышел сам старый князь и слуге дал приказ:

— Чтоб свирельщик играл для меня! Накормить-напоить, честь-почесть нарядить. Поднести ему чару вина.

А у князя был пир. При гостях князь спросил:

— Чей ты родом? Нам имя открой.

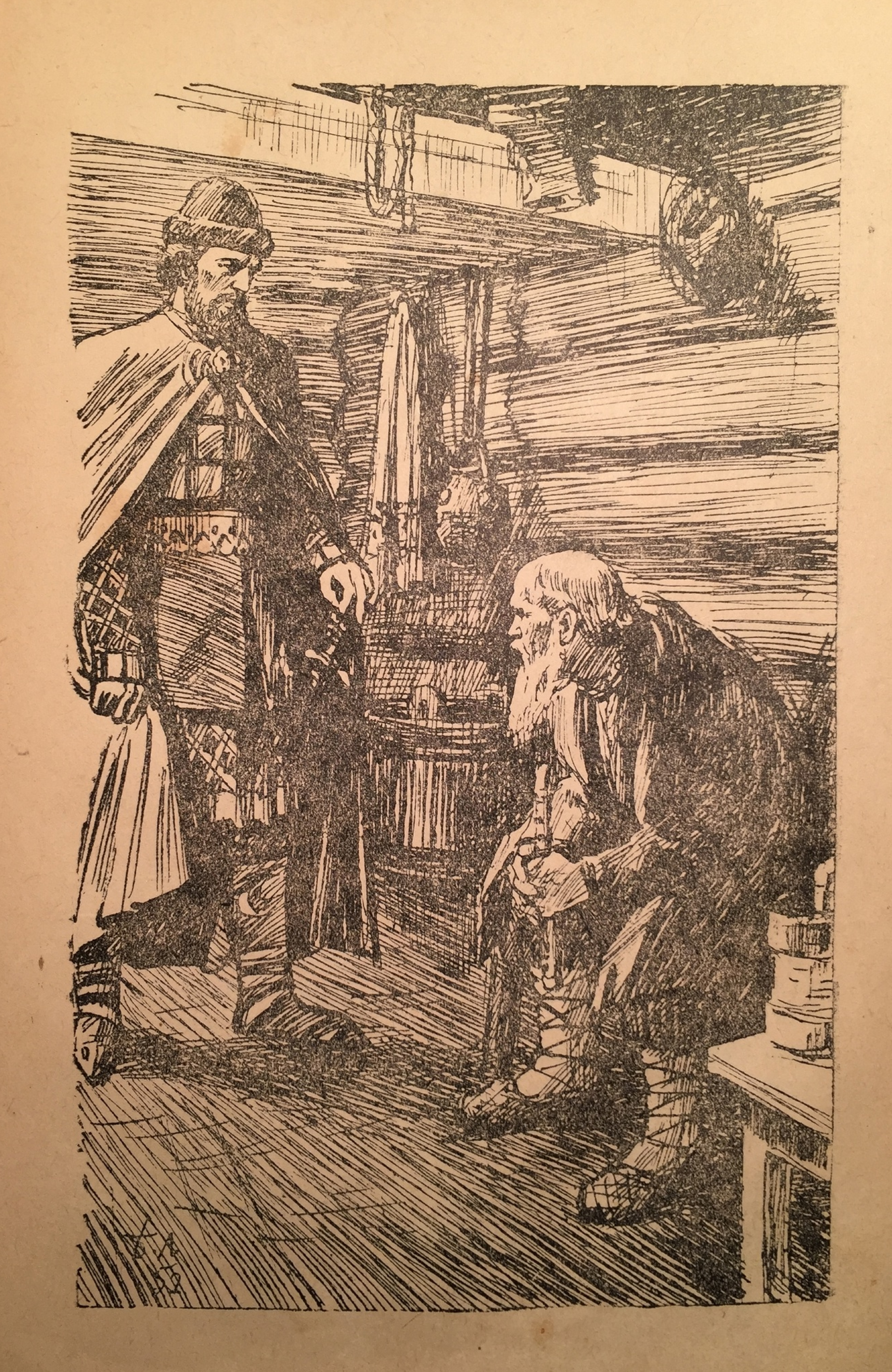
Князю он отвечал:

— Отца-мать я не знал... Не за имя любим был одной...

— Так останься, Любим, ты под кровом моим и весёлые песни нам пой. А за песни твои мы тебя наградим и конём, и вином, и парчой.

Часто князь звал гостей, и свирелью своей чаровал их весёлый Любим.

Гости звали к себе и везли на коне на пиры то к одним, то к другим.

Где Любим не бывал! Много стран он узнал, исходил много дальних путей.

Так прошло много лет. Уж свирельщик стал сед. А свирель всё звучала сильней.

* * *

Средь полей и лугов и дремучих лесов молодой и могучий жил князь. О певце он узнал и к нему прискакал поздней ночью, от всех потаясь. Он певцу говорил:

— Слушай слово, Любим. Ты бессилен. Ты — нищий. Ты — стар. Ты свирель мне вручи, а с меня получи, что бы только иметь пожелал. Мне с свирелью твоей будет жить веселей— на свирели играть буду сам!

И ответил старик:

— Ты богат, и велик, но свирель я тебе не продам.

Князь просил. Князь грозил. Много денег сулил. Не сдавался упрямый старик:

— Что в свирели моей? Знай, князь, — сила не в ней. Ведь свирель — это только тростник. Не свирель так поёт, а любовь, что живёт много лет в моей вольной груди.

Он от князя шёл прочь.
А кругом была ночь и шумел тёмный лес впереди.

* * *

Вот свирельщик седой в край явился родной, где под кручею волны бегут.

Не узнать этих мест. Только шепчется лес на высоком крутом берегу... А где терем стоял, вырос дикий бурьян. От села не осталось следов—тут могилы, да тень, да взвился дикий хмель по ветвям одичалых садов...

И заплакал старик. И запела свирель:

— Где ты, где, моя радость Любовь?

Средь лугов и садов льётся песня без слов, как тогда — в молодые года. Вдруг он слышит... но что? Шорох милых шагов? Или плещется в речке вода?

— На яву иль во сне?

А на узкой тропе чьё-то тёмное платье видать. Он свирель уронил, он навстречу спешил. Он в старушке не мог не узнать ту, которую ждал, ту, которую звал.

— Это ты, дорогая Любовь!

И сказала она:

— Нашей клятве верна, я ждала тебя много годов, здесь в избушке лесной коротая век свой вдалеке от житейских тревог. Мне о славе твоей говорил шум ветвей, ветер нёс вести с дальних дорог.

Тихо ветер шумит, он камыш шевелит, на лугах клонит белый ковыль. А усталый старик над рекою сидит и Любовь говорит ему быль:

— Из села все ушли от холопской судьбы. Говорили, что ты их смутил. Мой суровый отец, разорившись вконец, у меня, у изгнанницы, жил. Никого не любил, сам себе стал не мил, до могилы он всем был чужой. Схоронила его на высоком яру под зелёной кудрявой сосной...

Над широкой рекой в той избушке лесной со старушкой остался старик.

И скучны с той поры у князей их пиры—вольной песни не слышно на них.

* * *

Бор шумел. Годы шли. Так же воды текли и всё так же плескались в яру.

И Любовь пожелала в последние дни:

— Пусть под песню твою я умру.

В час, когда расцветал белорозовый сад, пел старик свою песню любви. Он её не допел — захрипела свирель... словно что оборвалось внутри. И в печали старик головою поник:

— Отыграла. Смотри, не смотри...

Вот свирельщик седой, ослабевшей рукой, всю свирель изломал на куски. И над яром он встал и с тоскою сказал:

— Унесите их, волны реки!

И обломки летят в яр, где воды шумят... Но они не погибли в волнах—стаей пташек взвились, над рекой пронеслись и укрылись в прибрежных кустах. А в кустах раздались трели, щёлканье, свист. Песнь гремела сильней и звучней.

Слушал звуки старик и улавливал в них дивный голос свирели своей.

* * *

Это было давно. Сколько лет — всё равно. Но с тех пор и поют соловьи.

Отыграла свирель. И певца нет теперь. Но жива его песня любви.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ЛИПА

ЖИЛИ в одном селе два соседа, оба вдовые. У одного был сын, а у другого была дочь. У одного был сад, и у другого был сад, а городьбы между садами не было, только стояла между ними гранью старая-престарая липа. И тем была эта липа удивительна, что никогда она не цвела и листьями не шумела. Одни говорили, что не цветёт она от старости — отцвела своё время. А другие говорили, что эта липа заколдованная, и цвести ей только раз, перед концом её жизни... А третьи так рассуждали: расцветёт липа дивным цветом в тот день, когда колдовство с неё снимется.

Два соседа жили да поживали, добра наживали. Дети у них подросли: у одного сын Максим, кудрявый да чернобровый, на все дела ловкий да удачливый, у другого дочь Олимпиада, красавица писаная, только очень гордая да привередливая.

Старики между собой жили дружно, по дружбе и сговорились они поженить Максима с Олимпиадой. Стал отец Максиму советовать:

— Пора тебе, сынок, жениться. За невестой нам не далеко ходить — давай соседку Липу посватаем. Девушка видная, красивая.

Усмехнулся Максим и говорит:

— Красивая-то она красивая, да больно спесивая. К тому же языком болтать таровата, а на работу леновата. Уж если

не миновать мне жениться, так я лучше вон на той липе женюсь.

И показывает на старую липу. И только он эти слова проговорил, липа ветками дрогнула и тихо так листочками зашумела. Отец поглядел на липу, засмеялся и отвечает Максиму:

— Староватa, сынок, эта невеста. Ведь ей, сказывают, поболе трёхсот годов будет.

И пошёл отец по своим делам. А Максим долго стоял и слушал, как липа шумит.

Соседова дочь Олимпиада неподалёку была — малину обирала, — и весь этот разговор она слышала.

Не спалось в ту ночь Максиму. Лежал он и слушал, как липа шумит, и всё думал: отчего же она никогда листьями не шумела, а теперь вдруг шуметь стала? Уснул он уже на светочке, и только его глаза от сна смежились, привиделось ему: старая липа исчезла, а на её месте стоит девица, не так красивая, но всё же с лица довольно приятная, и в одежде опрятная, хотя и не особо нарядна. Девица Максиму незнакомая, но кажется ему, что где-то, когда-то он её видел. И спрашивает он девицу:

— Скажи, девица, как тебя по имени звать? И где и когда я тебя видал?

Отвечает ему девица:

— Звать меня Липа. А видал ты меня вот на этом самом месте — больше трёхсот лет я, несчастная, тут стою.

Очень понравилась Максиму эта девица и лицом, и скромными речами. Жалко ему стало девицу, и сказал он ей:

— Зачем же ты тут стоишь? Пойдём к нам в избу. Если ты не против, я тебя своему родителю как невесту представлю, поженимся, и будешь ты мне подругою жизни.

Вздохнула девица и печально проговорила:

— Я бы не против стать тебе подругой жизни, — я-то тебя больше знаю, чем ты меня. Только нельзя мне с этого места сойти.

— Не может этого быть, — говорит Максим, — давай я тебе пособлю.

Взял он девицу за руку и потянул к себе. И тут же проснулся. Проснулся он и очень удивился: что такое—в руке у него липовый цвет? Выходит Максим в сад, а отец уже там, стоит под липой и манит Максима:

— Поди-ка, сынок, глянь-ка, диво какое — липа-то расцвела! И вроде на полвершочка с места подалась.

У Максима отчего-то весело стало на сердце, засмеялся он и говорит:

— Моя невеста подалась с места, в цветы убралась, под венец собралась!

Постояли они с отцом, полюбовались на липу, а потом пошли каждый по своему делу — отец кое-что на дворе прибрать, а Максим лошади травки накосить.

Соседова дочь Олимпиада опять в малиннике была, так что и этот разговор она подслушала. Такая её взяла досада— не может она это дерево видеть. Пошла она к отцу и говорит:

— Тятенька, сруби старую липу. Глядеть я на неё не желаю, весь малинник у нас затенила, а теперь на старости лет ещё расцвела, и такой от её цвета сильный запах пошёл, что у меня даже голова разболелась. Сруби её, тятенька, а то я могу через неё нервным расстройством заболеть и даже помереть.

Старику, конечно, дочь жалко. Взял он топор и пошёл липу рубить. Подошёл он к липе, занёс топор и со всего маху ударил. И вдруг в глазах у него потемнело, в ушах зазвенело, топор из рук выпал... Очнулся старик и надивиться не может: пропала старая липа, никакого знаку на этом месте не осталось, только топор в траве валяется, да кое-где липовый цвет насорёный. Поднял старик топор, пошёл к соседу, к Максимову отцу, и говорит ему:

— Неладное у нас, сосед, творится: старая липа расцвела, и такой от её цвету резкий дух пошёл, что моя дочь от него захворала. Хотел я липу срубить, топором ударил, а она из глаз пропала, будто её и не было. А меня вроде громом поразило, до сих пор опамятоваться не могу. Нечистое это место, боюсь я его. Нехорошее место. И я тут больше жить не согласен, сейчас же начну дом ломать и переселюсь в другую деревню. А то как бы моя дочь вовсе не извелась.

А Максим в это время в лесу находился — на поляне траву косил. Косит он, коса по высокой траве — жиг, жиг, жиг... И вдруг послышался Максиму, как бы в отдалении, стон протяжный. Бросил он косить, прислушался... И чудится ему — где-то, далеко-далеко, тихий голос: «Ищи меня за тридцать вёрст отсюда». И кажется Максиму — знакомый голос, её голос, этой девицы, что ему во сне привиделась. И не поймёт — то ли в самом деле голос, то ли это листья в лесу шумят? Всё же думается ему: «Что-нибудь с ней недоброе случилось». Сильно он расстроился, бросил косить и домой поспешил. Приходит он домой и видит — нет старой липы. Ещё больше у него сердце заныло. Отец ему, конечно, рассказал, что тут произошло.

С того дня сильно затосковал Максим. Не ест, не пьёт, сна вовсе лишился, ходит сам не свой, с лица стал бледный.

Видит отец — не в себе Максим. Стал его спрашивать:

— Что ты, сынок, какой невесёлый да скучный? Или ты нездоровый?

— Нет, — отвечает Максим, — я здоровый. Только я что-то сердцем расстроился. С тех пор, тятенька, как не стало здесь липы, места я себе не нахожу. Глаза бы ни на что не глядели...

«С тех пор, как здесь Липы не стало...» — задумался отец над этими словами и посчитал так: «Тоскует парень по соседке Липе», то есть по Олимпиаде-красавице. И стал он Максима уговаривать:

— Не пойти ли тебе, сынок, на-сторону на заработки? По плотничной части ты хорошо можешь. Иди-ка. За делом, да на людях тоску-то скорее забудешь.

И вот собрался Максим на-сторону. Ящик с инструментом за плеча, топор за пояс, с отцом попрощался и пошёл. А пошёл-то он это место искать — «тридцать вёрст отсюда». Тридцать вёрст, а в какую сторону? Этого Максим не знает. А ведь вы подумайте: тридцать вёрст во все стороны — круг получается немалый, много места исходить надо.

Максим парень настойчивый, ходит и ходит. Время идёт ближе к осени. Листья на деревьях пожелтели, осыпаться стали. А Максим всё ходит.

Вот раз идёт он лесом, слышит — в отдалении топорами постукивают, и ветерком человеческую речь доносит. Пошёл он на голоса и вышел на просеку. Видит — артель лесорубов работает. Подошёл он к лесорубам. Закурили, разговорились. Лесорубы Максима спрашивают:

— Ты что же это, парень, по лесу с инструментом ходишь? Дела ищешь или от дела рыщешь?

— Я, — говорит Максим, — липу ищу. Мне отец велел на Липе жениться, только та Липа для меня неподходящая, вот я и пошёл искать ту, которая для меня подходящая.

Лесорубы видят, что Максим без шуток говорит, совсем даже невесело, как бы в задумчивости. Посмеялись они над ним:

— Ты, — говорят, — разумком-то, верно, тронутый? Из-за угла, что ли напуганный? Или тебя мамаша-родительница маленького по нечаянности из зыбки уронила?

А среди лесорубов был один старичок. Отозвал он Максима в сторонку и стал ему говорить:

— Похоже, малый, ты своей цели достиг. Вот тут недалёчко видал я диво-дивное — стоит преогромная липа, весь лес жёлтый, лист опадает, а она зелёная-раззелёная. И вся в цвету. И топором малость посечена, вроде кто срубить хотел, да не одолел. Ребятам про то не сказываю, а у самого из головы не выходит.

Выслушал Максим и едва дух перевёл:

— Это она! — говорит. — Куда же мне, дедушка, идти-то теперь?

— Ступай до конца этой просеки, — говорит старичок, — а там её издали видно будет.

Пошёл Максим просекой и, как до конца дошёл, увидал он свою липу — стоит она зелёная и вся в цвету. Подошёл Максим, шапку снял, поклонился и говорит:

— Здравствуй, невеста моя ненаглядная! Много места я исходил, а всё-таки тебя нашёл.

Шумнула липа листочками, и послышался тихий голос:

— Что же ты, Максимушка, как долго меня искал, столько времени понапрасну потерял? Ведь для тебя по всему пути липовый цвет был насорёный.

— А я, — говорит Максим, — и внимания на это не обратил, не догадался. Ну, что же, время назад не воротишь. Говори, что же мне теперь делать? Как тебя выручать?

Липа ему отвечает:

— Утро вечера мудренее, при белом дне видно будет, что делать. А теперь садись, отдохни, а я тебе о своей горькой доле буду рассказывать.

Сел Максим возле липы, и всю ночь она листочками пошумывала и тихим голосом рассказывала:

— Больше трёхсот лет тому назад на этом месте, где теперь ваш дом стоит, стояла махонькая избёночка. Жили в ней мы с матушкой. Она была вдовая, а детей — только я одна. А на том месте, где вашего соседа дом стоял, жил тогда богатый старик. Поговаривали про того старика, что он колдовством занимается, и все его боялись. Стала я в возраст приходить, приглянулась я этому старику. Пришёл он к моей матушке с подарками и стал за меня свататься. Матушка подарков не приняла и старику отказала: «Не отдам, — говорит, — я свою дочку за тебя, за такого за старого, ты её век загубишь». Ушёл старик. А матушка мне строго наказала: «Берегись, дочка, этого старика, на глаза ему не попадайся, а пуще всего остерегайся на его землю ногой ступить». Ну, я и остерегалась. А раз как-то, вымыла я на речке бельё, принесла, да и стала в саду на кустики развешивать. У меня ветром из рук платок вырвало, да и снесло на старикову сторону. Я за платком побежала, забылась, да и ступила ногой на его землю. Старик тут как тут, словно из-под земли вырос. Спрашивает: «Пойдёшь за меня замуж?» Я ему в ответ: «Нет, не пойду». Стал он уговаривать: «Если пойдёшь за меня, будешь жить в богатстве, нарядная будешь ходить, есть-пить будешь сладко. А не пойдёшь, то и не сойти тебе с этого места». Почуяла я, что ноги мои к земле прирастают, заплакала и стала просить: «Отпусти меня, дедушка». А он: «Какой я тебе дедушка? Я твой жених! Смотри, какой я молодой». И обернулся молодцом. Глядит на меня ласково и говорит: «Последний раз спрашиваю — пойдёшь за меня замуж?» А у меня уже и речи нет, я только головой помотала — нет, мол, не пойду. Он опять стариком обернулся и

зашипел: «Ну, так стоять, — говорит, — тебе бессловесным деревом до тех пор, как явится жених по тебе. Когда назовёт он тебя при людях своей невестой, тогда ты листьями зашумишь и расцветёшь. Назовёт второй раз — будешь голос иметь. Назовёт третий раз — тогда только ты примешь свой прежний человеческий облик. А до этого не будешь ни цвести, ни листьями шуметь. Топором, — говорит, — тебя никто не срубит, а если кто намахнётся, унесёт тебя силой нездешней за тридцать вёрст». И стала я деревенеть, деревенеть и обратилась в молоденькую липочку. Поглядел на меня старик и говорит: «Стоишь? Ну и стой, ожидай своего жениха. Только, — говорит, — напрасно ожидать будешь: не найдётся на свете такого дурака, который бы на стоеросовом дереве жениться пожелал». Раскатился тут старик страшным хохотом и скрылся, как сквозь землю провалился. А я так и осталась стоять деревом. Поискала меня матушка, по лесу покричала, в слезах домой пришла. Старик услыхал, как она кличет, говорит ей: «Ты Липку ищешь? Погляди — в саду липка стоит, не твоя ли?» Догадалась матушка, что старик меня в дерево обратил, стала она просить-умолять, а он только посмеялся. Затосковала моя матушка, так с тем и в могилу сошла. А старик долго жил. Но и он кончился. Как настал его смёртный час, пошёл от его дома чёрный дым, и весь дом без пылу истлел, только пепел на том месте остался. Вот так и стояла я деревом триста годов. Кабы не ты, Максимушка, может и ещё долго стояла бы. За то, что ты с меня колдовство снял, буду я тебе в жизни подругой верной и в делах твоих помощницей. А теперь иди к своему родителю и в третий раз объяви меня своей невестой. Обо мне не беспокойся. Найдёшь меня на этом же месте. Иди-ка, вот уже светать начинает.

Попрощался Максим с липой и отправился домой. Пришёл он домой, хотя и усталый, но весёлый. Говорит отцу:

— Благослови меня, тятенька, я жениться хочу.

— На ком? — спрашивает отец.

— Всё на ней же, — отвечает Максим, — на липе. Помнишь — был у нас разговор такой?

Отец обрадовался, думал он про соседку Олимпиаду говорит:

— Вот спасибо, сынок, порадовал ты меня. Стало быть, ты видался с ней, с Липой-то?

— Видался, — говорит Максим.

Переночевал он ночку дома и стал отца торопить:

— Поедем, тятенька, за Липой. Ей там больше оставаться невозможно.

Запрягли лошадь и поехали. Часа через три и докатили. Стали они к концу просеки подъезжать, Максим даже с лица помучнел — нет на этом месте липы, а только стоит избёночка крохотная. Не помнил Максим, как он в ту избёночку вошёл, и только тогда отлегло у него от сердца, когда он свою невесту в её настоящем человеческом облике увидал. Взял он её за руку, подвёл к отцу и говорит:

— Вот, тятенька, моя невеста Липа.

Отец было рассердился:

— Как же, — говорит, — это так? Да что же, — говорит,— это за обман такой?

Ну, однако, девушка старику понравилась, и лицом и речами, и не стал он сыну возражать.

— Ладно, — говорит, — живите дружно, а я на вас порадуюсь.

Поженились Максим с Липой и стали жить счастливо.

* * *

Эта сказка про те давние годы, когда женщина не видала свободы. А кто здесь под богатым колдуном подразумевается, надо думать, что каждый и сам догадается.

ПТИЦА РАДОСТЬ

Ходила девушка по лесу, собирала ягоду-малину. Не заметила, как забрела в такую чащобу, что назад пути не найдёт. Она и туда, и сюда, и влево, и вправо — нет нигде ни дорожки, ни тропочки. Бродила она день, и два, и три, ягодой кормилась, под кустами ночевала.

На четвёртые сутки вышла девушка на зелёную светлую поляну и надивиться не может: стоит посреди поляны огромный-преогромный дуб, а на том дубу на самом верху большое искусно сделанное гнездо. А в гнезде птица невиданной красоты, разукрашенная яркими разноцветными и золотыми перьями. Взмахнула птица крылами — и всю поляну чудесным светом озарило. Запела птица приятным голосом—словно на гуслях звонких заиграли. Хвостом птица повернула—и вся поляна пошла кругом—стоит девушка, где стояла, а уже на другом месте очутилась, будто плывёт она в лодке мимо лесу. мимо частого, только деревья перед глазами мелькают. Так, стоя без движения, приблизилась девушка к гнезду чудесной птицы. И заговорила птица человеческим голосом:

— Кто ты такая, девушка? Откуда? Как ты меня нашла и зачем искала?

Отвечала ей девушка:

— Заплуталась я в тёмном лесу и зашла сюда по нечаянности, не своею волею, а случайным случаем. И что ты за птица, я не знаю, а только прошу—не погуби меня.

Засмеялась чудесная птица, будто серебряные колокольчики прозвенели. Говорит она девушке:

— Я никого не гублю. Имя моё—Птица Радость, потому что я всему живому радость даю. Куда я прилечу, там и радость будет.

Вздохнула девушка и проговорила:

— Я у отца у матери в бедности живу и наверно поэтому я тебя никогда не видала. Не прилетала ты к нам.

— Нет, девушка, я прилетаю и к бедным и к богатым, только прилетаю невидимо и неслышимо, а радость даю — какую кто сам пожелает, но только одну на весь век. Кто же знает, какую твои родители радость пожелали. Значит, богатства они у меня не просили. Может быть, они пожелали жить в согласии и любови? Есть и у них своя радость. А уж если кто ошибётся, не ту радость запросит, то пеняй на себя — перемены не будет, я даю радость только одну на всю жизнь.

Девушка подумала: «Значит, ошиблись мои родители. Верно, что они в согласии и любови живут, а всё же при бедности и это не в радость».

А птица спрашивает:

— Какую же ты, девушка, у меня радость просить будешь? Ну-ка, подумай хорошенько. Помни—перемены не будет.

Подумала девушка: «Если как отец с матерью, семейное счастье просить, то при бедности всё равно плохо жить. Запрошу богатство, а с ним и всякое счастье придёт, и женихи хорошие сватать будут, можно выбрать какой понравится. При богатстве всё у меня будет». И сказала она птице:

— Прошу я тебя, Птица Радость, сделай меня богатой.

Вздохнула Птица Радость и промолвила:

— Что же, пусть будет по твоему желанию. Только никому про меня ничего не сказывай, иначе твоё желание не сбудется.

И вдруг у девушки всё из глаз скрылось, будто погрузилась она в крепкий сон.

Скоро или не скоро, очнулась девушка. Смотрит—никакой поляны нет, а сидит она на своём покосившемся крылечке, мать перед ней стоит и спрашивает:

— Что же ты, доченька, так долго по малину ходила? Или ты в лесу заблудилась?

— А я, маменька, малины много набрала, тяжело нести, вот я и запоздnилась.

Мать говорит:

— А у нас, доченька, нечаянная радость — отец клад нашёл. Богатые теперь будем.

И зажили они богато. Поставили дом хороший со всякими пристроями. Отец торговое дело завёл. Всякие к ним люди приходят и приезжают и по делу, и в гости. У девушки нарядов полны сундуки. Подружек много стало — то к ней гости, то она в гости, каждый день разговоры да веселье. Молодые люди с ней встречаются. Многие сватались, только девушка всем женихам отказывает — не по душе они ей. Один только ей приглянулся, да он-то не на неё заглядывается, а на подружку. Очень горько было это девушке — он ей нравится, а она ему нет.

Вздыхала, вздыхала девушка, даже грудь болеть стала. И всё думается ей: «Ой, ошиблась, ошиблась — не ту радость запросила. Вот у нас и богатство есть, да что из того толку? Отец угрюмый стал, всё с делами да с заботами, никогда себе покоя не знает. Мать с ног сбилась, стряпаючи да гостей принимаючи. А у меня и нарядов много, и веселья всякого, и женихи сватают, да вся эта радость мне не в радость, кто полюбился, тот на меня и не взглянет. И нет моему сердцу покоя. Неужели Птица Радость не пожалеет меня—не сменит мне радость»?

Отыскала девушка на чердаке своё лукошко, с которым бывало по малину ходила, сказала матери:

— Скушно мне, мамаша, хочу по малину сходить, себя повеселю.

Ходила, ходила девушка по лесу дремучему, полно лукошко малины набрала, а до заветной поляны никак не дойдёт, куда бы ни повернула, везде тропы да дороги, и всё она к своему дому возвращается.

Так ходила она семь дней и семь ночей, и только на восьмой день к вечеру вышла она на ту поляну и увидала Птицу

Радость. И как только она её увидала, закричала громким голосом:

— Прости меня, Птица Радость, ошиблась я, глупая, не ту радость я тогда у тебя просила. И вот теперь радость мне не в радость, ничего не́мило.

Засмеялась Птица Радость своим серебряным смехом, взмахнула крылами, озарила поляну чудесным светом и спросила:

— Чего же ты теперь хочешь, девушка? Долго ты меня искала, так за это прощаю я тебе ошибку, переменю для тебя радость. Чего желаешь?

— Хочу быть замужем за тем, кто мне по сердцу, да чтобы он меня любил больше всех на свете, и никуда бы от меня не отлучался.

— Подумай, девушка, хорошенько, — промолвила Птица Радость,—смотри, опять не ошибись. Вторая ошибка тяжелее первой.

— Ничего больше не желаю, — отвечала девушка.

Птица Радость вздохнула и сказала:

— Пусть будет по твоему желанию. И богатство пусть при тебе останется и замужем будешь за кем желаешь.

И опять всё у девушки из глаз скрылось, как будто она забылась крепким сном. И очутилась она у себя дома, на своей мягкой постели. Мать её будит:

— Вставай, доченька, сваты приехали, давно у нас сидят. Мы с отцом согласны, не знаю, какое твоё слово будет.

— За кого, мамаша, сватают?

Называет мать того самого, который её дочке всех милее казался.

Весёлую сыграли свадьбу. Поселилась молодая в мужнином богатом доме. Всего в том доме вдоволь, делать вовсе нечего, всё слуги да прислуги сделают. Муж на неё не наглядится, не насмотрится, не знает, чем молодой жене угодить, чем её повеселить, чем порадовать.

Прошло времени не так много и не так мало, и эта радость не в радость стала. Никуда от неё муж не отлучается, глаз с неё не сводит, следит за каждым её шагом, каждое её слово ловит. И стал он такой подозрительный, с кем бы жена

словом ни перемолвилась, он уже приревнует. Всех подружек от дому отвадил. Не велит жене в нарядные наряды наряжаться, не велит ей никуда из дому отлучаться, даже к матери не пускает. И что дальше, то хуже. Случится ему куда по делу уйти-уехать, так он жену дома на замок стал запирать, как тюремщик какой. И опять она ничему не рада, вечером слезами обливается, по утру встаёт слезами умывается. Думает: «Опять ошиблась, опять не ту радость запросила».

Невтерпёж стала молодой такая жизнь. И вот она украдкой от мужа, задами да огородами убежала к матери, отыскала своё старое лукошко и говорит:

— Пойду, мамаша, в лес по малину. Соскучилась я, дома сидючи, что-то стало мне очень тоскливо.

И отправилась молодая в лес, Птицу Радость искать. Двадцать дней ходила она по дремучему лесу, под кустами ночевала, ягодой питалась. Домой дорогу находит, а на заветную поляну никак не нападёт. И только на двадцать первый день вышла она на эту светлую поляну. И как увидала она Птицу Радость, на колени упала, горькими слезами заплакала:

— Птица Радость, прости! Опять я ошиблась, глупая, опять я не ту радость запросила, и опять радость ко мне горем обернулась.

Птица Радость яркими крылами взмахнула, светом чудесным поляну озарила, запела свою радостную песню, будто на звонких гуслях заиграли. Наконец, спросила она девушку:

— Чего же ты, девушка, теперь хочешь?

Девушка горькими слезами заливается, едва выговорила:

— Чего хочу, сама не знаю. Только трудно мне, никакой силы моей не стало. Научила бы ты меня, Птица Радость, чего желать, чего просить, как с радостью жить.

Птица Радость долго молчала, потом сказала:

— Трудно тебе оттого, что не свою ты радость запросила. Счастье-то было подружкино, а не твоё. Оттого тебе радость горем и обернулась.

— Как же теперь быть? — спрашивает девушка.

— Ладно уж, — отвечает Птица Радость, — пожалею тебя, сама тебе радость выберу. Радость эта всегда при тебе будет. А ты придёшь домой, подумай-ка, да припомни — не было ли у тебя радости, когда ты ещё в бедности жила? А теперь иди, девушка, придёт время, я сама у тебя побываю.

Повернула Птица Радость хвостом, вся поляна пошла кругом. И очутилась девушка в родительском доме, на своей мягкой постели. Мать её будит:

— Вставай, доченька, скорее. Вставай, милая. Сваты у нас сидят, тебя дожидаемся — что ты скажешь? А мы с отцом согласны бы, жених хороший.

— Что ты, мамаша, да ведь я замужем.

— Иль тебе, доченька, привиделось? Или ты лишнего заспалась? Да когда же ты замужем была, коли мы тебя ещё не просватывали и никуда из своего дома не отдавали. Пойдём скорее в горницу, говорю, сваты дожидаются.

— За кого же, мамаша, сватают?

Называет мать того, кто её дочке милее всех казался. Задумалась девушка. А потом сказала:

— Нет, мамаша, не пойду я за него замуж. Лицом он хорош и пригож, а характера его я не знаю. Не за мной он ухаживал, не мне за ним и замужем быть. Не моё это счастье.

Жениху отказали.

Стала девушка думать да приглядываться, кто как живёт и кому какое счастье. Пригляделась к женихам, которых в то время немало было, и поняла она, что сватают либо за красоту, либо за богатство. И вспомнилось ей, что нравился ей один парень, когда она ещё в бедности жила, и она тому парню по душе была, заглядывался он на неё. Парень и умён, и смирён, и характером хорош, и по кузнечному делу первый мастер. Захотелось ей с этим парнем повидаться, да не приходится — в бедный-то дом он к ним захаживал, а в богатый дом незваный не заходил. И вот собралась она сама к нему в кузницу сходить, как будто по делу—сковородник заказать.

Подходит она к кузнице, слышит — кузнец куёт, а сам

песню поёт. Увидал он её, обрадовался. Поздоровались. И он спрашивает:

— Чем могу служить?

Девушка говорит:

— У моей мамаши сковородник негодится — на большую сковородку великоват, а на маленькую маловат. Нельзя ли сделать, чтобы и на ту и на эту подходил?

— Можно, — отвечает кузнец, — сделаем. Не привыкать сковородники ладить, мамаша останется довольна.

Девушка его спрашивает:

— Что это ты так весело поёшь? Верно, тебе счастливо живётся?

— Счастливо, не счастливо, а плакать не приходится. Было моё счастье, да пролетело мимо. А ведь счастье не птица, за хвост не поймаешь. А ты лучше скажи мне по старой дружбе — почему ты всем женихам отказываешь?

Засмеялась девушка и говорит:

— Потому и отказываю, что за незнакомого человека выходить опасно, а по старой дружбе меня не сватали.

Вздохнул кузнец и говорит:

— Я бы посватал, да ведь ты за такого не пойдешь?

— Я-то пойду, да отец за мной приданого не даст, если я не за купца выйду.

— Это купцам страшно, — отвечает кузнец, — а вот мне на приданое — тьфу! Не в нём счастье, а была бы невеста по душе.

Девушка этим словам обрадовалась. Думает: «Вот это моё счастье, этот за богатством не гонится».

Кузнец спрашивает:

— Ты за сковородником когда придёшь?

— Сам принесёшь, — сказала девушка и убежала.

На другой день кузнец принарядился и пошёл сковородник относить. Приходит он с чёрного хода в кухню, поздоровался с девушкиной мамашей и говорит:

— Вот, получите сковородник, ваша дочка заказывала. Хорош ли будет?

Мать сковородник к сковородкам примерила и очень обрадовалась. Говорит:

— Вот, миленький, спасибо! Уж так-то ты мне угодил! Сколько же тебе за него платы?

— Да ведь плату-то я хочу больно большую просить? Не знаю—согласны ли будете? Как бы вместо платы мне вот этим сковородником по шее не пришло.

Девушкина мать догадлива была. Засмеялась она и говорит:

— Ну, уж не стану такой хороший сковородник об твою шею ломать. Какую хочешь плату бери. Да у вас, верно, дело-то слажено? То-то моя дочка всем женихам отказывает, отца-то печалит. Ступай-ка, милый, в горницу, видать тебе отказу не будет.

Девушка жениху не отказала, отец согласился. Вскоре и свадьбу сыграли.

Поселилась молодая в мужнином доме. Не так-то жили роскошно, да с умом - с разумом голодны не бывали. И пошло в кузнецовом доме всё складно да ладно, вроде и не так богато, да не в людях занято, а нажито своим трудом да своим умом. Муж женой не нахвалится — и умна, и приветлива, и на делах ловка. Люди на их счастливую жизнь радуются, на их деток завидуют.

Время идёт, как вода течёт, день за днём, год за годом. Уж и дети кузнецовы большие стали, поженились, замуж повышли, внуков народили. Уж девушка давным-давно бабушкой стала.

Раз сидит бабушка, внучку баюкает, а сама думу думает: «Вот и век мой проходит, а Птица Радость так у меня и не побывала. Или она прилетала к нам невидимо? Или я того не достойна, чтобы она меня проведала?».

Только она так подумала, озарилась изба ярким светом чудесным, появилась Птица Радость, крылами сверкнула, хвостом повернула, заговорила — словно струны на звонких гуслях заиграли:

— Здравствуй, милая моя девушка! Всем ли ты довольна? Радостно ли живёшь на свете?

Отвечает ей бабушка:

— Живу, всем довольна. Своей радостью порадовалась, чужой радуюсь. Спасибо тебе, Птица Радость, научила ты

меня не одной себе счастья желать, доброе не на стороне искать, не в людях просить, а в своём сердце носить, чтобы было чем и других порадовать-повеселить.

Засмеялась Птица Радость своим радостным смехом чудесным, будто серебряные колокольчики зазвенели, взмахнула она крылами, озарила ещё раз избу светом чудесным и сказала:

— Доживай свой век счастливо. Я невидимо всегда с тобою.

И стала Птица Радость невидимою.

Проснулась внучка, спрашивает:

— Это ты, бабаня, с кем говорила?

— А со своей радостью, моя милая, с Птицей Радостью, про которую тебе сказку сказывала.

— А где она теперь?

— На всём свете, милая, невидимо она прилетает к людям и даёт им радость.

— А если её на войне убьют?

— Что ты, внученька, что ты! Убить её нельзя. Нет такой силы, чтобы Птицу Радость убила. Спи, моя милая, пусть к тебе Птица Радость прилетит, озарит тебя своим ясным светом чудесным.

* * *

На этом сказка кончается. Продолжать её никому не запрещается. А мне бабушка только это и сказывала, а прибавлять ничего не наказывала.

ТРИ ИВАНА

В ОДНОЙ деревушке в небольшой избушке жили мужик да баба. Люди они были работящие, а поэтому и хозяйство у них было подходящее — не так богато, но и бедным назвать нельзя.

Родился у них сын. Собрались крестить. Отец спрашивает:

— Как же, мать, мы своего первенца назовём?

Мать отвечает:

— Да ведь хорошо бы отцово имя дать. Люди-то так дают. Давай назовём, как тебя, — Иваном.

Отец согласился. Так и сделали — окрестили, назвали Иваном.

Прошёл год. Родился у них второй сын. Отец опять спрашивает:

— Ну, мать, а этого сына как назовём?

Мать подумала и отвечает:

— Да ведь люди-то, если не отцово, так дедово имя дают. Давай назовём, как твоего отца звали.

Отец согласился. При крещении и этого сына Иваном назвали.

Прошло времени ещё год. Народился у них третий сын. И опять отец спрашивает:

— Как же, мать, третьего сына звать будем?

Она говорит:

— А ты сам-то как думаешь?

Отец подумал, подумал и говорит:

— А я вот как думаю: одного деда имя дали, надо и другого деда имя дать. Чтобы без обиды. Давай назовём сына, как твоего отца звали.

Так они и третьему сыну дали имя—Иван.

Растут три Ивана, один другого подгоняют. Люди на них удивляются — все трое на одно лицо, ростом ровны, как ниткой ударены, и характером одинаковы. Мать на них не наглядится, мать на них не налюбуется. Всё — «Ванюшка!» да «Ванюшка!», да опять — «Ванюшка!».

Печёт она блины-оладьи, выйдет за ворота и позовёт:

— Ванюшка!

А они все трое бегут, один с улицы—он там с ребятами в козны играл, другой с речки—этот решетом огольцов ловил, а третий с задов — этот всё клетушки нагораживал. Придёт время обедать, выйдет мать за ворота, опять покличет:

— Ванюшка!

И опять все трое тут же явятся.

Так время и шло. Сыновья подрастать стали, а родители стареть начали.

И вот однажды отец говорит матери:

— Трудновато мне, старуха, работать стало. Не молоденький. Сыны подрастают, надо бы их к делу приучать.

— Ну, что ж, — отвечает мать, — приучай помаленьку.

И вот отец как-то сказал старшему сыну:

— Поедем, Иван, в поле, пора тебе пахать учиться.

А сын отвечает:

— Это что же — я один пахать буду? Нас трое, пусть все пашут.

Средний Иван говорит:

— Мне нельзя пахать, у меня нога болит.

А у него и верно нога болела—наколол чем-то, она и разболелась. А младший Иван говорит:

— Мне ещё рано пахать, я всех моложе.

Так этот разговор ничем и кончился — отправился отец один поле пахать.

Другой раз отец хотел про это речь завести. Сыновья все трое в избе были, вот отец и говорит:

— Иван!

Старший Иван с лавки встал да и пошёл из избы. Отец опять:

— Иван!

Средний Иван тоже к двери да из избы вон. Отец опять:

— Иван!

Тут младший Иван к двери бегом, через порог шагнул и говорит:

— Сейчас, батюшка, я его позову.

— Кого?

— Да ты Ивана звал, вот я его и скричу.

Вышел во двор, кричит старшему:

— Иди, тебя отец зовёт.

А тот отвечает:

— Меня что ли? А может, это он тебя звал?

Обиделся отец, стал мать упрекать:

— Избаловала ты их. Неслухами растут.

А мать ему в ответ:

— Не я баловала, материнская ласка жалела да баловала.

— Ну вот, — говорит отец, — теперь ты с материнской-то лаской сама и приучай их к делу.

У матери характер такой согласный был, она перечить не стала. Говорит:

— Буду приучать. А ты ложись на печь и весь день не слезай—будто захворал.

Вот на другой день отец утром с печи не встаёт, лежит, вроде хворает. Мать печь топить не стала, а поближе к завтраку вышла за калитку и кричит:

— Ванюшка!

Являются сыновья все трое. Мать им говорит:

— Сыночки мои, Ванюшки! Отцу что-то мочи нет, он мне дровец не наколол. Если мне самой идти хворосту порубить, то ещё когда-то я завтрак сготовлю. Припасите-ка который-нибудь мне дровец, я похлёбку сварю, да хлебных пышечек испеку.

Вот старший Иван говорит:

— Я нарублю, матушка.

Средний Иван кричит:

— Я нарублю, матушка!

И младший от них не отстаёт:

— Я нарублю!

Пошли они на зады да в три топора столько хворосту натяпали, что хватит матери печь топить недели на две. Внесли они в избу каждый по беремю дров. Мать печку истопила, за завтраком всем троим по пышке добавила. А отцу завтрак на печку подала. Сама села за стол да приговаривает:

— Ох, беда-то какая! Вовсе отец разнемогся. Чего он теперь хворый-то напашет? А хлебушко у нас скоро весь подойдёт. Вы бы который-нибудь ехали попахать. А уж я пахарю парочку-троечку яичек в поле дам, чтобы посытнее закусил.

Старший Иван говорит:

— Я, матушка, поеду пахать.

Средний говорит:

— Я поеду!

И младший не отстаёт:

— И я поеду.

Поехали в поле все трое. Один пашет, другой обед варит, а третий лошади травы припасает да за водой на родник ходит.

И так-то ли скоро они в ту вёсну с делом управились — вперёд людей попахались. Отец пашню проверил, остался доволен. Говорит матери:

— А ловко ты, мать, их к делу приучила. Гляди-ка, какие работяги стали — и люди-то хвалят.

А мать отвечает:

— Не я, отец, приучала, материнская ласка приучала да приохочивала.

А время всё идёт да идёт. Идёт время, не останавливается, каждый день солнышко всходит, каждый день солнышко заходит.

Подросли три Ивана. На работу задались всё такие ловкие — никакие дела от их рук не отбиваются.

Стали отец с матерью подумывать — как быть? Как сыновей поделить? Думай, не думай, сыновей трое, а земли мало, лошадь одна, изба одна. Стали родители с сыновьями советоваться. Молчат сыновья. Вот мать и говорит:

— А вы, сыночки, вот как сделайте: хозяйство не рушьте, пусть всё одному останется. А двое пусть другую работу найдут, кому какая люба.

Отец говорит:

— Тогда надо жеребий метать—кому хозяйство останется.

Средний Иван говорит:

— Я из жеребья выхожу, пусть двое мечут. Я люблю кузнечное дело, научусь и буду кузнецом.

А младший Иван говорит:

— И я жеребий метать не стану. Пусть всё хозяйство старшему достаётся, он и будет пахать. А я уйду в город, поучусь, погляжу, как люди живут, и буду правду искать.

Отец спрашивает:

— Какую правду?

Сын отвечает:

— А вот какую правду: как людям жить надо, чтобы всем было хорошо.

— Ладно, — говорит отец, — учись, сынок, ищи такую правду.

И спрашивает старшего Ивана:

— Ну, а ты, сынок, какое слово скажешь?

Старший Иван отвечает:

— Я, батюшка, этому делу рад. У меня душа к земле лежит, буду пахать.

Так и остался старший Иван пахарем. Младший Иван ушёл правду искать. А средний Иван стал в кузнице работать. И до такого он мастерства дошёл, что не только по кузнечному делу, а и по всевозможным машинам специалистом стал.

И вот старший Иван старается, землю пашет. Землю пашет, а дума про правду у него из головы не выходит.

И вот однажды приехал старший Иван с пашни и говорит отцу:

— А я, батюшка, правду нашёл.

— Где нашёл?

— Да мне земля сказала.

— А что же тебе, сынок, земля сказала?

— А то сказала, что нельзя так пахать, как мы пашем. Не

так за землёй ухаживать надо.

— А как же?

— А вот как — по науке: пахать землю поглубже, удобрять её получше. Тогда она хлеба уродит побольше.

Отец говорит:

— Эх, сынок! Эта твоя правда — только четверть правды. Про это земля и мне сказывала. И всяк бы рад поглубже пахать, да ведь лошадь-то не возьмёт...

В этот момент зашёл средний Иван отца навестить. Узнал он, о чём тут речь идёт, и говорит:

— Правильные братовы слова, что не так землю обрабатывать надо. И отцовы слова правильные, что лошадь не возьмёт. И вот что я вам скажу: сделали мы на заводе железного коня, такого могучего, что возьмёт он плугом такую глубину, какой наука требует. Я в этого коня все свои знания вложил, и надеюсь на него — этот конь нас к хорошей жизни вывезет. Выходит, что и я правду нашёл.

Отец говорит:

— Эх, сынок! Эта твоя правда — только половина правды. Про могучего железного коня и я слыхал. Хоть и хорош конь, да мал загон. На нашей полосе ему и повернуться негде...

А в это время входит в избу младший Иван. Вошёл и, как положено, с отцом, с матерью, с братьями поздоровался.

Отец его спрашивает:

— Ну, как, сынок, нашёл правду?

Тот отвечает:

— Да, отец, нашёл я правду.

— Ну, говори.

И младший Иван сказал:

— Слушай, отец. И ты, мама, слушай. И вы, братья, слушайте. Работать надо всем вместе, да не только всей своей семьёй, а всем селом, на общей земле. Землю пахать машиной — могучим железным конём. А ухаживать за землёй надо по науке. Вот какую правду я нашёл.

Отец спрашивает:

— Где нашёл?

— В Кремле.

Отец поднялся с лавки и спрашивает:

— Неужто был там?

— Был.

— И его видал?

— Видал.

Обнял отец сына и говорит:

— Ну, сынок, порадовал ты нас. Вот это и есть вся наша крестьянская правда!

А мать такие слова сказала:

— Теперь идите, мои сыночки, скорее скажите всему селу—какая она есть наша народная правда и сила.

КАК НУЖДА ОТ СТАРИКА ОТКАЗАЛАСЬ

Старик со старухой жили, как всё равно таракан с мухой — старик день и ночь на печке в тёплом местечке лежит да лежит, а старуха, как муха, всё жужжит да жужжит.

Жили они не тужили, не столько наживали, сколько проживали. Была у них лошадь Карюха, свели на базар, продали, а деньги прожили. Была корова, Рыжонкой звали, и эту продали, а деньжонки туда-сюда размотали. И дожили старик со старухой до такого времечка, что есть им пришлось помаленечку, а потом и вовсе с утра до вечера куснуть нечего. А старик всё лежит. А старуха всё жужжит:

— Ступай, старик, в люди, мучицы займи. Хоть блины испечём.

А старик:

— Не дадут нипочём. Знают, что мы долг отдать не в состоянии.

Всё же доняла его старуха. Вот он с печки слез, подтянул пустой живот пояском потуже и пошёл муки занимать. Приходит он к богатому мужику, просит мучицы взаймы или хоть хлебца кусок. А богатый говорит:

— Не то что кусок, дал бы целый пирог, да больно у тебя лоб широк. Ты вовсе не старый да вон ещё какой здоровый. Поди-ка, поработай.

А старику какая работа, он не евши-то обессилел, ему бы

только поесть да на печку залезть. Пошёл он к бедному мужику. Объясняет — так и так, есть вовсе нечего:

— Дай хоть хлебца на ужин.

Бедный мужик головой покачал и спрашивает:

— Да ведь вы всё вроде ничего жили? Как же это ты до такого положения дошёл?

Вздохнул старик и говорит:

— Да ведь как, милый, дошёл — нужда довела.

А Нужда-то как раз в этом доме жила, у самого этого бедного мужика. Семья у него была большая, ребятишки малые, ну, и, конечно, сколько он ни работает, сколько он ни заработает, всё у него нехватки да недостатки. Как говорится: один с сошкой, а семеро с ложкой. А для Нужды такое положение самое подходящее дело, тут она и прижилась, никак мужик от неё не отобьётся.

Вот услыхала Нужда, что старик на неё жалуется, как она вскочила, встала посреди избы, да начала руками махать, старика пробирать да конфузить. Уж так-то она его бранила, так-то корила:

— Как тебе, старый, не стыдно, да и как тебе не совестно! На старости лет врать учишься! Да разве ты через меня без хлеба мучишься? Да я тебя ещё и в глаза не видала, и какой ты есть житель, слыхом не слыхала. Я к тебе не ходила и ни до чего тебя не доводила. Ты через свою лень на печи лежишь, как пень, через лень ты и без хлеба остался. Ты, старый бездельник, по людям-то не ходи, да на Нужду напраслину не наводи.

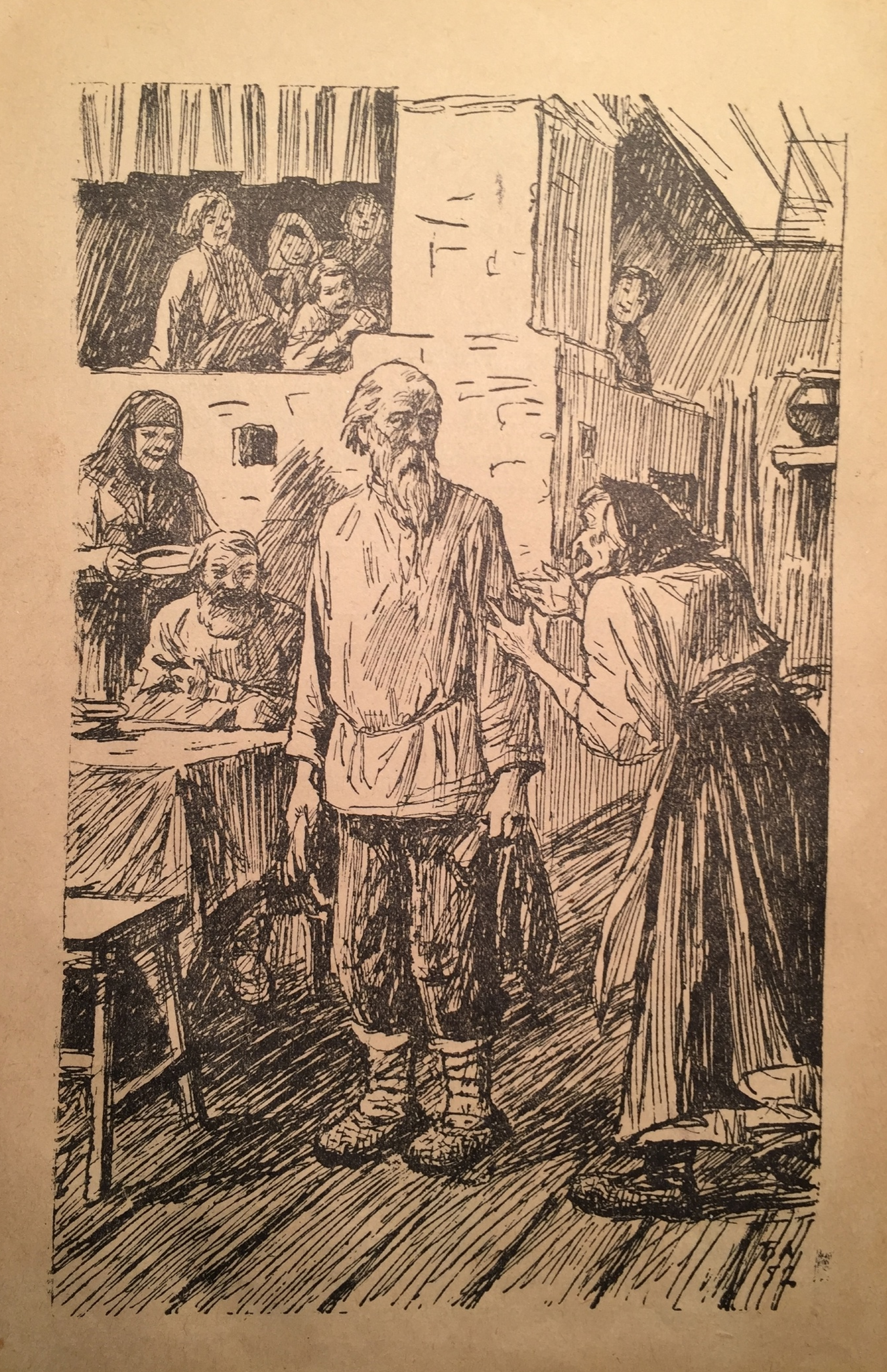
Ну, старик скорей за порог да от Нужды наутёк...

И стало это всему селу известно, как Нужда от старика отказалась. Куда он ни придёт взаймы хлеба просить, все ему отказывают, говорят:

— Ты ещё Нужды не видал.

Ну, что тут будешь делать? Походил, походил старик, никто ему хлеба не даёт. И говорит старик старухе:

— Ничего, старуха, не выходит. Никто про нас хлеба не припас, велят держать свой запас. Придётся за работу приниматься да своим куском разживаться.

А пока у них это недоразумение происходило, во всех сёлах и деревнях колхозы организовались, заработали люди сообща. Как взялись за дела дружно да ладно, так и жизнь у них пошла хорошо да складно.

А старик всё лежит... А старуха всё жужжит:

— Ступай, старик, пишись в колхоз. Погляди-ка — там люди-то шумом-шумят, работают. Без нужды живут. У кого в руках дело есть, у того будет и что поесть. А мы тут, дома-то сидя, вовсе с голоду пропадём. Ступай, пишись, проси дела и себе и мне.

Говорит старик старухе:

— Да какая у нас с тобой сила?

Старуха и на это слова не долго искала. Говорит:

— Было бы дело мило, найдётся и сила. Ступай, пишись!

— Боюсь, старуха, не примут...

Ну, всё же пошёл старик. Приняли! Записались они оба со старухой.

Старика в колхозе в конюха поставили, а старуху цыплят караулить приставили. Трудодней у них каждый год много бывает, так что хлеба им вполне хватает. И корову они теперь заимели, отелится через две недели.

Раз приехал в этот колхоз уполномоченный из области, стал колхозников про их работу и про колхозное житьё-бытьё расспрашивать. Между прочим и этому старику задаёт такой вопрос:

— Ну, как, дедушка, хороший ваш колхоз? Вот ты лично как живёшь? Нужды не видишь?

Тут старик вспомнил, какая у него неприятная история с Нуждой произошла, и говорит уполномоченному:

— Не знаю я Нужду. И она меня тоже. Да и ну её к лешему в болото эту самую Нужду. Глядеть я на неё не хочу и тебе не советую. С ней свяжешься, рад не будешь.

ВСЕ БАРЕ ПРОПАЛИ

В тысяча девятьсотом году случилось такое дело. На суходольных лугах по овражкам паслось барское стадо. Одна корова от стада отбилась, и пастух послал подпаска подогнать её. Вскоре корова подошла к стаду, а подпасок пропал, как в воду канул. Дня три искали его по всем буграм и ямам, не нашли, на том и успокоились. Очень-то беспокоиться о нём было некому, был он не из этого села, а из другой губернии, к тому же круглый сирота, так что и сообщать о его пропаже никому не стали.

А с парнем такая небывалая история приключилась. Гнал он корову оврагом берегом, оступился да покатился в овраг. Покатился он в овраг, а берег был такой рыхловатый, земля за ним посыпалась. До дна парень не докатился, задержался на небольшом уступчике, а сверху его малость землёй притрусило. Кто его знает—от ушиба или от испуга сделался наш парень в бессознании да так и остался лежать на этом месте. И лежал он долго, не день, и не два, а ровно тридцать три года. И место это травой заросло, и про парня давно все позабыли, а он всё лежит и лежит в бессознательном состоянии, не дышит и не шевелится, а всё же и не совсем мёртвый. Одним словом — гнить не гниёт, и жить не живёт.

И вот — это уже было не так давно — опять на этом месте стадо паслось. И опять одна корова от стада отбилась. Отбилась она от стада и забрела на это самое место, где парень

тридцать три года в бессознательном состоянии лежит. Учуяла корова, что тут какое-то неладное дело, и принялась она реветь. Стоит она на овраге на берегу, ногами землю роет, а сама ревёт и ревёт. И доревелась она до того, что парень услыхал и очнулся. Очнулся он, землю с себя стряхнул, и, хотя слабость во всём теле чувствовал, всё же выбрался на берег. Слабость слабостью, а дело-то исполнять надо. Щёлкнул он кнутом, погнал корову к стаду. И ведь надо же было так случиться — корова-то в точности на ту похожа была: та палевая, и эта палевая, и статьи все подходящие. Словом — симментальская порода.

Подгоняет парень корову к стаду, видит, там незнакомые люди стоят, между собою разговаривают. Он их спрашивает:

— А дяденька Никифор где?

— Какой-такой дяденька Никифор?

— Пастух.

— Нас тут, пастухов, много, а только ни одного Никифором не зовут. А ты кто такой?

— Я подпасок. Я с дяденькой Никифором пасу.

— Да чего же ты пасёшь-то?

Парень разгорячился:

— «Чего», «чего»... Вот это стадо пасу. Барское стадо.

Люди засмеялись:

— Ты что, парень, не выспался? Или лишнего переспал? Все баре давно пропали!

Тут парень огляделся. Видит — стадо-то действительно вроде не то. Спрашивает:

— А это чьё же стадо?

Ему отвечают:

— Нашего колхоза.

Парню всё же непонятно — почему тут другое стадо насётся.

Пошёл он в село на барский двор. И видит—всё тут по-новому. И избу эту, где пастухи жили, не найдёт. И контору не найдёт. И люди всё незнакомые. Ничего парень не поймёт, а спросить постеснялся.

Дождался он вечера. Стадо пригнали, коров по местам поставили, подоили.

Одна молодая женщина, которая тоже коров доила, спрашивает парня:

— Ты чей будешь, паренёк?

А он вовсе смутился и так это несмело отвечает:

— Я дальний... Нездешний... Из другой губернии...

— Домой что ли пробираешься? На родину?

— На родину...

И вздохнул так тяжело-тяжело. Поглядела на него женщина, видит, очень уж он худой да бледный (а в нём, конечно, за тридцать-то три года все витамины израсходовались). Пожалела она его и говорит:

— Пойдём ко мне домой, я тебя покормлю. Ночуешь, а утречком и пойдёшь на свою родину. А теперь уж поздно тебе идти, скоро ночь.

Привела она его домой. Сели, поужинали. Женщина говорит:

— Ты ложись, отдыхай. А я на собрание пойду. У нашего колхоза сегодня праздник большой — день урожая.

Стала она наряжаться. Надела платье шёлковое голубое, покрылась белым шёлковым платком с кистями. В зеркало смотрится. Парень осмелел и говорит:

— Какое на вас, тётенька, платье нарядное!

А она отвечает:

— Это мне колхоз подарил за хорошую работу.

— А он верно богатый, Колхоз-то?

— Да ничего, богатый. Работаем хорошо и живём неплохо.

Погляделась она ещё раз в зеркало и ушла. А парень уснул и проспал до самого утра.

Утром хозяйка его разбудила, блинами накормила, на дорогу большую пышку дала и ещё кое-что из съестного, и проводила его:

— Ну, теперь, — говорит, — иди на свою родину. Счастливой тебе дороги.

Парень с ней попрощался, поблагодарил за приют и за привет и пошёл на свою родину, в другую губернию.

За день он несколько сёл прошёл. И всё слушает, что люди говорят. И всё дивится — вёрсты зовут километрами, десятины — гектарами, на полях диковинные машины ходят, как жуки большие жужжат, землю пашут. Спросил он одного человека:

— Это вы кому пашете?

А тот отвечает:

— Кому пашем — себе. Своему колхозу.

Ночь парень на пчельнике ночевал, там его старичок сторож хлебом с мёдом покормил. Он этого старичка спрашивает:

— Дедушка, а чей же это такой пчельник большой?

— А это, милый, нашего колхоза пчельник. Большой у нас пчельник!

Наконец-то добрался парень до своей губернии. Пришёл в своё село. Была у него мысль — к тамошнему барину в подпаски наняться. Однако и тут прежнего барина не оказалось. И тут тоже — про что он ни спросит «это чьё» да «это чьё», всё тот же ответ слышит:

— Нашего колхоза.

Ну, что тут будешь делать — всем этот Колхоз завладел! Паренёк думает: «Видать, он сильно богатый, этот самый Колхоз, гляди-ка, сколько земли захватил. Вот это богач!»

И решился парень счастья пытать. Спрашивает:

— Где тут контора?

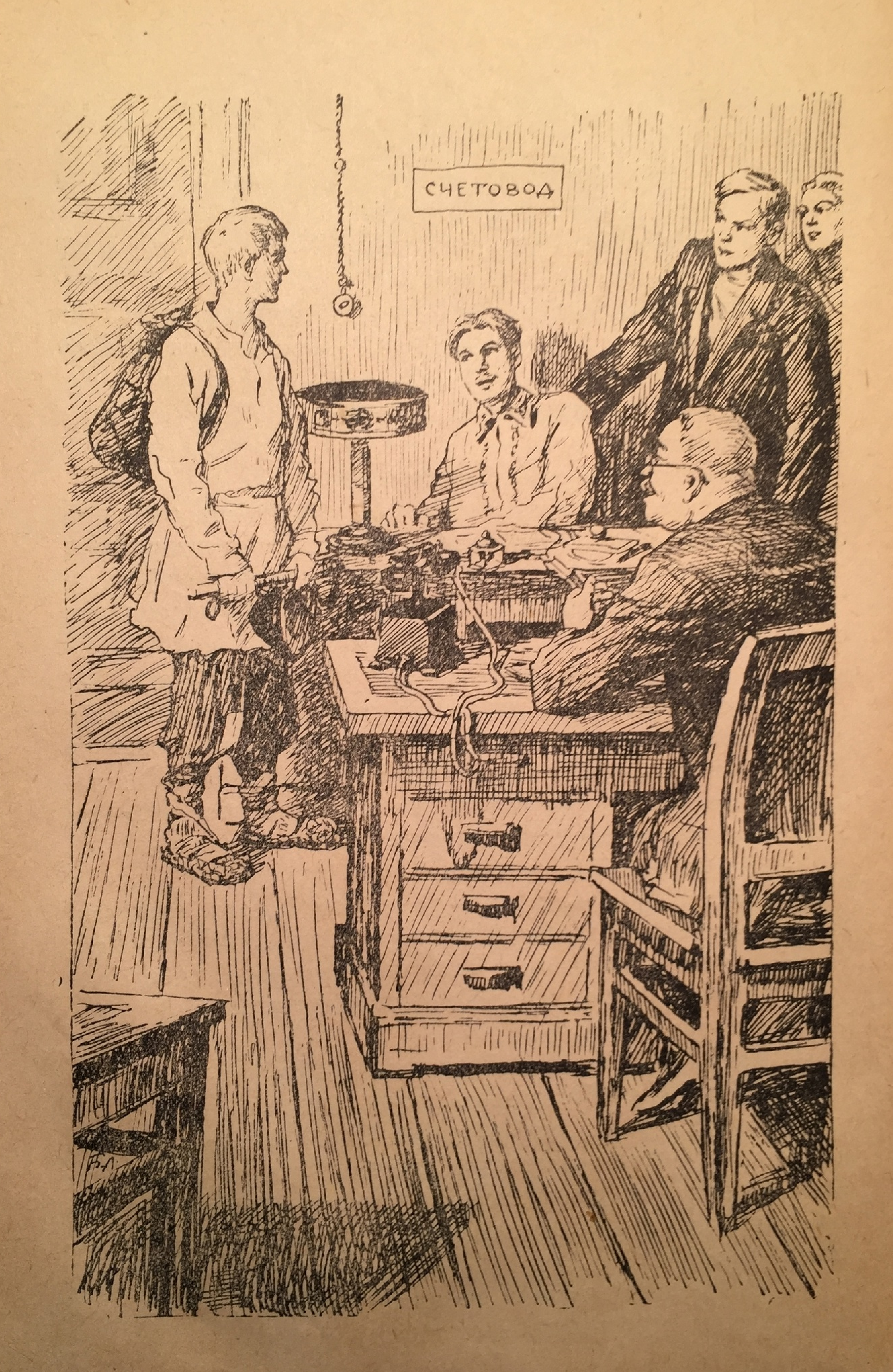
— Какая тебе контора? Правление что ли?

— Ну всё одно. Правленье, так правленье.

Показали ему хороший дом. Вошёл он. Видит — контора, как контора — люди за столами сидят, пишут, на счётах считают. Снял парень шапку, встал к порожку. Прошло времени порядком, наконец один конторщик обратил на него внимание, спрашивает:

— Вы, молодой человек, по какому делу?

Набрался парень духу и отвечает:

СЧЕТОВОД

— Мне бы самого барина повидать.

— Какого барина?

— Колхоза-барина, который всей землёй владеет.

Тут все правленские работники засмеялись, так со смеху и покатились. А один даже сказал:

— Ой, да он, верно, ума лишился?

А один конторщик, всех постарше, подошёл к парню и спрашивает, так это ласково и без всякого смеху:

— Вы, молодой человек, откуда и кто такой? Расскажите всё по порядку. Не стесняйтесь, рассказывайте всё откровенно.

Тут парень не выдержал, заплакал горькими слезами и рассказал всё, как дело было.

Ну, и все слушали с большим вниманием, удивлялись и сочувствовали, расспрашивали, рассказывали. И наконец-то парень узнал, как долго он пролежал в бессознательном состоянии, а поэтому на тридцать три года от жизни отстал.

Ну, ничего, теперь догнал. Его, конечно, тогда же в колхоз приняли. Он оказался очень способным и прежде всего свою неграмотность ликвидировал, а потом на машиниста выучился.

Вот живёт наш парень, заработок имеет приличный, одевается чистенько. В кино ходит. Газеты читает. Но всё же одинокая жизнь, какая это жизнь. Вздумал он семьёй обзавестись, короче говоря — жениться. А ведь жениться — надо пару по душе подыскать. И вот наводит он справки о той молодой доярке, которая его в первый день его новой жизни пожалела и приветила. По справкам оказалось, что она вдова и ведёт себя очень самостоятельно. И вот отправился он в другую область, свататься.

Явился он к этой доярке, познакомился. Напомнил ей, какая у них встреча была, и объясняет ей — так, мол, и так, давайте поженимся. Она, конечно, стала возражать:

— Что вы! — говорит, — какая я вам пара — мне уже двадцать пять лет, а вам, наверное, не больше лет двадцати.

Он ей в свою очередь говорит:

— Это я с виду такой моложавый. Двадцать лет мне действительно было, только это было назад тому тридцать пять лет. А теперь мне пятьдесят пять лет. Можете удостовериться по паспорту.

Поглядела она в паспорт, видит, документ форменный, выдан отделением милиции по метрической выписи. Ну, и согласилась. Не из-за паспорта, конечно, а так вообще, он ей понравился.

Поженились они и живут теперь семейно. Он, конечно, в тот колхоз переписался. Ну, и всё в порядке — живут-поживают, доброй славы наживают, и другим счастливой жизни желают.

ПРО БАБУ ДОМНУ

ЖИЛА-была баба, звали её Домна, ростом и дородством очень преогромна. Накопила Домна миллионы силищ, так отяжелела — с места не содвинешь.

Услыхала Домна — враг идёт с Заката. Вышла бы сразиться, да тяжеловата. Топит Домна печку, а сама вздыхает — мало, что Россию чугуном снабжает, хочется ей, Домне, в чистом поле биться, да нельзя ей, Домне, с места своротиться.

Уродила Домна дочку Катерину, посадила Катю на автомашину, да и проводила на завод в ученье:

— Чтобы стать ей, Кате, лёгкой для сраженья!

На заводе Катю так-то ль обтесали, стала наша Катя как точёной стали. Поглядеть на Катю—словно как игрушка. Ну, а на характер — погрозней, чем пушка.

Домна свою Катю полотном укрыла, на передовые её проводила.

Долго ли, коротко ль ехали-катили, а к разгару боя в Сталинград прибыли. Красные солдаты Катеньку встречали, душечкой-Катюшей её величали.

Побыла Катюша в боевом походе, задавала жару вражеской породе: как Катюша грянет, даст огонь да пламень, так

враги, не охнув, повалятся наземь. Много полегло их возле Сталинграда! А Катюше нашей этого и надо.

Уважают Катю все гвардейцы наши:
— Нету против Кати боевей и краше!
И теперь Катюша — герой Сталинграда. То-то мамка Домна весела и рада!

СКОРОХОДЫ-САПОГИ

ЖИЛ на свете старичок, неприметный человек, покуривал табачок, сапоги тачал весь век. Много лет тому назад, он, конечно, был солдат. А потом, как отслужил, сапоги тачал да шил.

Песен множество он знал, сам от дедов перенял. Больше всех любил одну: про старинную войну, про злодея короля — про прусацкого царя, и как полковник Лопухин занапрасно жизнь сложил...

Вот, бывает, скучно станет, он любимую затянет:

— Лопухин ходил с полком,
Курил трубку с табаком,
Куда трубочка потянет,
Туда армия пойдёт.
Потянула его трубочка
В неверные края.
Во неверные края —
На злодея-короля.
У злодея-короля
Чужа сила, не своя,
Чужа сила, не своя —
У англия куплена...

И сидит старик да шьёт, а сам песенку поёт. Доживает он свой век — неприметный человек.

* * *

Раз случилось летним днём — прогремел военный гром: весть пришла по радио — напал Гитлер-гадина на Советскую страну.

— Ах ты, шило в бок ему!

И старик разволновался. Он не то чтоб испугался, — нет, не робок был старик, — а уж очень гнев велик.

— Погоди, фашистский пёс, мы тебе прищемим нос. Вот ужо узнаешь, гад, как попрём тебя назад.

Время между тем идёт, а германец прёт да прёт, города наши берёт.

— Целит, гадина, в Москву, провалиться бы ему! Нет! Москву не победишь. Как французик, убежишь. Был такой — Наполеон. На Москве ожёгся он...

* * *

Старичок сидит да шьёт. Время между тем идёт. Раз к нему стучатся в дверь и зовут его в артель:

— Приходи, дед, помоги шить для фронта сапоги. Фронтовой пришёл заказ.

Отвечает дед:

— Сейчас! Красну Армию обуешь — это значит — сам воюешь!

И отправился в артель. И с артелью он теперь сапоги для фронта шьёт, а сам песенку поёт:

— То не в поле пыль пылит,
Лес-дубравушка шумит,
Лес-дубравушка шумит,
Прусак с силою валит,
Он валит, валит, валит,
Сам из пушечек палит..

Время между тем идёт. Сапоги артель сдаёт. Старичок всё шьёт да шьёт, а сам песенку поёт:

— А мы бились и рубились
До двенадцати часов,
Со двенадцати на первый
Стали силы поверять...

* * *

В синем небе месяц плыл, ясный свет на землю лил. В эту тихую полночь старику заснуть невмочь. Встал он, трубку закурил, облаками дым пустил и глядит, как дым плывёт, сам тихонечко поёт:

— Чуть застали душу в теле—
Лопухин лежит убит,
Лопухин лежит убит,
Душа в теле говорит:
«Вы подайте мне, ребята,
Чернильницу со пером,
Чернильницу со пером,
Лист бумаги гербовой,
Напишу я государыне
Нижающий поклон, —
Как наш главный генерал
Нашу силу «сберегал» —
Сберегать не сберегал —
Всеё силу растерял,
Всеё силу растерял,
Кою пропил — прогулял...»

Призадумался старик. Сам с собою говорит:

— Лопухин — он был герой, верный сын земли родной. За солдат в защиту встал — за народ стоял горой. Видишь вот— письмо писал. Перед смертью. Чуть живой. Так-то вот...

Старик вздыхает, снова трубку разжигает. Он сидит, курит, и слышит — за спиною кто-то дышит... Оглянулся — перед ним сам полковник Лопухин... Тут старик поспешно встал, руки вытянул по швам, по уставу — грудь вперёд. Приказания он ждёт.

Лопухин в глаза глядит и сурьёзно говорит:

— Есть в моём полку герой — Жуков, воин рядовой. Я даю тебе заказ — сшей, чтоб были в самый раз, скороходы-сапоги для геройской для ноги.

Лопухин из глаз пропал. А старик всю ночь не спал и всё думалось ему: «Для чего и почему Лопухин из гроба встал и заказ военный дал?»

* * *

Вот настал день выходной. Ни минуты ни одной старичок без дела не был, до темна он не обедал, всё тачал он сапоги для геройской для ноги. Шьёт да трубочку курит, сам с собою говорит:

— Вы сапожки-скороходы, вы носитесь долги годы, а геройская нога не натрися никогда.

Сапоги старик дошил, адрес свой в сапог вложил и отнёс в военкомат. Старику там говорят:

— А кому же их послать? Надо адрес написать.

Он сказал:

— Пошли на фронт. Там начальство разберёт. Самому отважному, а как зовут — не важно. Для геройской для ноги шиты эти сапоги.

* * *

Старичок всё шьёт да шьёт. Время между тем идёт. Незаметно пролетели может две иль три недели, получает он пакет — на подарок шлют ответ:

— Пишет вам с передовой Жуков — воин рядовой. Благодарствую, папаша! Хороша работа ваша — сапоги мне в самый раз, словно сшиты на заказ — не малы, не велики и достаточно легки. И ко времени сейчас — выполнять идём приказ, мы фашистов будем гнать от столицы нашей вспять.

И старик душевно рад, что врага попрут назад, и что Жуков рядовой есть действительный герой.

Не стоит в реке вода. Не стоят, бегут года. И артель четвёртый раз фронтовой взяла заказ. Старичок сидит да шьёт и победам счёт ведёт:

— Скоро выгоним врагов из советских городов. Эх, катись от нас беда, как весною с гор вода! Красна Армия сильна, победит врага она. Маршал Сталин сам ведёт нашу Армию вперёд!

* * *

Старичок читать любил, за газетами следил. И всё думал: «Где-то мой — Жуков, воин рядовой! На каком воюет фронте? В чьём полку? В какой он роте? Думать хочется — живой

Жуков, воин рядовой. А уж если он живой, обязательно герой!»

Старичок сидит да шьёт. Он совсем письма не ждёт, потому что у него нет на свете никого — нет ни деток, ни жены, нет ни брата, ни сестры.

Раз с работы он пришёл, на столе письмо нашёл. От кого? Он сам не знает.

Вот надел очки, читает:

«Добрый день, весёлый час! Комсомольский шлю привет и прошу, папаша, вас — напишите мне ответ. Жизнь моя — бои, походы. Носят ваши скороходы — на Днепре я воевал и под Пинском побывал. А врагам теперь «капут» — без оглядочки бегут. И, конечно, мы их бьём, передышки не даём.

Сообщить я вам забыл, — я награду получил.

Жуков — воин рядовой».

И — номер почты полевой.

Старичок душевно рад:

— Вот каков — он мой солдат!

Он опять очки надел, и ответ писать засел. Долго он писал письмо. На душе было тепло.

* * *

День за днём придёт, уйдёт. Старичок всё писем ждет. Будто стал ему родной Жуков, воин рядовой: называет он папашей, спросит «как здоровье ваше?», фронтовой пришлёт привет. Если долго писем нет, старика тоска возьмёт. И сидит старик поёт, сапоги для фронта шьёт и привета с фронта ждёт: «Где-то, где-то мой герой — Жуков — воин рядовой?»

Наконец, пришло оно — долгожданное письмо:

— Добрый день и час, папаша! Получил письмо я ваше, а ответить не успел — очень много было дел. Всё походы да походы. Ходят ваши скороходы по земле и по воде. Вы подумайте, мы где — по Германии идём и фашистов в спину бьём. Ну давно ль я был у Пинска? А теперь—к Берлину близко! Из Берлина напишу. А теперь я вас прошу — не тревожьтесь за меня, ожидайте того дня, как с победой я приду, тихий домик ваш найду и у вашего крыльца обниму вас, как отца.

Извещаю также вас — награждён я третий раз. Шлю привет вам фронтовой.

Жуков — воин рядовой.

* * *

Дни бегут. Часы летят. Мерно ходики стучат.

А старик всё ждёт и ждёт — скоро ль этот день придёт, скоро ль Жуков рядовой, Красной Армии герой, в тихий дом к нему войдёт и папашей назовёт?

Дни бегут. Часы летят. Мерно ходики стучат:

— Тик-так, тик-так,
Это будет, будет, так
Потому что у него
Тоже нету никого:
Ни папаши, ни мамаши,
Ни братишки, ни сестры...

ПТИЧКА ИЗ ДАРЁНОГО ЯИЧКА

ДЕЛО было не в чужедальней стороне, не в тридевятой земле, а в самом обыкновенном советском селе.

По селу комиссия ходила, принимала от колхозников подарки бойцам-фронтовикам. Колхозники дарят родной Красной Армии кто масла фунт или два, кто курицу, кто полотенце или холста на портянки. Чем богаты, тем и рады.

А в этом селе жила одна старушка вдовая и бездетная, жила небогато, потому что из трудоспособного возраста она давно вышла. Так к этой старушке комиссия даже не заходила—ну, что она может подарить Красной Армии?

Миновала комиссия бабушкин дом, а бабушка за комиссией вслед:

— Это что же, — говорит, — вы, мои милые, меня обошли? Много, — говорит, — я подарить не могу, а вот есть у меня одно яичко дорогое, и желаю я его нашим красным воинам в подарок послать.

Приняла комиссия бабушкин подарок, стали ей квитанцию писать. А один мальчуган школьного возраста подходит и говорит:

— Бабушка! А вы не кладите ваш подарок в общую корзину. Давайте его отдельно упакуем и от вашего имени бойцам письмо напишем. Бойцы будут очень рады от вас подарок и привет получить.

Бабушка согласилась. Мальчуган школьного возраста

моментально коробочку смастерил и от бабушкиного имени фронтовикам письмо написал, а в конце её имя, отчество, фамилию и полный адрес поставил. Упаковали они яйцо и письмо в коробочку, и бабушка собственноручно положила эту посылочку в общую корзину.

Комиссия сдала подарки куда следует, а там отправили их на фронт, в Действующую Красную Армию. Бабушкин подарок, совместно с другими, доставили лётчикам на аэродром. Лётчики подарками остались очень довольны, а особенно дошёл до них бабушкин подарок. Прочитали они её письмо и долго разговаривали о том, какую заботу об армии тыловой народ проявляет. Поговорили лётчики и спать легли. А яйцо на печке оставили. А печка ещё тёпленькая была — вечером лётчики себе чай кипятили.

Утром проснулись лётчики и очень удивились — яйцо за ночь заметно увеличилось в размере. Стали лётчики за яйцом наблюдать, а оно всё увеличивается и увеличивается, даже заметно на глаз, как оно растёт. Через несколько дней яйцо такое большое стало, что из землянки в дверь его уже вынести невозможно. Лётчики заявили об этом командиру части. Пришёл командир части, осмотрел яйцо и говорит.

— Это интересно, что с ним происходит!

И дал он распоряжение — за яйцом наблюдать, а в случае, если оно ещё увеличиваться станет, разобрать на землянке крышу.

Яйцо всё растёт и растёт. Лётчики на землянке крышу разобрали и все свои личные вещи в новую землянку перенесли.

Прошло ещё несколько дней, и яйцо такое большое стало, что вокруг землянки пришлось некоторые деревья подрубить (аэродром в лесу находился, для маскировки, чтобы врагу незаметно было).

На двадцать первый день на яйце образовалась трещина. Один из лётчиков пошёл к командиру части и говорит:

— Разрешите доложить, товарищ майор, из бабушкиного дарёного яйца начинает цыплёнок выводиться — яйцо с пра-

вой стороны дало трещину длиною в полтора метра, шириною в тридцать пять сантиметров.

Командир поспешил к месту нахождения яйца, и через несколько времени из этого огромнейшего яйца вылупился самолёт новейшей конструкции, последнее слово передовой военной техники!

По случаю появления на свет нового самолёта командир части летучий митинг организовал, речь говорил о значении помощи тыла фронту. И тут же передал новый самолёт одному молодому отважному лётчику, который накануне этого дня без самолёта остался—в бою с семью мессершмиттами этот лётчик четырёх мессершмиттов сбил, а остальные три ему в этом бою весь самолёт издырявили — бак пробили и другие серьёзные повреждения причинили, так что самолёт из строя вышел и пришлось его в капитальный ремонт отправить.

Принял молодой отважный лётчик новый самолёт, и командир части даёт ему распоряжение — испытать этот самолёт на дальнем полёте в свой советский тыл. А молодой отважный лётчик обращается к командиру:

— Разрешите, товарищ майор, совершить полёт в то село, где эта бабушка живёт, которая яичко подарила.

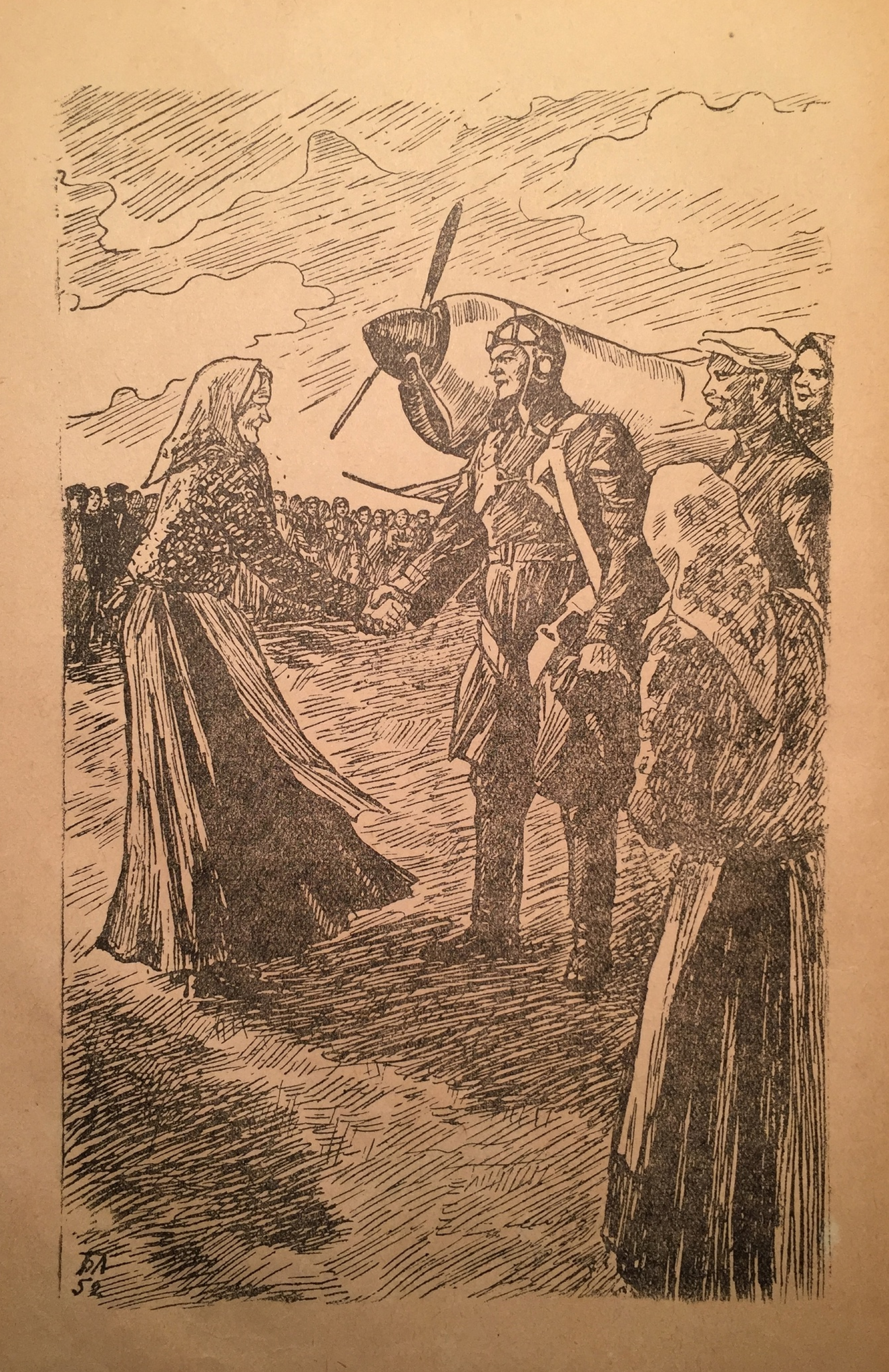
Командир разрешил совершить полёт в это село и поручил молодому отважному лётчику передать бабушке благодарность и привет от всего личного состава аэродрома.

Над селом, в котором жила бабушка, самолёты часто летали, но ещё не было такого случая, чтобы где-нибудь поблизости посадку делали. А тут — летит самолёт, делает над селом круг и начинает опускаться прямо на широкую улицу, на зелёную лужайку. Народ, конечно, сбегается со всех концов села.

Совершил самолёт посадку. Выходит из кабины молодой отважный лётчик и спрашивает:

— Скажите, граждане, где я могу увидеть председателя сельского Совета?

Председатель сельсовета тут же оказался, среди собравшихся. Лётчик ему объясняет, что требуется ему повидаться с такой-то бабушкой, — читает по бумажке её имя, отчество и

фамилию. Председатель сельсовета послал за бабушкой дежурного исполнителя, а бабушка посыльному навстречу идёт—ей ведь тоже интересно узнать — по какому такому случаю в их село самолёт прилетел? Подошла она к самолёту и тут у них с молодым отважным лётчиком трогательное знакомство произошло, а после этого лётчик говорит ей:

— А теперь, дорогая бабушка, разрешите показать вам, какая вывелась птичка из вашего дарёного яичка.

И показывает ей на самолёт. Бабушка так и ахнула:

— Ой, ой, миленький, да как же это так?

Молодой отважный лётчик объяснил ей подробно, как это произошло, передал ей благодарность и привет от личного состава части, и добавил:

— А от себя лично я вам, дорогая бабушка, маленький подарочек привёз.

И передаёт ей узелок с гостинцами — тут и шоколад, и печенье, и сушёные фрукты, и консервы разные, и даже поллитровочку хорошего виноградного вина не забыл.

Бабушка гостинец приняла, поблагодарила, и приглашает молодого отважного лётчика к себе:

— Я, — говорит, — самоварчик поставлю, чайку попьём.

Но молодой отважный лётчик отказался:

— Извините, — говорит, — дорогая бабушка, никак не могу—во-первых, мне от самолёта отлучаться нельзя, а во-вторых,—тороплюсь на свой аэродром готовиться к полёту с боевым заданием.

И тут бабушка с молодым отважным лётчиком поцеловались и расстались.

ДВЕ ГОРОШИНЫ

В СТАРИННЫЕ года, когда горела вода, а соломой тушили, стояла посреди чистого поля небольшая деревенька Нетужиловка. Потому ей такое название дали, что такие люди там жили — ни о чём они не тужили, назад не оглядывались и вперёд загадать не догадывались. Есть у них—тоже, а нет — тоже. Так и жили: день да ночь — сутки прочь. За это их нетужиловцами и звали.

И вот случился в этой деревне пожар. И сгорела дотла вся деревня Нетужиловка. Одна разъединая уцелела избёночка, в которой жила столетняя старушка с малолетней внучкой.

После пожара собрались нетужиловцы, поспорили, потолковали и надумали переселиться всей деревней на другое место, поближе к речке.

— А то, — говорят, — в нашем овраге воды мало, только что в родниках. Ну-ка опять пожар случится, заливать-то чем будем?

И ушли на новое жительство. А старушка так и осталась жить посреди чистого поля. При старости трудно ей было с привычного места подыматься, да и жалко, конечно, с обжитым углом расставаться. И вот живут они со внучкой год, живут два, живут три. От пожарища даже и знаку никакого не осталось — заросло это место травой да диким бурьянником. Бабушкину избушку вовсе и не видать, никому и невдомёк, что тут какие-то жители есть. А они живут.

Ну и, как говорится, старое старится, а молодое растёт.

Внучка почти невестой стала, а бабушке помирать время подошло. В последний свой час подозвала она девушку и говорит:

— Покидаю тебя, внученька, круглой сиротой. И всего-навсего оставляю тебе доброго, что весь век берегла, твоего дедушки дорогой мне подарочек — бусы янтарные.

Тут уж ей вовсе трудно стало. Отдала она внучке нитку добрых старинных янтарей. А слов её только и было:

— Посеешь и проживёшь...

И померла бабушка.

Померла. Внучка честь-честью её похоронила, посадила на могиле две берёзки. Погоревала о бабушке, потужила. Ну, а как водится, живой о живом думает. Стала девушка о своей жизни соображать. Не знает она, как эти бабушкины слова понимать: «Посеешь и проживёшь». Думает она: «Ведь не бусы же сеять? Верно, надо их продать да каких-нибудь семян купить». Пошла она в деревню Новую Нетужиловку, посоветовалась с людьми знающими. Они ей сказали:

— Деревня наша бедная, а янтари вещь дорогая. Не дадут тебе за них цену.

Ну, что же будешь делать? Призадумалась девушка: «Не удалось ни сменять, ни продать, впору хоть бусы с нитки спустить да их и посеять...» Надела она эти янтари и стала их носить да этим бабушку поминать.

А кормиться чем-ничем надо. И вот раз пошла она в город, поискать какой-нибудь работы — не даст ли кто на дом какое рукоделье. Идёт она по дороге. Дело было хотя и к осени, а день выдался тёплый, ясный. Солнышко светит и лучами так на янтарях и играет, так и переливается. Идёт девушка. А ей навстречу едет на тележке человек такой пожилой, седоватый, в очках. Поровнялся он с девушкой, лошадь придержал и говорит:

— Не продашь ли, красавица, своё ожерельице? Я любитель старинных вещей и желал бы купить у тебя эти янтари.

Девушка отвечает:

— Мне бы лучше сменять на какие ни-на-то семена.

— Очень хорошо. Могу и сменять. Предлагаю в обмен два пуда гороху.

Девушка молчит, не знает, правильную он цену даёт или нет. А он боится янтари упустить, так сразу же и цену набавляет:

— Даю три пуда.

Девушка подумала и согласилась.

— Ладно, — говорит, — бери за три пуда.

Старик обрадовался.

— Вот и сладились! Жди меня через неделю, привезу тебе три пуда гороху и возьму твои янтари.

Вот проходит неделя. Привёз этот человек три пуда гороху и взял у девушки янтарные бусы.

А она раскинула в избе на полу небольшой положок, высыпала на него горох: «Пускай проветрится, а завтра я его к месту приберу». Подошло время к ночи. Девушка спать легла. И вот привиделся ей сон: будто сидит покойная её бабушка, перед ней на столе янтарные бусы рассыпаны, и она их бусинку за бусинкой на ниточку нанизывает. Нанизала и за пазуху положила, а две бусины на столе оставила. И будто говорит бабушка: «Нитку янтарей я тебе, внученька, после отдам. А вот эти две бусины сейчас возьми, крупную в семена положи, от неё тебе большой урожай будет, а коя поменьше, в горшке с горохом свари. Смотри, внученька, как бы мелкая бусина с семенами в землю не угодила, ничего тогда тебе земля не уродит».

Проснулась девушка, глянула на стол, а там две горошины лежат — одна крупная-крупная да такая белая, а другая маленькая, щупленькая. Подошла она к столу, хотела эти две горошинки взять, а они покатились-покатились по столу да и скок в горох, который на полу был рассыпан. Девушка только руками всплеснула:

— Ой! И что же мне теперь делать? Попадёт эта маленькая горошина в землю, и не уродит мне земля ничего.

Попытала девушка отыскать горошины. Да куда тут! Мыслимое ли это дело—ведь горох-то весь одинаковый — много в нём и крупного и мелкого. И надумала девушка сделать так: «Зима-то долгая, так я между делом весь горох переберу, крупный на семена оставлю, а мелкий стану варить

да есть. Вот у меня обе бабушкины горошины и попадут куда надо».

И вот выберется свободный часок, сядет она посреди избы, поёт старинную песню, что от бабушки слыхала, и выбирает крупный горох—это на семена, а мелкий в другой мешок ссыпает—это на варево. Так весь горох и перебрала. «Ну,—думает, — выбрала чисто, теперь мелкая горошина не попадёт в землю, не сгубит мне урожай».

Вот приходит весна. Стала девушка землю копать. Вскопала места так будет с осьминник и посадила горох, каждую горошину в отдельную ямочку клала, чтобы расти было вольготно.

Взошёл горох, день ото дня растёт да пыжится. А девушка ходит любуется, как он тянется да кудрявится, беловатыми цветами расцветает.

Пришло время, поспел горох. Девушка его с поля выбрала, обмолотила. Уродился у ней горох сам-пятнадцать. Да какой! Крупный, белый! Раз зашёл по какому-то делу мужичок один из деревни Новой Нетужиловки, поглядел на горох, в руках покатал, облупил одну горошину, она и раздалась у него на ладони на две половинки. Он и говорит:

— Ну, девынька, хорош горох уродился — чисто янтарь!

А она отвечает:

— Янтарём, дяденька, сеяла, вот он как янтарь и уродился.

А год тот очень был урожайный, всякий хлеб был дешёвый, только горох в цене держался, потому что его в округе мало сеяли. Вот и наменяла девушка на горох и ржи, и пшенички, и чего тебе надо. Хорошо зиму прожила. К весне опять она на семена самого крупного гороху отобрала, теперь уже не полтора пуда, а три—на два осьминника.

Стала девушка почаще ходить в деревню Новую Нетужиловку. И надо сказать — из себя она была видная, на речах разумная. И вот присватался к ней парень из семейства бедного и большого—пятый сын был у отца с матерью. Парень, конечно, работящий, умный, смирный, и лицом довольно пригожий. Ну, присватался. Она не отказала. Сыграли свадьбу. И приняла она мужа к себе в дом.

Стали они жить-поживать, завели всё хозяйство, какое по

крестьянству положено. Горохом заниматься не бросили, вся Новая Нетужиловка у них горох выменивала. Многие стали его сеять, но таких урожаев, как у них, не было ни у кого. Так им и фамилию присвоили Гороховы — Анна Ивановна и Егор Фёдорович Гороховы.

Однажды поехал Егор в город горох продавать. Воротился оттуда и говорит жене:

— Привёз я тебе, Аннушка, подарочек, да не знаю, угодил или нет. Мне-то больно приглянулось, не пожалел, три пуда гороху отдал.

И подаёт ей нитку старинных бус янтарных. Взглянула Анна да так и ахнула.

— Ну, — говорит, — лучше этого подарка для меня и быть не может — ведь это янтари моей бабушки!

И, конечно, сразу же она приметила, что в нитке двух бусин нехватает — одной большой и одной маленькой.

Так вот и воротились ко внучке бабушкины янтари.

Жили Егор с Анной в полном ладу и в согласии. Народились у них, как говорится, красные детки—сынок да дочка, отцу с матерью на утеху, а при старости на подмогу.

Егор был мужик деловитый, думчивый. Когда от работы свободно, он, бывало, всё по тому месту похаживал, где раньше нетужиловцы жили. По полям ходил и в овраг много раз спускался. И всё какую-то думу думал. Как стал его сын Фёдор в возраст приходить, он ему эту думу и высказал:

— Какое, — говорит, — хорошее место наши старики покинули—у воды воды не нашли! Кабы этот овраг плотиной перехватить, богатый бы тут пруд образовался, хорошая бы здесь жизнь пошла. Конечно, за такое дело надо не одному браться, а всем народом, сообща. Придёт, сынок, такое время, когда согласуются люди сообща работать. Будет это! Помяни моё слово, будет! Мне до этого, конечно, не дожить, а ты, я так думаю, доживёшь. Прошу я тебя, сынок, не позабудь тогда про этот овраг — пруд должен тут быть.

Ну, так оно всё и вышло: когда колхозы стали организовываться, старика Егора Горохова в живых уже не было, а его сыну Фёдору было годов не меньше чем пятьдесят. Ещё при

жизни отца Фёдор Горохов сманил половину жителей из деревни Новой Нетужиловки, воротились они на прежнее место жительства. А отчего воротились — вода их там одолела. Весной, в половодье, ну, просто, никакого ходу нет. Место-то низкое. Так вот эти люди, когда подошёл такой момент, и организовались в колхоз. А в председатели выбрали Фёдора Егоровича Горохова. Так ему сказали:

— Ты всему этому делу зачинатель, ты и руководствуй за нас за всех.

В первый же год колхозники пруд запрудили, мельницу водяную поставили, большой яблоневый сад рассадили.

Фёдор Егорович колхозному делу всю душу отдаёт, руководит с рассудком. У него по всем статьям, что по полеводству, что по животноводству, правильно дело ведётся, по-научному. А самое у него заветное, чем колхоз особенно и прославился, — горох и чечевица. Знаменитые урожаи снимает колхоз ежегодно! А лучшая бригада по этому делу — председателевой младшей дочки Нюры Гороховой.

И лицом и всеми повадками задалась Нюра в бабушку Анну, отцову матушку, такая же чернобровая, сероглазая, рослая да складная. И работать ловка, и поговорить обо всём может, и песни петь мастерица. И характером тоже в бабушку — настойчивая! Одним словом, такая девушка — ни в в сказке сказать, ни пером описать.

Когда она ещё в школе училась, рассказывал ей отец про бабушку Анну, про свою покойную матушку, подарил ей оставшиеся после бабушки янтарные бусы, и это место показал, где она первый раз горох сеяла, — так неширокая полоска протянулась от их задов к небольшому долочку, возле которого на возвышенном месте две большие старые берёзы стоят, опустили низко свои зелёные косы и на ветру ими помахивают. А по ту сторону, за долочком, как раз напротив старых берёз, молодой яблоневый сад красуется. Видать отсюда и большой пруд, в который после солнечного заката ясная зорька, как в зеркало, глядится. А за прудом — широкое поле колхозное.

Однажды пришла Нюра в поле — посмотреть горох на участке своей бригады. И залюбовалась, как он по земле лохматым зелёным ковром расстилается и кудрявыми веточ-

ками к солнышку тянется. И вдруг слышит она голос:

— А что, милая, хороший урожай земля сулит?

Оглянулась Нюра и видит: стоит возле неё высокая старуха в старинном кубовом сарафане, на падожок облокотилась и ласково так поглядывает. Нюра на её слова отвечает:

— Думаю, бабушка, что будет у нас урожай не хуже прошлогоднего.

Старуха согласно головой покачивает:

— Будет, милая, будет!

А потом пристально так поглядела и спрашивает:

— А что, милая, радостно это для сердца, когда у тебя всё лучше всех, да больше всех?

Нюра сердито так повела глазами и отвечает:

— Ну, нет, бабушка! Таких думок у меня в голове не было. А наоборот, я бы желала, чтобы у всех урожай был не хуже нашего.

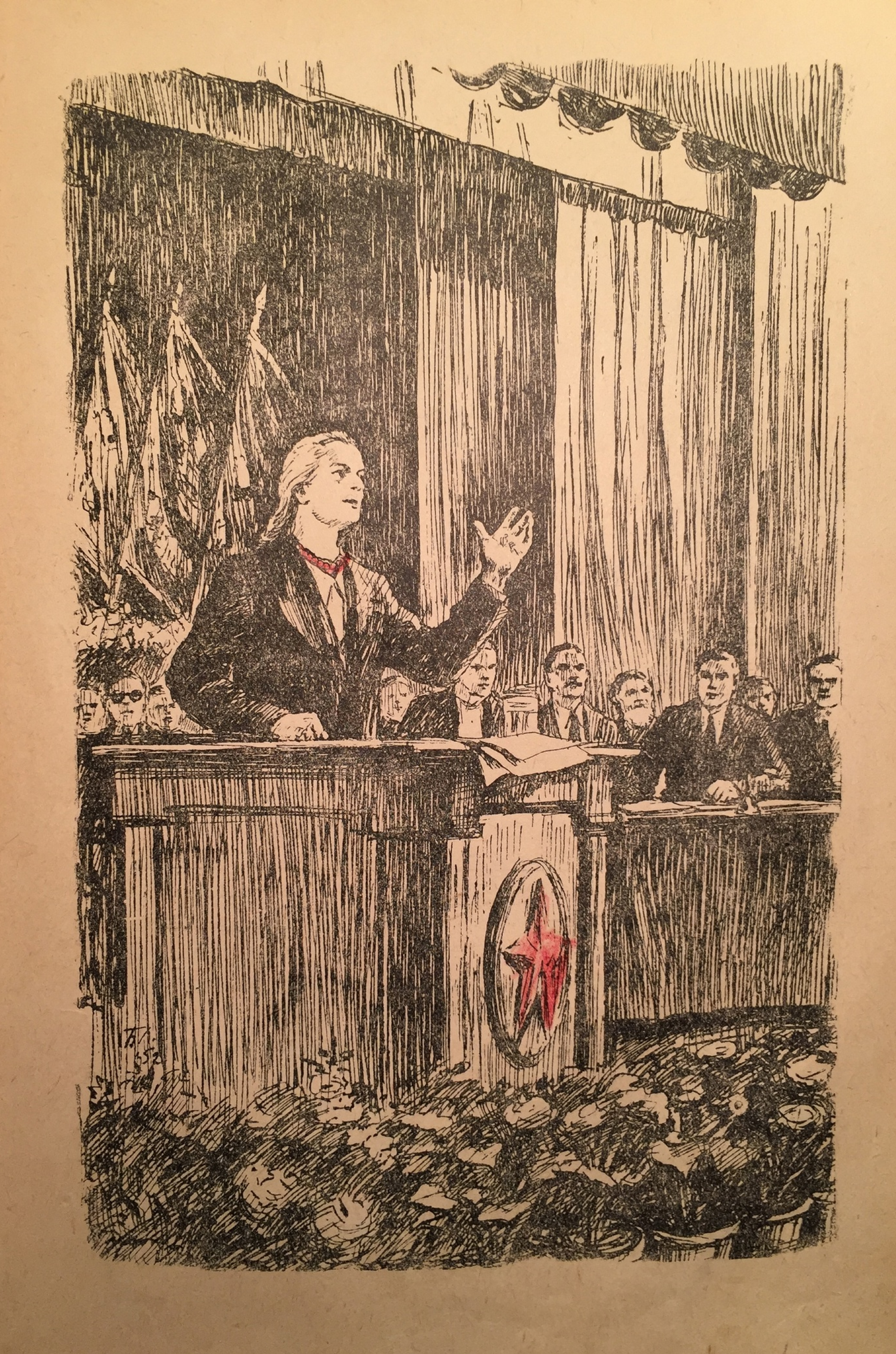
Старуха обрадовалась, засмеялась:

— Правильные твои думки! Так, милая, так. Порадовала ты меня. Вот и я тоже всем бы этого желала.

И пошли они вместе, сначала по тропочке, потом на дорогу вышли. А вокруг так хорошо, привольно. По одну сторону рожь стоит колосистая, по другую яровое поле зелёным пологом раскинулось. Вдалеке село виднеется и молодой яблоневый сад и две старинные берёзы, которые давным-давно бабушка Анна посадила, и возле которых в первый раз на одном осьминнике отборный горох посеяла. А высоко в небе невидимые жаворонки поют. Небо такое голубое, и по нему белое облачко плывёт неведомо куда...

Хотела Нюра что-то сказать бабушке, оглянулась, а её уж и нет. И куда она могла деться? Нюре даже подумалось. «Что же это такое? Уж не наша ли бабушка Анна мне примечталась? Да нет! Наверное, эта бабушка из Новой Нетужиловки приходила, там ведь тоже горохом занимаются». Ещё раз вокруг огляделась — так оно и есть — далеко-далеко на дороге в Новую Нетужиловку маячит какая-то человеческая фигура.

Не прошло после этого трёх дней, очутилась бригадир

Нюра Горохова на областном слёте стахановцев колхозных полей. Когда ей предоставили слово, чтобы она поделилась опытом своей работы, она подробно рассказала, как её бригада готовит почву под посев гороха, какие вносит удобрения, как ухаживает за посевами.

— А самое, — говорит, — главное у нас — семена. Вот, — говорит, — такой горох мы сеем, а вот такой на продовольствие оставляем.

И показала две горошины — одну крупную-крупную, а другую средненькую, но не мелкую.

— Моя, — говорит, — бабушка так отбирала, и я её практики придерживаюсь, сеем самыми лучшими семенами.

На этом она свою речь закончила, а эти две горошины президиуму на стол положила.

Положила Нюра горошины на стол, а сама отошла в зал и села в том ряду, где раньше сидела.

А председатель президиума поднялся со своего места и начал говорить:

— Вот, товарищи, сейчас бригадир нетужиловского колхоза «Новый мир» Анна Фёдоровна Горохова поделилась с нами своим опытом работы — рассказала, как она, соединяя старую народную практику отбора семян с новейшими агротехническими приёмами обработки почвы и ухода за посевами, из года в год добивается замечательных урожаев бобовых культур, в частности гороха. Вот здесь перед нами...

Протянул он руку, хотел взять эти две горошины и показать их всем, а горошины покатились-покатились по красному сукну да одна за другой скок-скок со стола на пол... А по полу кóтом-кóтом да прямо под ноги сидящим в зале стахановцам колхозных полей... Вот в первом ряду один наклонился и поднял две горошины. Другой наклонился и поднял две горошины. И третий так же. И четвёртый. Все, сколько было людей в зале, подняли по две горошины.

Подкатились и к Нюре две горошины, подняла она их и зажала в руке. А когда перед закрытием слёта разжала она руку, то увидала — лежат у неё на ладони две янтарные бусины, как раз такие, каких нехватало в прабабушкином ожерелье.

ТАЛИСМАН

Не в тридевятом царстве, не в тридесятом государстве, а на нашей Советской земле жили-были в одном селе мать с дочерью да мать с дочерью, да бабушка со внучкой. А всех их было, конечно, три: бабушка Дарья, её дочь Марья да внучка Наталья.

Бабушка Дарья, старушка старенькая, за долгий век свою силу износила и живёт теперь на покое, даже редко из дому выходит, разве только с огорода кур согнать или на завалинке посидеть, на солнышке погреться. У бабушки Дарьи дочь Марья, по отчеству Ивановна, женщина рассудительная и смелая, во всякой работе умелая — дома она и испечь, и сварить, и пошить, и помыть, а в колхозе и за овцами ходит, и траву косит, и сено возит. А случится ей на собраньи выступить, она скажет и складно и ладно, есть что послушать, есть что и к делу приложить. Большой опыт имеет Марья Ивановна в животноводческом деле. И вообще она в колхозе очень активная и авторитетная. А у Марьи Ивановны хорошая дочка Наташа. Как говорится, яблочко от яблони недалеко падает, так и наша Наташа вся в мамашу — на делах ловка, на речах бойка, за что ни возьмётся, всё ей легко даётся.

Вот однажды вечером пришла Наташа с поля, а бабушка в своём сундучке перебирает. Молодой девушке, конечно, любопытно посмотреть, какие раньше носили сарафаны, шалки да полушалки, борки да бусы. И, конечно, она бабушку расспрашивает: «это что?» да «это на что?», а бабушка ей объясняет. Вот берёт бабушка из сундучка небольшой пакет, в

беленький платочек завёрнутый и голубой тесёмкой перевязанный. Наташа спрашивает:

— А это что такое, бабушка? Наверное, фото или документы какие?

— Что ты, что ты! Какие тебе фоты, — отвечает бабушка, — в наше время, когда мы молоденькие были, в деревнях никаких фото и не знали. Это теперь в каждом селе фотографы имеются, а тогда в больших городах, может, и были, да нам в городе бывать не доводилось. А что я тут берегу, так это от моего покойного свёкора, а от твоего прадедушки, поминочек остался, как бы вроде талисман нашему семейству на счастье.

Наташа ещё больше заинтересовалась:

— Что за талисман, бабушка? Покажи.

Засмеялась бабушка:

— Ох, какая ты, Наташенька, скорая! Погоди маленько, уж я сперва расскажу, а потом покажу.

И вот сели они к столу, Наташа картошку чистит — к ужину с луком, с салом поджарить, а бабушка ей рассказывает:

— Семейство у свёкора было большое — пять дочерей, шестой сын, седьмая я. Да сами свёкор со свекровью. Девять человек! В старое время, я уж тебе сказывала, землю по душам делили — мужик или парень считался душа, а баба или девушка, это так себе — её за душу не принимали. Ну вот, у нас семья была большая, а земли только на две души. Мой-то мужик, а твой, значит, дедушка, крестьянствовал, а свёкор как сызмалости жил в работниках, так до старости этого дела не бросал. В ямщики он нанимался к одному состоятельному мужику — тот ямщину гонял. Вот и приходилось свёкору всяких разных людей во все стороны возить, случалось и в дальних городах бывать. Седоки, конечно, разные попадали: которые гордые, которые сердитые, а которые и душевные, разговорчивые. Вот однажды воротился свёкор домой и сказывает: «Возил, — говорит, — я одного хорошего человека, всю дорогу он меня про крестьянское житьё расспрашивал, а до места доехали, так не где-нибудь на кухне, а с собой за одним столом угощал, а потом мне всякую науку объяснял — как хлеб

произрастает, отчего земля плохо родит. Очень, — говорит, — образованный и обходительный господин, ни разу в жизни мне такого возить не доводилось. И вот, — говорит, — он мне на память подарочек дал: «Тебе-то,—говорит,—это ни к чему, потому что ты ямщик, а твой сын земледелец, ему и отдай эту вещь — это есть талисман земледелия». И отдаёт свёкор сыну, а моему то есть мужу, вот это самое. «Разбирай, — говорит, — Иван, сам что к чему, раз ты есть земледелец. А моё дело ямщиковское: хомут да дуга, а сам всем слуга». Конечно, и ещё они про это разговаривали, да я не всё слыхала и не всё поняла. Молодая была, глупая... Напоследок отдаёт мне Иван вот этот талисман: «На, — говорит, — береги, а сейчас, — говорит, — это нам не к рукам». Ну, взяла я, в платочек завернула, в сундучок спрятала. И вот идут года, идут года. Девок-золовок мы ещё раньше замуж повыдали, а тут и свёкор со свекровью померли друг за дружкой вскорости. Похоронили мы их. Живём с Иваном одни. И вот подошёл тяжёлый год, засушливый, неурожайный. Как мы зиму прожили — и не выговоришь... Пришла весна. Лето пришло. Новый хлеб когда ещё поспеет, а у нас есть вовсе нечего. Мне и пало в голову про этот талисман. Говорю мужику: «Тебе отец-то сказывал, как талисман помогает? Давай попытаем, может, будет нам какое облегченье?» А он мне: «Уж ежели ты ничего не поняла, то и не веди пустые речи... Талисман, — говорит, — для земли касается, а у нас с тобой земли—лаптем наступить, и вся тут. Может, нашим детям или внукам он свою силу откроет, а для нас он бесполезный». Ну, я больше с ним про это говорить не стала, а самой всё думается. И вот взяла я этот талисман и украдкой от мужа пошла к одному старику, был у нас в селе такой знахарь, люди сказывали, он вроде колдовством занимался...

Тут Наташа перебила бабушкину речь:

— Ай, бабушка, бабушка! Как это нехорошо — к колдуну пошла. Это очень некультурно! Это, бабушка, пережиток старого.

Бабушка рассердилась:

— А ты слушай да не перебивай. Дело давно было, тогда с меня спрос был малый, я ведь не в семилетках обучалась,

неграмотная была. Это я уж после свою фамилию писать выучилась. Теперь-то я и без тебя знаю, что некультурно. Разве я теперь пошла бы? Что я — несознательная что ли какая? Ты слушай, что дальше было. Вот пришла я к старику, сказываю ему: «У меня мол талисман есть, который для земли касается, научи меня, дедушка, может, он нам чем в беде поможет». А у старика глаза так и разгорелись, как у кошки на мясо, руками тянется: «Дай-ка, — говорит, — я погляжу». А я глупа, глупа, а соображаю: «Нет, — говорю, — талисман в чужие руки передавать нельзя, он от этого для меня силу потеряет, и тебе пользы никакой, потому что он действует только для нашего семейства». Согласился старик: «Верно, — говорит, — в чужие руки передавать нельзя. Дай, — говорит, — из твоих рук погляжу». Развернула я, показала. «Плохо, — говорит, — вижу, поднеси ближе». А он, талисман-то, промеж-ду двух стёкол зажатый, я ему на просвет показываю, так всё видать. Поглядел старик и говорит: «Эту траву я знаю, а только не слыхал, как и от чего она помогает. Я, — говорит, — так думаю — она клады открывать может. Цветок и корень тут не при чём, вся сила в листке, потому что он три пёрышка имеет. Если, — говорит, — клад возьмёшь, мне гостинец хороший будет?» Я пообещала: «Принесу, мол, не поскуплюсь». Он спрашивает: «Ты за «Белой горой» бывала, «Провальную яму» знаешь?» Говорю: «Знаю «Провальную яму», там клад лежит, да он никому не даётся». «Верно, — говорит, — сколько удальцов туда ни ходило, понапрасну мучились, не даётся клад. А тебе по твоей нужде и по твоей бабьей глупости, может, и дастся. Ступай, — говорит, — ночью к этой яме, обойди её кругом три раза, ложись вниз лицом головой к яме и жди полночи. В полночь услышишь из ямы голос, или звон, или стук какой, и сейчас же говори: «аминь, аминь, рассыпься», и клад будет твой». И вот, Наташенька, с глупа-то ума пошла я ночью к этой яме. Иду лесом, а в лесу темным-темнёхонько, дерева-то чёрные, лохматые, и будто они мне навстречу идут, а сучки у них, словно лапы, ко мне тянутся, за платок, за рукава цапают. А которые дерева позади остались, будто за мной бегут, догоняют. Боюсь, дрожкой дрожу, а иду. Вот пришла я к «Провальной яме», обошла

её кругом три раза, легла вниз лицом, как старик велел, и стала ждать полночи. А кто её знает, когда она, полночь-то, настанет, — от села далеко, петухов не слыхать. Қабы у меня на руке, как вот у тебя, часы были, так другое дело. А так — угадай полночь она или не полночь? Вот я лежу, вот слушаю. Ни голосу, ни стуку, ни звону — ничего не слыхать, только листики на деревах потихоньку лопочут. И вот услыхала я — трава шумит, будто идёт кто, по траве шагает. И всё ближе, ближе. А не вижу никого, я в траве притаилась, лежу ни жива, ни мертва. Гляжу — совсем близко, на краю ямы, ёж. Я ему: «Аминь, аминь, рассыпься!». А он «фырк-фырк» да назад пошёл. Ну, думаю, это так — к делу не относится. Опять слушаю. Ничего не слыхать, только ёжик ходит по траве. И мне с ним посмелее стало — не одна я тут — хоть и невелик ёж, а всё-таки живность. И вдруг опять слышу — шумнуло что-то. . Глянула — ой батюшки! — сидит передо мной большой чёрный кот, глазищи страшные, как у того старика, и говорит: «Не угадала меня?» Я опять: «аминь», а он мяукнул, засмеялся да и обернулся этим стариком, руки ко мне тянет и бормочет: «Отдай талисман, отдай талисман, а я тебе клад отдам». У меня со страху сердце заходится, а у самой в мыслях: «Вон что ты удумал, жадюга ты эдакая!» Тут я на ноги вскочила да как закричу на него, на старика-то: «А не хошь — я тебя сейчас, как старый ошмёток, в яму сошвырну?» Я ведь молодая-то сильная была, ловкая...

Наташа не вытерпела, опять перебила:

— Это и правда, бабушка, старик к яме пришёл?

— Зачем! Он старый, плохой, где ему такую даль дойти.

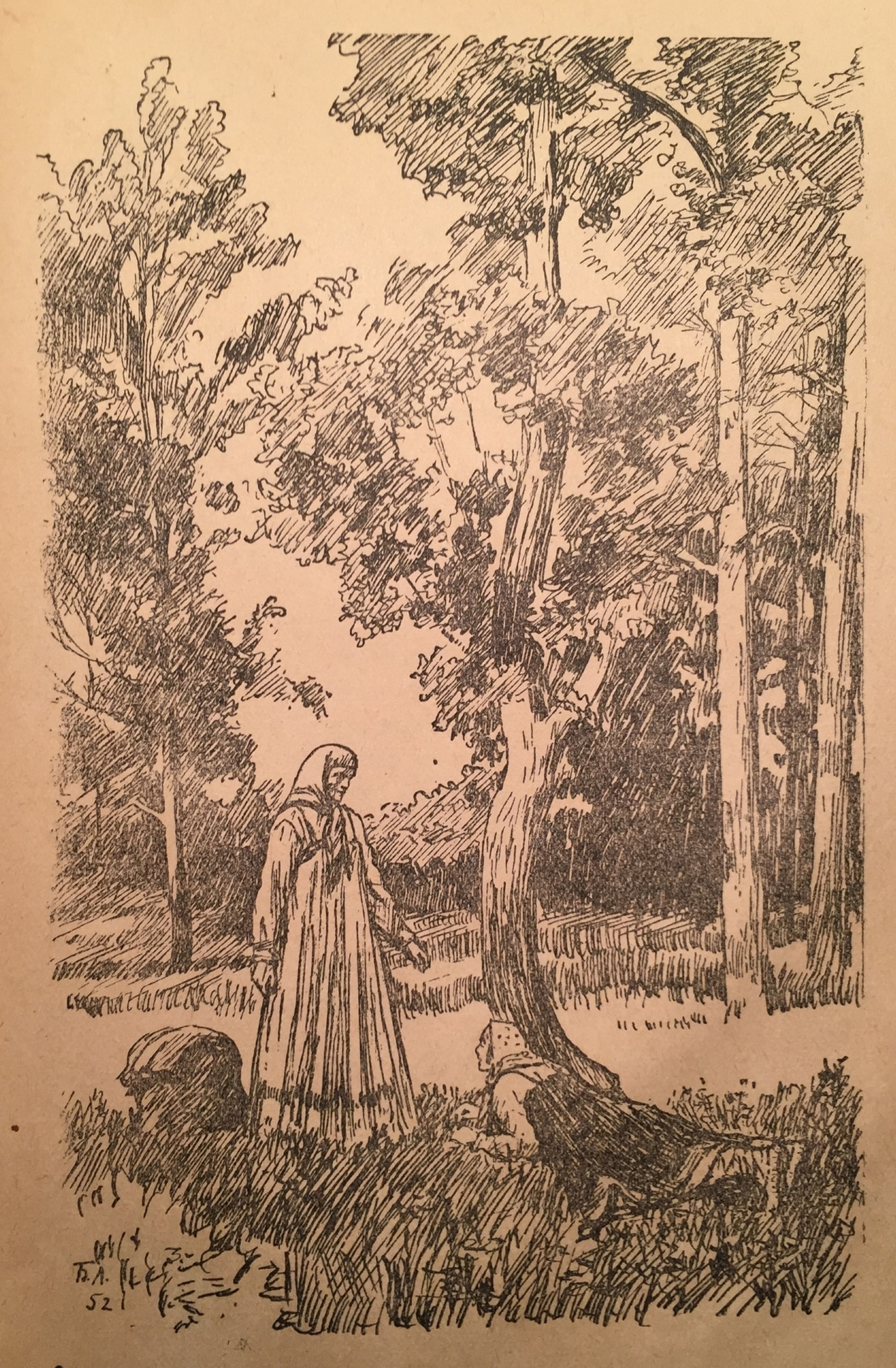
— Ну, ну, понимаю: это ты заснула, бабушка?

— А то нет? Конечно, заснула. Притомилась и заснула. Ну, вот, сказала я, что, мол, в яму сошвырну, а он мяукнул и пропал. Я и очнулась: стою возле ямы. А время-то — к свету близко. Из ямы белый туман подымается, в сторонке ёжик ходит. И вдруг надо мной как ухнуло, ахнуло... кошка, не кошка, не знай что закричало...

— Кто же кричал, бабушка?

— «Кто», «кто»... Кто в лесу страшным голосом кричит? Сыч закричал... Ну вот, я испугалась, побежала. Бегу, бегу,

бегу лесом, дороги всё нет. Светать стало, а я дорогу никак не найду. День белый настал, солнышко над лесом поднялось, пташки на разные голоса поют. А я всё хожу и хожу по лесу. Вот вышла на поляну — место незнакомое. Стою и думаю: «Чего, дура, наделала? Теперь и дорогу домой не найду, так и погибну тут в лесу...» Упала я на траву и наголос заплакала. Лежу, слезами обливаюсь. Вдруг слышу: «Ты что, молодая, плачешь?» Я поднялась, гляжу — стоит передо мной женщина пожилая, высокая, лицо у ней строгое, тёмное, как на иконе. Я думаю: «Может, это святая какая? А может, от тяжёлой жизни лицо у ней такое сухощавое, тёмное?» Вот я ей всё и рассказала, как от нужды в отчаянность пришла и решилась клад искать. И про старика сказала, и талисман показала. Поглядела она на талисман и говорит: «Не в листке тут сила, а в цветке. Твой колдун глупый и злой, он тебя обманул — за этим кладом надо не ночью ходить, а днём. Я,— говорит, — этот клад взяла, да и тебе оставила. Вот, — говорит, — погляди-ка что у меня тут». А возле неё на траве мешок лежит, развязала она мешок, а он полон этим самым цветом, какой на талисмане показан. И объясняет она мне: «Эта трава человеку на пользу, папушник называется. Вот, — говорит, — набери этих красных головок, кои поспелее, в печи посуши, в ступе потолки, если есть мучица, положи горстку для связи, да маленькие хлебцы-папуши испеки. На-ка, — говорит, — протведай, какая она, папуша». И подаёт мне полхлебца. Поблагодарила я и спрашиваю: «А ты, тётенька, чья будешь?» «Такая же, — говорит, — горюша, как ты, — детей четверо, а есть нечего. Звать меня тоже Дарьей. А наше село Подлесное, вот тут недалёчко, за кустиками». Я так и ахнула: «Мать ты моя, матушка! Я за ночь-то за двадцать вёрст от своего села утопала!» Попрощалась я с этой женщиной, папушу съела, запон с себя развязала, набрала тут же на поляне этого папушника полный запон, насилу концы стянула, и к ночи домой заявилась. Муж меня спрашивает: «Ты где была?» Я говорю: «Где была, там меня нету. Ходила клад искать». Он с насмешкой: «Нашла что ли?» «Вот ,— говорю,— нашла, набрала травы, какая на талисмане показана, теперь папушу испеку, тебя накормлю». Про колдуна и про яму,

конечно, молчок, а про женщину всё рассказала. Вот, Наташенька, с этим папушником и дожили мы до нового хлеба. И после случались года, когда эта трава была нам к хлебу подспорьем. В недородные годы много людей ей кормилось...

И тут развязала бабушка Дарья голубую тесёмочку, развернула белый платочек и подаёт Наташе талисман. А талисман этот так устроен: между двумя стёклами заложена трава с тройчатыми листочками, с пушистым цветком и с корнями, края стёкол склеены и лентой окантованы, а по стеклу наискось написано: «Талисман земледелия». Глянула Наташа и говорит:

— Ой, бабушка! Да ведь это клевер!

Бабушка Дарья глядит на неё с укоризной:

— Какой тебе клевер! Папушник это! И чему только вас в семилетке учили — «клевер», «клевер», а какая трава на виду, перед глазами, растёт, её и не знаете. Папушник это!

А Наташа на своём настаивает:

— Это клевер, бабушка! Местный красный клевер. Это я очень хорошо знаю, ведь я звеньевая по травосеянию и по сбору семян местных трав. С этого красного дикорастущего клевера мы соберём семена и посеем их в поле для размножения. А потом будем вводить этот местный клевер в полевой севооборот. Корни клевера, бабушка, улучшают почву, делают её более плодородной. Хлеб, посеянный после клевера, даёт высокий урожай, это очень хорошо доказали наши русские учёные, в особенности академик Вильямс, у него об этом, бабушка, целые книги написаны.

— Так, так, — говорит бабушка Дарья, — значит, по науке главная сила тут в корнях, а листок и цветок не при чём? Так что ли?

— Нет, бабушка, не совсем так. Цветок и листок тоже дают пользу — клевер, скошенный в зелёном виде, идёт на сено для скота. А дозревшие головки дают семена. Это тоже необходимо. Но главное значение этого растения в том, что оно обновляет землю, делает её плодороднее.

Выслушала бабушка Дарья внучкины разъяснения и вздохнула:

— А ведь я, Наташенька, хотела тебе на счастье этот

талисман подарить, затем и в сундучок полезла. А выходит, зря я его берегла, у вас и без него дело-то хорошо идёт. Он для тебя совсем ненужный...

— Нет, что ты, бабушка! Я твой подарок принимаю, большое тебе спасибо. Я его сохраню, и всегда буду помнить твой рассказ о папушнике. А ты не знаешь, бабушка, как звали того человека, который прадедушке талисман подарил?

— Нет, милая, не знаю, прадедушка, кажись, не сказывал.

— А в какой город дед его возил, тоже не знаешь?

— Нет. Не знаю.

Бабушка Дарья помолчала и сказала:

— И то не знаю, и это не знаю... А вот где много водится этого красного клевера — это я хорошо знаю. Ты говоришь — пойдёте семена собирать? Не дойти ли и мне с вами?

— Конечно, пойдём с нами, бабушка. Мы будем очень рады. Ты нам покажешь все места, где папушник собирала.

Бабушка её поправила:

— Клевер! Давай уж будем говорить по-научному.

* * *

На этом сказ кончается. А борьба за обновление земли продолжается — на благо всему народу наука переделывает природу.

ДЕДОВА МЕЧТА

На посёлке за горой, за дорогой столбовой, жил-был парень молодой, неженатый, холостой. По годам — пора жениться, но не нравятся девицы, и ни эта и ни та. А мамаше сухота, и отцу, конечно, тоже. Говорит отец:

— Не гоже одинокому век жить, надо парня оженить. Где невесту подыскать?

Стали думать и гадать, всех невест перебирать, стали Ване намекать, что вот эта, мол, красива, в обращеньи не спесива, и работать не ленива, и разумная на диво. А Ванюша усмехнулся, повздыхал да отмахнулся и ответил им тогда:

— Не ушли мои года. Зря вы эту речь ведёте. Надо думать о работе.

Ваня пахарь был в колхозе. Поле пашет, и навозит, и старательно двоит. Он такую мысль таит: «Раз земле уход и нега, значит много будет хлеба, будет наш колхоз богат, жизнь пойдёт на новый лад. И поеду я учиться. Нет! Я погожу жениться».

* * *

Был у Вани старый дед. Девяносто девять лет прожил он на белом свете, несмотря на годы эти, был старик при полной силе, люди даже говорили:

— Поживёт ещё сто лет!

Так вот этот самый дед был в колхозе пчеляком, жил в избушке за леском, на широкой на поляне — ульи там у них стояли.. Деду надо пчёл стеречь, надо все рои сберечь. Это

летом. А зимой дед приходит жить домой на посёлочек зелёный под названием «Весёлый».

Вот однажды в вечер ясный возвратился Ваня с пашни. Мать ему на стол накрыла, а потом заговорила:

— Ты, сынок, после обеда навести, сходи-ка, деда, молочка снеси горшок да вот этот пирожок — пресный, с луком да с печонкой. Это для него печёно — ведь у дедушки Терентья нынче день его столетья.

— День столетья? Чую, чую. Ну, я там и заночую, посижу с ним вечерок. А на пашне буду в срок.

Узелок Ванюша взял и неспешно зашагал через ельник и ветельник прямо к дедушке на пчельник.

* * *

Вот идёт Ванюша лесом, а вокруг всё так чудесно. На небесном поле синем будто конь пасётся сивый — белый месяц серебрится. На дорогу тень ложится от кудрявеньких ветёлок. Для Ванюши путь недолог, повернуть немного вправо, а потом всё прямо, прямо, тут и дедова поляна...

Через кустик Ваня глянул:

— Что такое? Что за диво?

Видит Ваня сад красивый: наклонились низко ветки, груши, яблони-ранетки и зелёный виноград прямо до долу висят. И проходит этим садом девушка с весёлым взглядом, обрывает с веток груши.

— Ах, — подумалось Ванюше, — красота какая есть — невозможно глаз отвесть. Не во сне же это снится...

Смотрит Ваня и дивится. А дивиться есть чему—незнакомо всё ему:

— Тут у нас в окружных сёлах нет таких садов плодовых... Если я с дороги сбился, где ж я это очутился? У какого я села? Эх, была ли, не была, а спрошу.

Иван решился и к девице обратился:

— Я не знаю, как вас звать, но позвольте мне узнать, — этот сад чьего колхоза?

Вдруг как загудело грозно, и, откуда только взялся, сильный ветер разыгрался и погнал туман волнами вправо, к дедовой поляне...

— Вот те раз! — сказал Иван, — значит, это был туман!

И теперь увидел Ваня, что скрывалось в том тумане: посреди долочка кочки да таловые кусточки, где к концу долок поуже, там стоит большая лужа — так, с водой застойной яма. А из ямы смотрит прямо преогромная лягушка.

— Ах, зелёная квакушка! Уж не ты ль в саду ходила, красотой меня дивила?

А лягушка:

— Ква, ква, ква.

— Что сказала — «да, да, да?»

Он смеётся:

— Ах, умора! В продолженье разговора не дождусь ли я ответа — чей был сад прекрасный этот? Все поля вокруг мы пашем, значит, сад быть должен нашим?

А лягушка:

— Квак, квак, квак.

—Ну, понятно: «так, так, так!» А ведь было бы толково рассадить здесь сад плодовый, запрудить в долочке прудик. Очень даже славно будет!

И опять она:

— Квак, квак.

— Ну, надейся — будет так.

От души он посмеялся и с лягушкой попрощался:

— Пожелаю жизни лучшей!

И опять пошёл Ванюша через низенький ветельник прямо к дедушке на пчельник.

* * *

Вот явился Ваня к деду, завели они беседу и за всяким разговором дед развязывал нескоро с подареньем узелок:

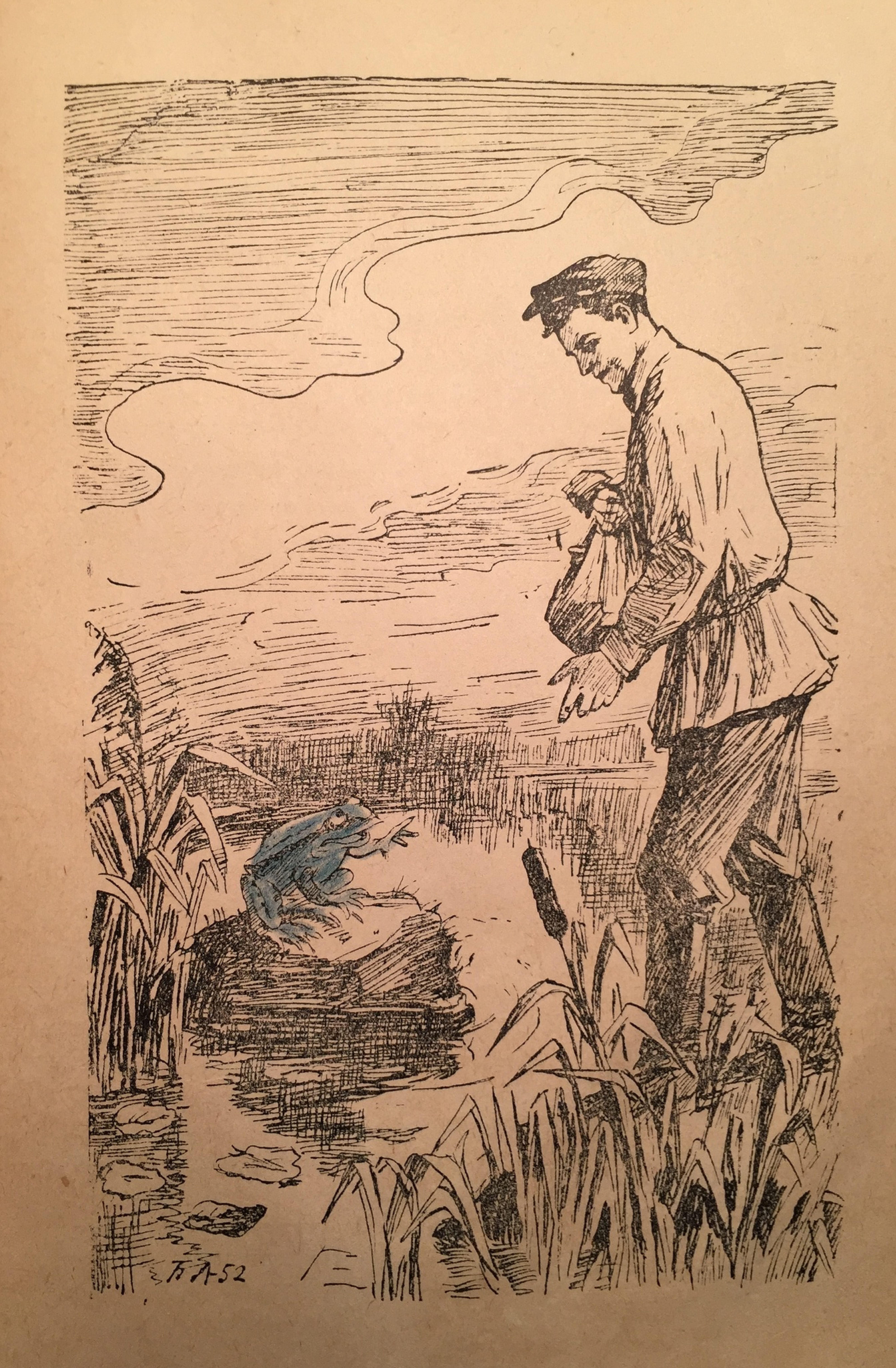
— На столетье мне пирог? Молоко? Ну, гоже, гоже. А ещё там, Ваня, что же?

— Ничего, наверно, нет, — говорит Иван в ответ.

— Как же так же — ничего? Есть, да что-то тяжело.

И кладёт на стол он груши.

— Даже быть не может лучше — от природы от самой мне гостинец дорогой!

Смотрит Ваня: «Точка в точку та красавица в садочке, что потом из глаз пропала, вот такие же срывала... верно мамка где купила да в гостинец положила, а сказать мне позабыла... Ну, как было, так и было». И Ванюша промолчал. А от дедушки пытал:

— Дедушка, за сотню лет были здесь сады иль нет?

— И за двести-то годов не бывало здесь садов. Видел я сады на Волге. Мы, Ванюша, правду молвить, здесь сады не разводили. Вот на Волге, верно — были...

Дед молчит, пирог жуёт, молоко из кружки пьёт, Ваню мёдом угощает:

— Кушай. Я ещё подам. Получил — по трудодням.

А Ванюша ожидает — что ещё расскажет дед? Он ведь прожил сотню лет. Много видел и слыхал, где он только ни бывал...

— Ну, я знатно угостился!

И старик разговорился:

— Нынче, Ваня дорогой, пчёлке взяток был плохой, суховато это лето — вовсе мало было цвета. Цвету нет и мёду нет...

Помолчал, подумал дед, усы-бороду погладил и сказал, на Ваню глядя:

— Расскажу тебе я сказку.

— Сказку, дедушка?

— Да. Сказку.

— Про царевну про лягушку?

— Между прочим — про лягушку. Расскажу тебе я сказку про красавицу Прекрасу, расскажу тебе другую — про беду-напасть лихую. Я, что знаю, передам. Разберёшься после сам, что тут было, что не было. Вот послушай, внучек милый.

Середи болот зыбучих, середи лесов дремучих раскрасавица жила, как цветок в саду цвела. А когда она родилась, даже солнышко дивилось, взвеселилась вся земля, описать даже нельзя. Долго имя ей искали и Прекрасою назвали. Ну, красавицы такой нет и не было другой! По дубравушкам по тёмным, по полям, лугам поёмным раскрасавица гуляет и

куда она ни глянет, там цветочки расцветают, ручеёчки протекают, расстилается трава, вырастают дерева. Вкруг Прекрасиной светлицы день и ночь летают птицы, песни сладкие поют, мошку вредную клюют. И по всем далёким странам о Прекрасе ходит слава, что краса на свете есть — невозможно глаз отвесть, что красавицы такой нет и не было другой — круглолица, белолица, ну, как это говорится, что ни в сказке рассказать, ни пером не описать.

А за дикими степями, за ненашими горами жил-был страшный лиходей по прозванию Кащей. Злой старик! Куда ни глянет, — перед ним всё сохнет-вянет: буйны травы поникают, чисты росы высыхают, рассыпается песок, с леса валится листок. Про Прекрасу он дознался, погубить её собрался:

— Будет девица моя!

И явился в те края, где Прекраса проживала, никакой беды не знала. Вот Кащей над полем свищет, он красу Прекрасу ищет. Только слышно:

— Шу-шу-шу,
Все преграды
Сокрушу,
Буйны травы
Подсушу,
Леса тёмны
Подкошу.
Я свищу, свищу,
Свищу,
Я Прекрасу
Отыщу...

Он и коршуном летает, он и змеем проползает, и уж только что вода для Кащея есть беда — в воду он войти не в силах, а войдёт — ему могила. Вот он рыщет, вот он свищет и везде Прекрасу ищет:

— Шу-шу
Шу-шу,
Я Прекрасу
Отыщу,

В дики степи
Утащу,
На свет белый
Не пущу...

И теперь уж в чистом поле для Прекрасы нет приволья. Ну, куда деваться ей, коль нагрянет злой Кащей? Жить приходится обманом: то укроется туманом, то в лесочке затаится, то в густой камыш стремится. А невидимый Кащей так и гонится за ней. Вот однажды злой старик на лугу её настиг. Он и вьётся, он и бьётся, он и коршуном несётся:

— Шу-шу!
Шу-шу!
Я Прекрасу
Утащу!

Ну, вот только бы схватить... Что тут делать? Как ей быть? И она, не будь глупа, обманула старика: лягушонкой стала вмиг, брык да брык и — в речку прыг! Ну, Кащей туда-сюда, а тут, видишь ты,—вода. А ему, Кащею, в воду никакого нету ходу... С той поры краса Прекраса у воды и прижилася, и растит она сады возле речек, у воды.

— Но ведь это сказка, дед. Никаких Кащеев нет. И Прекрасы тоже нет.

— Ну, — ответил старый дед, — это, Ваня, как сказать! Сказку надо понимать. Что такое есть Прекраса? Это всей земли украса, то есть всякое растенье, всей природы утешенье — лес, и хлебные все злаки, и плоды, и овощ всякий. А зловреднейший Кащей это ветер-суховей. Сказка-складка, слушать сладко, а подумай — в чём тут суть? — наведёт она на путь. Ты про суховей слыхал?

— И слыхал и сам видал. Очень вредный для полей этот самый суховей.

— Вот про эту силу злую я, Ванюша, и толкую. Я старик. Ну, что я знаю? А однако ожидаю, что наукой и трудом мы покончим с этим злом. Ты бы, Ваня, шёл в ученье. Я тебе всё сбереженье передам на это дело. Поезжай-ка. Действуй смело. Поучись-ка, внучек милый. Знанье есть большая сила...

Ну, я сказывал, ты слушал, а теперь вот грушу кушай. А семянки сбережём, сад плодовый разведём.

* * *

Что в мечтах Ивану снится, то должно и в жизни сбыться: Для счастливого конца проводили молодца не на море-окиян, не на остров на Буян, а в прекрасную столицу, как он сам желал, учиться. Проучась в Москве три года, он вернётся садоводом.

Чтобы сказку продолжать, нам приходится опять возвратиться на посёлок под названием «Весёлый».

Уж Иванова бригада пашню кончила, все рады — зябка вспахана сверх плана.

— Жаль, что с нами нет Ивана...

А столетний дед Терентий из своей избушки летней перебрался жить домой. Хорошо ему зимой у родных пожить, ах, славно! Только... Нет в избе Ивана...

Часто Ваня письма пишет—что он видит, что он слышит, как идёт его ученье. Шлёт родителям почтенье. Деду шлёт большой привет, жить желает много лет и велит забыть про старость. Эти письма—в доме радость. Да не только в этом доме—имя девушки знакомой не забыто в письмах. Нет! Каждый раз в них есть: «Привет дорогой подруге Тосе», той, что письма им приносит.

Дед лежит себе на печке, ноги в тёпленьком местечке, спину греет, кости парит, с зятем, с дочерью гутарит — он про внука, те про сына. Это ясная картина — все втроём отводят душу в разговорах про Ванюшу:

— Вот пройдёт зима, а летом Ваня явится студентом...

Постучался кто-то в раму.

— Не письмо ли от Ивана?

Письмоноска под окном тонким-звонким голоском:

— Принесла я вам газету, а письма сегодня нету.

Вот старик слезает с печи, распрямил немного плечи:

— Засвети-ка дочка, свету, почитаем-ка газету.

Марья лампочку зажгла, все уселись у стола и от самой первой строчки прочитали всё до точки про великий этот план, что всему народу дан.

Долго дед сидел, молчал. Долго думал. И сказал:

— Да! Большой вопрос поставил наш отец товарищ Сталин. Я в его премудром плане вижу всё своё мечтанье. Значит, будем всем народом переделывать природу. Значит, будем мы с Иваном сад рассаживать по планам. Ах, зелёный шум весёлый! Зацветут деревни, сёла, разукрасятся поля — вся Советская земля!

ПРО ДЕДА ВОДЯНОГО

Было в одном селе на нашей земле. Давно было, а когда именно — теперь уже, конечно, не досчитаешься и не допытаешься.

Однако можно сказать, что было это в те давние-предавние времена, когда люди по своей воле в глухих местах среди лесов селились на вольной и довольной земле, где никаких помещиков ещё и в помине не было.

Жили-были мирные землепашцы, хлеб да коноплю сеяли, всякий скот и птицу водили, пчёл держали. Угодья для этого были подходящие: место ровное, поля и луга широкие, на лугах озёра и болота были, а по берегам кустарник-тальник рос. И не только тальник, а тут тебе и калина, и малина, и чёрная смородина, и ежевика-ягода. На лугах помногу сена накашивали. На выгонах стада пасли. По озёрам домашние гуси да утки плавали, а в болотах всякая прилётная дичь водилась. В старину богатое тут место было, поэтому, наверное, и село Привольем назвали.

Был, говорят, в этом селе дивный родник — вода из него кверху фонтаном выбивала, водяным столбом в человеческий рост. А вода чистая, холодная, лёгкая для питья. Всё село из этого родника воду брало.

Рассказывали старинные люди, что в этих местах сам дед Водяной жил, он тут в озёрах и родниках хозяйничал.

Однажды жарким летом купались в озере девушки и одна из них тонуть стала. Другие крик-шум подняли, а вытащить

не сумели. И она утонула. Искали-искали тело, так и не нашли. Ну, и пошёл тут разговор, что это дед Водяной её к себе утащил. Как водится, поговорили, а потом про этот случай позабыли. Перестали люди этого озера опасаться и опять стали в нём купаться.

Была в этом селе девушка. Красавица или не красавица — это как кому глянется. Но, надо думать, не плохая была. Сватался к этой девушке один парень хороший, но отец дочь не отдал. Так сказал:

— Молода. Погодить надо.

Ну, погодить, так погодить. Парень и годил — не стал другую сватать.

Однажды пошла девушка на родник за водой, ведро зачерпнула, а вытащить не может. Будто кто держит ведро и не отпускает. Девушка закричала. Прибежали люди помогать, тянули-тянули, так и не вытянули — ушло ведро в родник... И тут стали люди девушке говорить:

— Это дед Водяной с тобой пошутил. Верно, ты ему приглянулась.

Прошло сколько-то времени. Пошла девушка с подружками на озеро, купаться. Все купаются, и им хоть бы что, а эта девушка стала тонуть. После-то она сама сказывала: «Будто кто тянул меня за ноги в самую глубь». Как стала она тонуть, подружки, конечно, туда-сюда забегали, закричали-заплакали:

— Тонет! Тонет!

А парень, который к девушке сватался, где-то недалёчко на лугах был. Услыхал он крики, прибежал. А её уж не видать, только круги по воде расходятся. Парень, в чём был, в озеро кинулся и вытащил девушку.

Ну, вытащил. Прошла эта беда мимо. А ведь в жизни как бывает: что миновало, то словно бы и не бывало. Опять люди посмеиваются, опять говорят девушке:

— Это тебя дед Водяной хотел к себе взять. Ты ему приглянулась.

Приглянулась ли она Водяному деду, про то никому неведомо. А вот парню она крепко приглянулась. Опять он пошёл её сватать. На этот раз отец согласился. Сказал:

— Ладно, отдадим. Ты её из воды спас, значит и быть ей твоей.

Просватали девушку. А свадьбу отложили до «красной горки», то есть до весны.

И вот, надо же было такому делу случиться, весной в самую бездорожицу поехал жених верхом на коне по каким-то делам в другое село. Туда проехал благополучно, в одном месте, через доло̀чек, лошадь, хотя и по-брюхо, а хорошо через воду перешла — по твёрдому дну. А когда парень назад ехал, так в этом же самом месте ухнул его конь в воду прямо с ушами, словно в яму в какую попал. Бьётся конь в воде, вот-вот вымахнуть, ан нет! — опять тонет... Тут парень, не будь дурак, с коня долой, и прямо в воду ахнулся. А поводок-то он себе на руку накрутил. Конь опять в воде забился и на этот раз вымахнул на берег. Конь-то выбился, а парня на поводке едва-едва вытянул. Этого дела, конечно, никто тогда не видал, а парень после будто бы сказывал:

— Вот как меня конь тащил — я думал у меня и рука оторвётся.

После этого случая опять люди стали поговаривать:

— Это всё Водяного деда шуточки: он парня на дно тянул, хотел его от невесты отбить.

Кое-кто парню советовал:

— Отставай от невесты, всё равно Водяной от неё не отвяжется, где-нигде он её утопит. А может, и ты этого не минуешь — сердит он на тебя.

Парень этим советчикам так сказал:

— От невесты я не отступлюсь. А если Водяной от нас не отвяжется, так мы сами от него отвяжемся. Свет не клином сошёлся.

Подошло время, женился парень. Женился и увёз молодую жену из этого села вон — переселились насовсем в другое место. Где они после жили — далеко ли, близко ли, — а в этом селе больше не бывали. Только доходили слухи, что век свой они благополучно прожили, тихо-мирно померли, и после них доброе поколение осталось.

А когда они из села, из Приволья, уехали, то в скором времени будто бы стали люди замечать, что вода в этих мес-

тах мало-помалу на убыль пошла. Прежде всего болота начали пересыхать. А тут и озёра стали мелеть и уменьшаться. И в чудесном роднике водяной столб становился всё ниже и ниже, а потом и вовсе не стала вода вверх выбивать, и сделался на этом месте самый обыкновенный родничок.

И пошли про эту убыль воды всякие разговоры. Одни так объясняли:

— Видно, Водяной дед на нас рассердился и отвёл воду.

А другие говорили:

— Не на что Водяному на нас сердиться. А что вода пропадает, так это он по девке сохнет—не стало её тут, вот он и тоскует.

Как бы там ни было, но вот прошло с тех пор лет сто или двести, и стоит теперь село Приволье на сухом месте... А поля-то вокруг него широкие. А почвы хлебородные, богатые. А люди тут живут трудолюбивые. И кабы эта земля от засухи не страдала, вот уж, действительно, было бы тут настоящее приволье!

И вот приехала в это село агрономом — молодая девушка по фамилии Привольская. Разговорилась она с колхозниками и между прочим рассказала им:

— Мои, — говорит, — деды-прадеды здешних корней — из этого самого села выходцы. Поэтому, — говорит, — у нас и фамилия такая — Привольские.

Сказала, конечно, и по какому делу приехала — по внедрению травопольного севооборота.

И, конечно, она прежде всего поля обследовала, ознакомилась с местностью. Целый день то с председателем, то с бригадирами ходила да ездила. А на другой день пригласила с собой в поле кое-кого из колхозников. И вот они ходят с ней по полям, по лугам и рассказывают, какие тут раньше угодья прекрасные были:

— Вот здесь, — говорят, — было озеро!

— А вон там, — на пашню показывают, — болота были и кустарники.

— А теперь, — говорят, — вода от нас ушла, и остались мы на сухой степи...

Девушка их спрашивает:

— И куда же от вас вода ушла?

Один пожилой колхозник говорит:

— А кто же её знает, куда она ушла. По всему видно — глубже в землю она ушла. Это мы и по колодцам замечаем — всё больше и больше в них вода осаживается. Ведь иной раз прямо-таки досуха вычерпываем. Не стало воды...

И другой присказал:

— Сильно обезводела наша местность. Ушла от нас вода...

Про Водяного они ей ничего не рассказывали. Неудобно. Ведь каждый, конечно, понимает, что в институтах такое дело не преподают. К тому же и себя отсталым оказывать тоже никому не интересно.

Вот подошли они к большому оврагу. Девушка показывает на этот овраг и спрашивает:

— А вот здесь, товарищи, что у вас раньше было?

— Здесь что было? А ничего здесь раньше не было. Луговина была. Трава росла. Сено косили. А вот теперь — размыло...

Один старик сказал:

— На моей памяти это место рушить начало. Год от году всё дальше да глубже размывает. Весной и в сильные дожди тут вода шурует — и батюшки мои! От этого оврага отроги вон уж куда пошли — в дальнее поле...

Вздохнула девушка, покачала головой. А потом говорит:

— Вот она куда ваша вода ушла — овраги её вытянули. Эх, друзья мои милые, товарищи дорогие, и что же вы со своими полями наделали! Верховья оврагов вы не крепили. Запруды не ставили. Весенние воды не отводили и не задерживали — катай, размывай дальше да глубже! И вот подпочвенные воды и вышли у вас в овраги, и покатились в синее море. Вот вы говорите: «Вода от нас ушла». Да. Действительно, ушла от вас вода. Вот в эти овраги она ушла. Сами вы её упустили. Поэтому и уровень воды в колодцах стал ниже.

Поглядели колхозники один на другого, другой на третьего. Наконец один сказал:

— Правильные эти слова. Выходит, сами себе наделали беды и остались вовсе без воды.

А девушка говорит:

— Да. Выходит, так. И придётся вам, товарищи, эту беду поправлять. Здесь должны быть пруды. Имейте в виду — не один пруд, как у вас в плане стоит, а целая система полевых прудов. Верховья оврагов надо укрепить. Приовражное лесонасаждение необходимо, товарищи, продолжать и план перевыполнить. Дела будет много, но откладывать его нельзя. Иначе не будет у вас и той воды, какая пока осталась.

Призадумались колхозники, и агроном тоже. Потом она спросила:

— Знаете что я сейчас прикидываю? А что, если завтра прочитать в клубе лекцию на эту тему? Как вы посоветуете?

Колхозники это предложение очень одобрили:

— Лекцию? Насчёт борьбы с оврагами? Это надо. Обязательно!

— Надо! Надо! А то замучили нас овраги.

Когда возвращались с поля, агроном и те, кто помоложе, ушли вперёд. А двое пожилых немного поотстали. И произошёл у них такой разговор:

— Её насчёт травосеянья прислали, а она, гляди-ка ты, и в другие дела вникает. Весь наш рельеф местности как по книжке прочитала. Как она насчёт оврагов-то вывела! Ну, способная девчонка!

Другой на это откликнулся:

— Куда! Недаром наших привольских корней. Оно ведь образованье-то неодинаково к людям прививается: иной выйдет — узкой специальности, только по своему делу понимает, а иной и пошире рассуждение имеет. Девушка дельная, что и говорить! Башковитая! А я, слушай-ка, что думаю: помнишь, наши старухи сказывали, как дед Водяной к парню с девкой привязался и выжил их из села? Так вот не их ли корней она и будет?

— А то каких же? Кроме них, у нас из Приволья никаких выходцев не было. Этих самых корней! И вот теперь она этому Водяному раздокажет — приведёт его в дисциплину!

ТРИ АННУШКИ

Не в городе, а в селе, не в улице, а в переулке, жили-были два брата Кондрат и Игнат. И дедушка и отец у них горшечным делом занимались, а по наследству это ремесло и к Кондрату с Игнатом перешло.

Делали Кондрат и Игнат всякую глиняную посуду и в ближних сёлах на базарах её продавали. Старший брат Кондрат, конечно, хозяином считался — вся забота на нём лежала, от него и распоряжение шло. Знал Кондрат, в какое время какая посуда хозяйкам требуется, когда и на что на базарах спрос бывает. Как подходит пора коровам телиться, он побольше молочных горшков на базар вывозит. К полотью и к сенокосу, а тем более к жнитву, он кувшинов и жбанов наготовит, ведь людям надо с собой в поле кваску или водицы брать. Ну, а осенью, когда хлеба с полей уберут и всякую овощь с огородов снимут, у хозяек самая стряпня пойдёт — и солят, и варят, и парят, и жарят. В эту пору на чашки-плошки, на всякие корчажки большой бор бывает. А уж печной горшок круглый год требуется, потому что щи да кашу, пищу нашу, каждый день варить приходится.

Кондратову посуду на базарах не обегали, знали его за доброго мастера—уж он какую-нибудь кособокую или косоротую посудину на базар не вывезет—себя срамить не станет. И действительно, работал аккуратно и от младшего брата того же требовал.

А младший брат Игнат не только от старшего брательни-

ка не отставал, а ещё и почище его сработает — и крепко, и гладко, да ещё разными причудами разукрасит. Какие он расчудесные кувшины выделывал, залюбуешься! По горлышку выведет мелкий узорчик — ёлочки, да зубчики, да волнистые полосы, а по пузу распишет, как говорится, петухами-курами, разными фигурами. Для любителей, по заказу, он даже именные кувшины делал.

С кувшинов Игнат на другое перешёл, начал детские игрушки из глины лепить — всяких коней, гусей-лебедей, петушков да курочек. А потом и за куклы принялся.

Кондрат сам причудами не занимался, но младшему брату не запрещал. Однажды, перед ярмаркой, даже сам наказал:

— Давай-ка, — говорит, — брат Игнаша, наделай-ка подостаточней этой разной детской забавы. Ярмарка большая будет, такой товар тоже хорошо разойдётся.

А Игнат этому делу и рад. Закончил он горшки, сколько ему полагалось, и принялся игрушки лепить. Много их наделал. А обливу пустил и красную, и зелёную, и жёлтую с белизной, и красную с желтизной. Обжигал сам, старшего брата и близко к печи не подпускал.

И вот всё у Игната готово. Расставил он в избе по полу всю эту детскую забаву — тут тебе и соловьи-свистульки, и петушки зубчатые гребешки, и лебеди с лебедятами, и уточки с утятами, и кони — шея дугой, грива волной, хвост трубой. А уж куклы! Ну, что это за куклы — прямо загляденье! Барыни в шляпах, платья на них до-долу, с оборками и разными подборками. Ну, мастер был! Ведь эти фасоны и всякие фестоны надо выделать. А одну куклу Игнат вылепил на особицу — не барыня, а вроде крестьяночка: в сарафане, при фартучке, платочком повязана, по спине коса вьётся, на шее бусы. А из-под сарафана лапоточки виднеются.

Нечего говорить, хороши у Игната куклы задались. Уж на что Кондрат на похвалу скуп, и тот прихвалил.

— Очень, — говорит, — такую работу одобряю — барыни форменные. Вот, — говорит, — на базар такая кукла и требуется.

А крестьяночку не одобрил:

— Эту, — говорит, — Оксюту деревенскую зачем лепил, столько времени потратил? На такую никто не позарится. Это для ярмарки вовсе бы и не надо.

Игнат сперва смутился, а потом отшутился.

— Звать, — говорит, — её не Оксютой, а Анютой. И она,— говорит, — у меня непродажная, не для базару припасёна, а для домашности.

И вот стали собираться на ярмарку. С вечера товар в фуру уложили, соломой переложили. А утром, чуть рассветало, отправились. Кондрат лошадь тронул, со двора съезжает, а Игнат в избу воротился — куклу-крестьяночку на полочку поставить, из возу вытащил, не взял её на ярмарку. Вошёл он, а кондратова жена Марья по избе мечется.

— Ах, ах, не метёно, не прибрано, посуда не мыта, вода не принесёна... С этой, — говорит,—вашей укладкой не успела в избе прибрать... А вечером корова придёт, подоить некому...

Вовсе Марья расстроилась. Говорит:

— Что теперь делать? Или дома оставаться или какую домовницу позвать?

А Игнат так это шуткой и сказал:

— Да ведь вот оставляем домовницу—Аннушку. Приберёт в избе. А до коров ты и сама воротишься—тут близко.

Марье охота на ярмарке побывать, и она на всё рукой махнула:

— Ладно, — говорит, — с ярмарки воротимся, хоть ночью, а уберусь как-нибудь.

Заперли они избу на замок и пошли. Вскоре и Кондрата с возом догнали, он не далёко уехал, ведь горшки-то не рысью возят, а шажком, да и то лошадь придерживают.

Долго ли, скоро ли ехали, а к началу торга явились в это большое село. Товар с воза сняли, расставили в горшечном ряду свои обливные чашки-плошки, расписные кувшины. А детскую забаву — разные игрушки — Кондрат отдельно выставил.

Народу на ярмарку собралось многое множество — люди пришли-приехали кто с куплей, кто с продажей, кто на людей поглядеть, кто себя показать. Тут и споры, и разговоры, и катанье на карусели, и всякое веселье. Одно слово—ярмарка.

На всякий товар спрос был хороший, а кондратовы горшки все до единого разошлись. И глиняные игрушки хорошо разобрали. Да и как было не брать — и так хороши, а лучше того Кондрат прихваливал:

— Эх, ребятёнки, весёлые глазёнки! Купите петушка, поёт по-соловьиному. А вот конёк, рыжий, как огонёк, не бежит, а скачет. Цена пятак, отдал бы так, да больно деньги нужны. А вот куколка хороша —не барыня, а душа. Обливная, глазуреная, как жар горит, только не говорит. Кому уточку с утятами? Кому соловья? Не гляди, что глина, а было бы мило. Давайте подходите, товар глядите, за погляд денег не берём.

Один бедный старик всё на игрушки завидовал, хотелось ему конька купить—внуку в гостинец. Две копейки давал:

— А больше, — говорит, — у меня, хоть вытряси, нет.

Не уступил Кондрат. А уж под конец ярмарки, когда у него только один конёк от всего товару остался, он его старику и отдал:

— На, — говорит, — пользуйся так, коли не осилил за пятак. Тебе — внука повеселить, а нам чтобы с полной распродажей порожнём домой прикатить.

Кончилась ярмарка. Пока того-другого покупали, пока собирались, невидаючи и вечер наступил. Домой приехали ночью.

Марья, как порог переступила, так за веник ухватилась, а огонь засветила, глядит—что такое?—пол подметёный, посуда перемытая, на лавке вёдра с водой—до краёв полнёхоньки.

— Ой, батюшки, да и корова-то подоёна и молоко процежено. Кто же у нас убирался?

Утром Марья одну соседку спрашивала, та говорит: «Нет, не заходила», другую спросила, и эта ничего не знает. Так и осталось—что тут было, что не было, никому неведомо.

И вот с того дня так и повелось: всё у Марьи ладится, будто дела сами делаются — всё шито, всё мыто, в избе чистёхонько, на дворе прибрано, у двора подметёно. А Марья то за ворота выйдет с соседками посидеть, то днём отдохнуть приляжет. Стали бабы спрашивать:

— Как это ты, Марьюшка, все дела переделать успеваешь?

А Марья шутница была, засмеётся да и скажет:

— Или не видали у меня помощница-то какая? Уж вдвоём-то с Аннушкой мы все дела управим.

В шутку сказано в шутку и принято. Всё же про домовницу Аннушку многим стало известно.

Раз как-то случилось Кондрату по каким-то делам пойти в дальний конец села за речку. Воротился он оттуда и говорит:

— Ну, брат Игнат, видал я твою Аннушку.

У Игната даже и уши покраснели:

— Какую такую Аннушку? Моя Аннушка вон на полочке как стояла, так и стоит. Чего же её не увидать?

Кондрат ему пальцем погрозил:

— Ты, — говорит, — мне зубы не заговаривай, они у меня не болят. Эту Аннушку я ежедень вижу, а вот сегодня и ту повидал, с которой ты эту вылепливал. Ну, хороша девушка. Нечего сказать, хороша! Люди сказывают—очень работящая, заботливая. На всё мастерица — что прясть, что ткать, что полоть, что жать. Ну, чего же? Сватать что ли будем?

Игнат, конечно, этому делу обрадовался. А вот Марье такие слова поперёк души пришли. Как начала она приговаривать:

— Да неужто парня с этой поры женить? И ему не вышли года, и невеста молода. Да или я у вас плохая хозяйка? Или у меня какие дела не деланы? Или вы у меня не обшиты, не обмыты, не накормлены?

Взялась баба говорить, её не переговоришь. Кондрат сначала только помалкивал, а потом примолвил:

— Пожалуй, верно, что рановато. Ну, что же, годка два погодим... Не опоздано...

Так через Марью это дело и расстроилось.

Загоревал Игнат. Хоть и обещалась Аннушка два года прождать, а кто знает, как дело повернётся? Родители могут пригневолить — за другого отдадут. Всякое бывает... Досада берёт Игната. И вот он думает: «Ну, погоди, сделаю я этой Марье такое, что сорок раз спокается». И сделал—потайком взял эту домовницу-Аннушку, отнёс её в тот конец, за речку,

да и подарил той Аннушке, которую Кондрат однажды видал. С той поры Марьину скорость и спорость как ветром сдуло — опять она ни в чём успевать не стала. Пока печку топила, телёнок отвязался, на чужой огород забежал. Пока за телёнком гонялась, в печке щи укипели. Хватилась щи долить, а в ведре ни капли... Шумит Марья:

—Тьфу ты, пропасть! Хоть разорвись, а везде не поспеешь...

Доглядела Марья, что Аннушки-домовницы на полочке нет, спрашивает Игната:

— Куда это наша Аннушка подевалась?

Игнат, будто спроста, говорит:

— А я почём знаю? Может, прогуляться пошла или куда в гости.

У Марьи дела пошли всё хуже да хуже. Не стало в доме никакого порядка — не может Марья со всеми делами управиться.

Кое-как зиму прозимовали, лето пролетовали, а осенью Марья сама заговорила:

— Ведь я вовсе из сил выбилась. Трудно мне одной. Давайте-ка Игната женить.

Ну, женить, так женить. Посоветовались и пошли сватать. Усватали. Хоть и не с охотой, а всё-таки отдал отец свою Аннушку за безземельного горшечника Игната. Как водится, наварили пива и браги. И сыграли свадьбу.

Пир был, конечно, не на весь мир, и даже не на всё село, ну, а на всю женихову и невестину родню, можно сказать, был пир. Как говорится—и я там была, но мёд, пиво не пила—некогда было пить-кушать, впору было на веселье глядеть да песни слушать.

На этом сказка кончается.

Сказка кончается, а быль начинается. Сказка была про старинные года, а быль будет про не очень давние.

С той поры, как горшечник Игнат на зареченской Аннушке женился, прошло времени примерно с полвека, другими словами — лет пятьдесят. Молодые за это время состарились, а малые повыросли. Многое в жизни переменилось, а самое главное — сама-то жизнь совсем иной стала.

Было это в одном большом городе. А в каком городе—в Казани или в Рязани, в Саратове или в Ардатове—уточнять не будем, потому что в наше время такое во всяком городе бывает.

И так в одном городе открыли выставку народного творчества. Для того эту выставку устроили, чтобы показать, какие в нашем народе искусники есть и чего они могут достигнуть даже без обучения, а только своей практикой, как говорится, самоучкой.

Ну, и было же что посмотреть на выставке. Тут тебе и всякое рукоделье—и тканое, и браное, и плетёное, и вязаное, и вышивки всевозможные—и тамбуром, и крестиком, и гладью белой и разноцветной. Тут и картины очень живописные масляными красками писаные, глядишь на картину — и будто перед тобой настоящий лес, и вода, и поля широкие. Тут портреты, а на них люди, как живые, ну, вот-вот заговорят. Тут тебе и различные фигуры, из дерева вырезанные. Ну чего-чего на этой выставке не было! А под каждым изделием аккуратная такая бумажка приклеена и на ней на машинке отпечатано — кто эту вещь делал, в каком селе, в каком колхозе.

А в одном месте, на виду, стол стоял, накрытый столешником—красный, узорами браный столешник старинного тканья. Кисти у столешника тоже красные, чуть не до полу спускаются. На этом столе расставлены в ряд четыре глиняных изделия. Первое—горшок, ну, обыкновенный печной горшок, в каком кашу варят. Рядом с этим горшком обливной кувшин, украшенный разными узорами. С кувшином рядом — кукла глиняная, тоже обливная. Интересная кукла! Изображает девушку-крестьяночку, на ней сарафан с фартучком, платочком повязана. Лапоточки из-под сарафана виднеются. Одним словом — вся прежняя деревенская обряда показана. А рядом с этой куклой — тоже глиняное изделие и тоже изображает русскую крестьянку, только не старинных годов, а наших дней,—молодая колхозница. Могучая такая женщина! Взгляд озабоченный и такой решительный. Волосы из-под платка немного выбились и одна прядь почти до брови спустилась. В руках она держит уздечку. А на груди у неё ме-

даль, какую многие колхозницы получили за свой доблестный труд на полях, это когда в Отечественную войну всеми силами фронту помогали. Вот такая колхозница.

На бумажках под горшком и кувшином отпечатано: «Работа мастера-гончара Игнатия Ивановича Горшенина», и адрес указан — село такое-то. Под обливной куклой так написано: «Аннушка-домовница», глиняная кукла работы мастера гончара Игнатия Ивановича Горшенина». А под изображением колхозницы надпись такого содержания: «Молодая колхозница», работа скульптора-самоучки Ивана Игнатьевича Горшенина, медфельдшера колхоза «Новый мир», село такое-то», то есть то же самое село, что и у отца. А на столешнике тоже обозначено, чья работа — «Анны Никаноровны Горшениной, матери молодого скульптора». Видали? Целое семейство искусников — отец, мать и сын.

На выставке, конечно, побывало много посетителей — и городские люди и приезжие из сёл. И кто бы ни зашёл, все особенно интересовались этой «Молодой колхозницей» — до того хорошо она сделана. Ну, как живая!

Вот однажды собралось около неё человек двенадцать-пятнадцать и с ними, как это в музеях и на выставках полагается, экскурсовод, который всё объясняет и может ответить на вопросы. Этот экскурсовод начал рассказывать про старинного мастера-гончара Игнатия Горшенина.

— Он, — говорит, — был не просто горшечник-ремесленник, а человек одарённый, талантливый. Он, — говорит, — стремился такие красивые кувшины и игрушки выделывать, чтобы сердце радовалось. Вот, — говорит, — создавая эту куклу, он вложил в неё свою мечту о красоте и чистоте, о любви к труду и к жизни. И не случайно, — говорит, — в семье Горшениных назвали эту куклу Аннушкой-домовницей, она стояла в доме на почётном месте, и семейные считали, что при ней и в избе светлее и на сердце веселее, а все дела будто сами делаются...

А потом пошла речь про Игнатьева сына Ивана. Экскурсовод рассказывал, как парнишка с малых лет отцу помогал горшки-кувшины и детские игрушки делать. И ведь до чего дотошный был — не только по отцовским образчикам лепил,

а и по своей выдумке. Когда в семилетке стал учиться, а потом в фельдшерский техникум перешёл, всё равно не бросил это глиняное дело — помогал отцу и сам приучался. Как экскурсовод объяснял, он от отца-искусника и от матери-рукодельницы такую способность по наследству принял, что мог красоту понимать и чувствовать. Работая с отцом, он и приобрёл навык в обращении с глиной, покорилась она его рукам — что задумает, то и вылепит. Достиг парень мастерства!

— Вот, — экскурсовод говорил, — перед вами «Молодая колхозница» — скульптура, прекрасно выполненная Иваном Игнатьевичем Горшениным. Эта работа говорит о его большом таланте.

Потом он стал объяснять, что в старое время в деревне талантливому человеку невозможно было развивать свои способности в полную силу. И ведь, действительно, живя в деревне, какую культуру мог тогда видеть крестьянин? Научился грамоте, и то хорошо. А в наше время совсем по-другому люди живут, хотя бы и в деревне: газеты и книги читают, радио слушают, кино смотрят. А случится человеку из сельской местности в город приехать, так он может и в театрах, и в музеях, и на выставках побывать, посмотреть, чего другие достигают. Пожалуйста! Это теперь всем доступно. Экскурсовод это так высказал:

— Знакомясь с образцами творчества, наши талантливые самоучки в своих работах могут приближаться к профессиональному искусству.

Тут один из посетителей спрашивает:

— Значит Иван Игнатьевич Горшенин специального образования по скульптурному делу не получил?

Экскурсовод отвечает:

— Нет. Не получил. В этом деле он самоучка, любитель, занимается этим в свободное от работы время.

И, конечно, все ещё пристальнее стали рассматривать эту скульптуру. Один так отошёл немножко, пригляделся издали, и говорит: «Как хорошо выражение лица передано». А другой говорит: «Обратите внимание на руки — какая сила и красота». А тот, любопытный, опять спрашивает:

— Интересно, — говорит, — узнать — почему он её изобразил с уздечкой, а не с серпом или ещё с чем, более близким женской работе и женской силе?

А другой, тоже из посетителей, ему так ответил:

— Это, — говорит, — совершенно ясно — почему. Он показывает колхозницу военного времени, когда наши женщины во всех работах мужчин заменяли — и пахали, и сеяли, и косили, и возили. Как это у поэта Исаковского сказано...

Кто-то примолвил:

— «Какая безмерная тяжесть на женские плечи легла...»

— Вот именно, — «какая безмерная тяжесть!» И как женщина всё это переносила. Так вот это самое в лице выражено. А уздечка тут не причём, это дело второстепенное.

А любопытный опять с вопросом:

— Скажите, пожалуйста — чем объяснить сходство в чертах лица Аннушки-домовницы и этой молодой колхозницы?

Интересно — что бы на это экскурсовод отвечать стал? Но тут подошёл молодой человек... ну, как молодой — лет тридцать или чуть побольше... очень скромный, одетый чистенько. До этого он в отдалении стоял и всё прислушивался. Подошёл он и говорит:

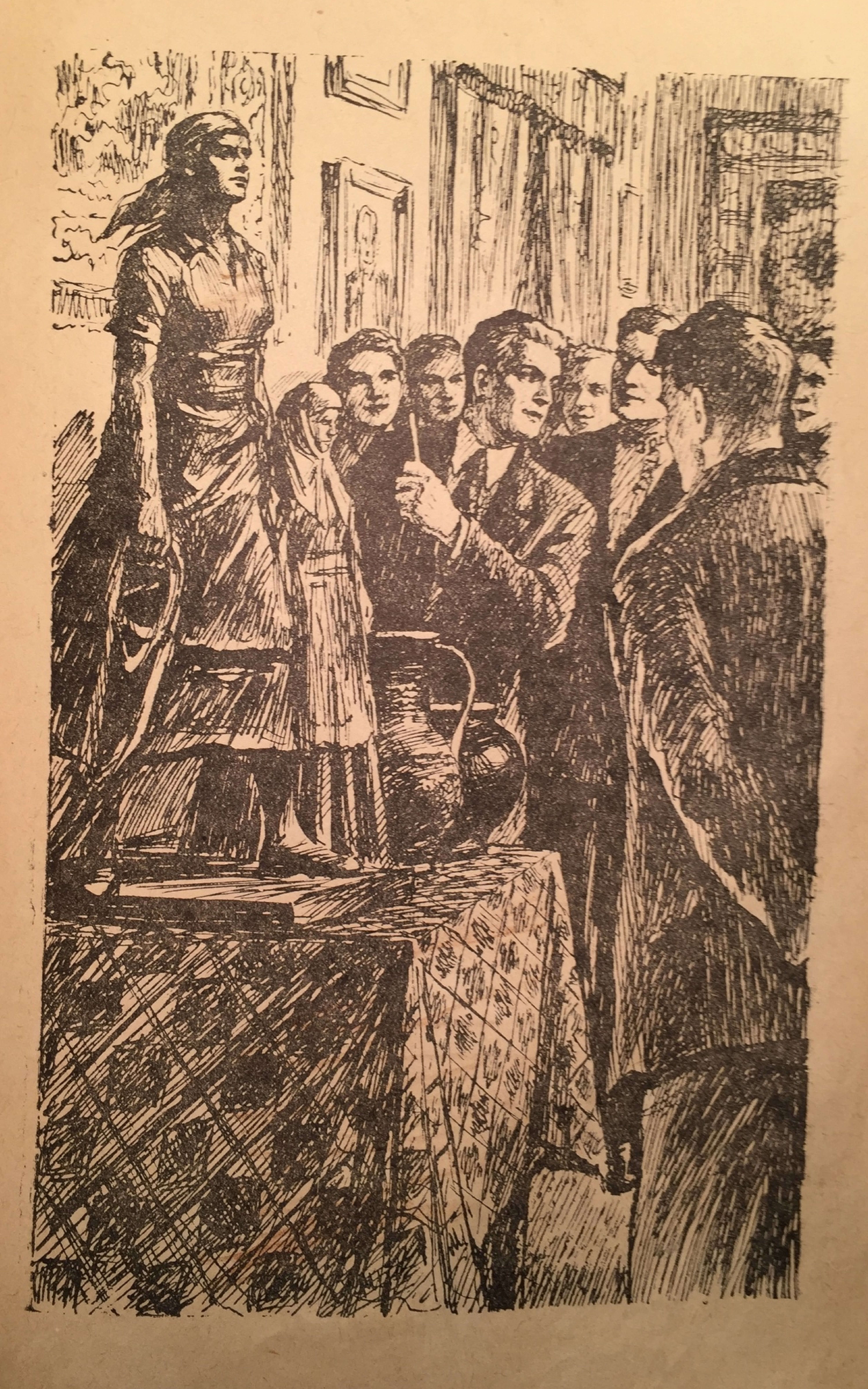
— Извините, что я вмешиваюсь в ваш разговор. Я — Иван Горшенин. Это моя работа, и мне хочется объяснить, почему получилось такое сходство. Мой отец, когда лепил куклу, держал в памяти образ любимой девушки Аннушки. Потом он женился на ней—это моя мать. А я лепил «Молодую колхозницу» со своей сестры, а она на мать очень похожа. Вот отчего получилось сходство.

А тут находился очень пожилой человек, совсем седой, и в очках. Наверно, пенсионер какой-нибудь. Он сейчас же эти слова по-своему повернул:

— Так, так, — говорит, — значит сия Аннушка-домовница доводится как бы мамашей «Молодой колхознице»?

Иван Игнатьевич чуточку призадумался, видать, тоже по-своему эти слова прикинул, и отвечает:

— Да, — говорит, — ваше замечание совершенно правильное. Кукла, действительно, сыграла большую роль в моей жизни. Именно она пробудила во мне интерес сначала к от-

цовскому делу, а потом и стремление к самостоятельному творчеству.

Тут все стали спрашивать молодого скульптора — как у него зародилась мысль изобразить такую колхозницу. И он рассказал:

— Когда, — говорит, — я после войны возвратился домой, то нашёл на нашей двери замок. И я пошёл поискать кого-нибудь. И первая, кого я встретил в колхозе, была моя сестра. Она тогда работала старшим конюхом. Я увидел её буквально вот в таком виде. За шесть лет она очень изменилась, в её лице появилось для меня новое — необыкновенное упорство и сила. Потом я это же замечал и у многих других колхозниц. А лицо сестры прямо-таки врезалось мне в память, оно не давало мне покоя. И вот я попытался... ну, как бы это сказать?.. я попытался эту силу и настойчивость показать в своей скульптуре.

Кто-то спросил его:

— Иван Игнатьевич, а ваших родителей уже нет?

Он отвечает:

— Мама жива. Старенькая, но ещё работает. В огородной бригаде.

И опять раздаётся вопрос:

— Товарищ Горшенин, а как зовут вашу сестру?

Товарищ Горшенин засмеялся и говорит:

— Представьте себе — тоже Аннушкой.

ВЫСОКАЯ ПАЛАТА

ЕСТЬ на свете дивная палата. Высока палата и богата. Свод над ней из синих потолочин светлыми гвоздями приколочен, золотые гвоздики сияют, словно свечи пламенем мерцают.

А под этим ясным синим сводом, по дорогам, лишь ему знакомым, пастушонок ветер ералашный гонит стадо беленьких барашков. Гонит мимо тихие стада, неведомо откуда и куда.

А внизу, от тёмного порога, тихо вышла чёрная корова, по полям, долинам, по оврагам побрела она неслышным шагом. Ходит-бродит чёрная корова, вот она и свет весь поборола — призатих на время шум весёлый, все уснули в городах и в сёлах.

Чёрная коровушка недолго погуляла по полям, дорогам. Вот в своей украшенной светлице пробудилась красная девица. Красная девица Заряница в зеркало чудесное глядится, алым шёлковым платочком машет. Не найдёшь девицы этой краше! По лугам красавица гуляет, чёрную корову загоняет. В хлев загнала, на замок замкнула и в замочке ключик повернула, а серебряный тот ключик малый спрятала за опояской алой. По лугам красавица ходила, с опояски ключик обронила...

— Не сыскать его в траве немятой...

И девица разбудила брата. Брат, удалый молодец красивый, крепко спал под занавеской синей. Зов сестры любимой

он услышал, быстро встал и на крылечко вышел, глянул на луга и засмеялся, и — сестрицын ключик сам поднялся.

Ходит брат такой весёлый, светлый, пламя свечек перед ним померкло, даже потолочины слиняли и из синих голубыми стали. Всё чудесным светом озарилось, всё повеселело, оживилось — по дубравам пташечки запели, на лугах цветочки запестрели. Кто зимой и летом одним цветом — закивал богатырю с приветом. А за ним с приветом и другой — одетый летом, а зимой нагой. Поклонился маленький Антошка, в круглой шляпе крошка-одноножка. Кланяется и Антипка-низок, на котором семьдесят семь ризок — у Антипки множество одёжок, только все одёжки без застёжек.

На полях, в садах, в лесах и в сёлах снова раздаётся шум весёлый. Принимает богатырь поклоны, все ему и близки и знакомы. Богатырь идёт под синей крышей, словно в гору — выше, выше, выше.

А из города из Светлограда едет грозная седая баба, заслонила свет, всё потемнело. Застучала баба, загремела. Но никто не испугался бабы, бабу ждали, бабе очень рады. Вот она грохочет! Вот грозится! А народ глядит и веселится — все от мала до велика рады. Ну, и баба тоже очень рада. Баба плачет, слёзы льются, льются. Ребятишки прыгают, смеются:

— Трах-трах-тарарах,
Едет баба на горах,
Падогом стучит,
На весь свет ворчит.
Малые ребятки
Бегут без оглядки,
Рассыпали горох
На сто семьдесят дорог,
Горох, раскатися,
Новый уродися,
Домой воротися,
В горшке очутися,
В печке сварися,
На стол становися.
Стук-стук-стучки,

На горе стручки,
Всё лопаточки,
Куропаточки.

И у бабы слёз как не бывало. Провожают бабу стар и малый:

— Вот спасибо, баба, навестила!
— Вот спасибо, баба, погостила!

На прощанье баба улыбалась. Ей вдогонку песня раздавалась:

— Через речку и луга
Стоит нарядная дуга,
Дуга крашеная,
Разукрашеная.
Солнышко, вёдрышко,
Выгляни в окошечко.

Укатила баба в путь далёкий. Снова ясно в горнице высокой, на её зелёных половицах рожь, овёс, и просо, и пшеница стелятся пушистыми коврами, обещают дать зерна буграми.

Ой, богата дивная палата! На её просторах необъятных с каждым днём приметнее краса, с каждым днём чудесней чудеса.

Вот лежит от края и до края путь-дорога, как стрела прямая. По дороге мчится дивный конь — гладкий, вороной, глаза — огонь, грива белая по ветру вьётся. Конь бежит, под ним земля дрожит. Конь несётся, вся земля трясётся. Конь летит, всё ускоряя бег, за собой увозит сто телег, на телегах множество народа. Сто телег! Немалая подвода!

А под синим пологом кружится на полёте птица-соколица. Пролетает птица над полями, далеко бывает за морями в странах жарких, тёплых и холодных, выше облаков летит свободно. Но едва она земли коснётся, красною девицей обернётся: шёлковое платье надевает, золотые косы заплетает и пойдёт к учёным на собранье, а потом к подружкам на гулянье. Вот она какая—чудо-птица! И, конечно, всякий подивится, как она разумна, как красива. Только в том нет никакого дива, если вот такая соколица ясному соколику приснится.

Под высоким пологом красивым есть ещё и не такое диво: дивная пшеница золотая по три колосочка выпускает на одной соломинке-былинке. Вот какую чудо-яровинку вырастили золотые руки с помощью старанья и науки.

А на склонах гор растут сады, зреют в них чудесные плоды: то ли яблочко, а то ли груша? То ли слива, то ли что получше? Их растил учёный садовод. Его имя знает весь народ. Человек совсем простого рода из простого города Козлова, садовод совсем не чародей. Чем же славен он среди людей? Тем, что, подчинив уму природу, сделал доброе всему народу.

Жизнь идёт вперёд. На вольном свете множество чудес, не только эти. Их всё больше, больше с каждым годом. Их народ творит в труде свободном.

На полях, под буйными ветрами, поднимаются леса грядами и, шумя зелёною листвой, укрощают страшный летний зной.

Покорил свободный человек вольное теченье быстрых рек, чтобы путь иной они нашли, чтоб в сухие степи воды шли, чтоб каналы по пескам бесплодным разливали голубые волны и у той живительной воды расцветали мирные сады.

Велика, могуча и богата славная высокая палата! И по всей палате той чудесной раздаётся радостная песня о прекрасном небывалом веке, о великом мудром человеке. Зачинатель величайших строек, он во всём неколебим и стоек — неуклонно он ведёт вперёд. Его сила в том, что с ним народ. Век наш именем его назвали. Это имя знаете вы сами.

В той палате, под звездой счастливой, расцветает жизнь, как сад красивый, сад, умелою рукой взращённый. Здесь горит огонь, водой рождённый.

Вот сидит учёный у ворот, уходящим дням он счёт ведёт— триста шестьдесят пять отсчитает и—другую книгу начинает. Он, конечно, впишет в книги эти всё, что видел дивного на свете.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *С. Трегуб.*

Иллюстрации худ. *Б. Лебедеви.* Обложка — автора
Технический редактор *Г. Горенштейн.* Корректор *А. Мурашова.*

Фор. б. 60×88 1/16. Кол. печ. л. 8,9. Бум. л. 4,6. Уч.-изд. л. 7,02.
ФЛ16609. Подписано к печати 29 июля 1952 г.
Тираж 15 000. Заказ 2379.

Типография Пензенского областного издательства.
Пенза, ул. Кирова, 65.

5р.20к.

